

63.3(2) 7129(47)21 K260748
П449 П449

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО.

9(47)21 и. подшивалов.

П449

ГРАЖДАНСКАЯ БОРЬБА НА УРАЛЕ 1917—1918.

(Опыт военно-исторического исследования).

С 16-ю фотографиями и схемами
в тексте и приложениями.

„Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам исторические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата“.

Ленин.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

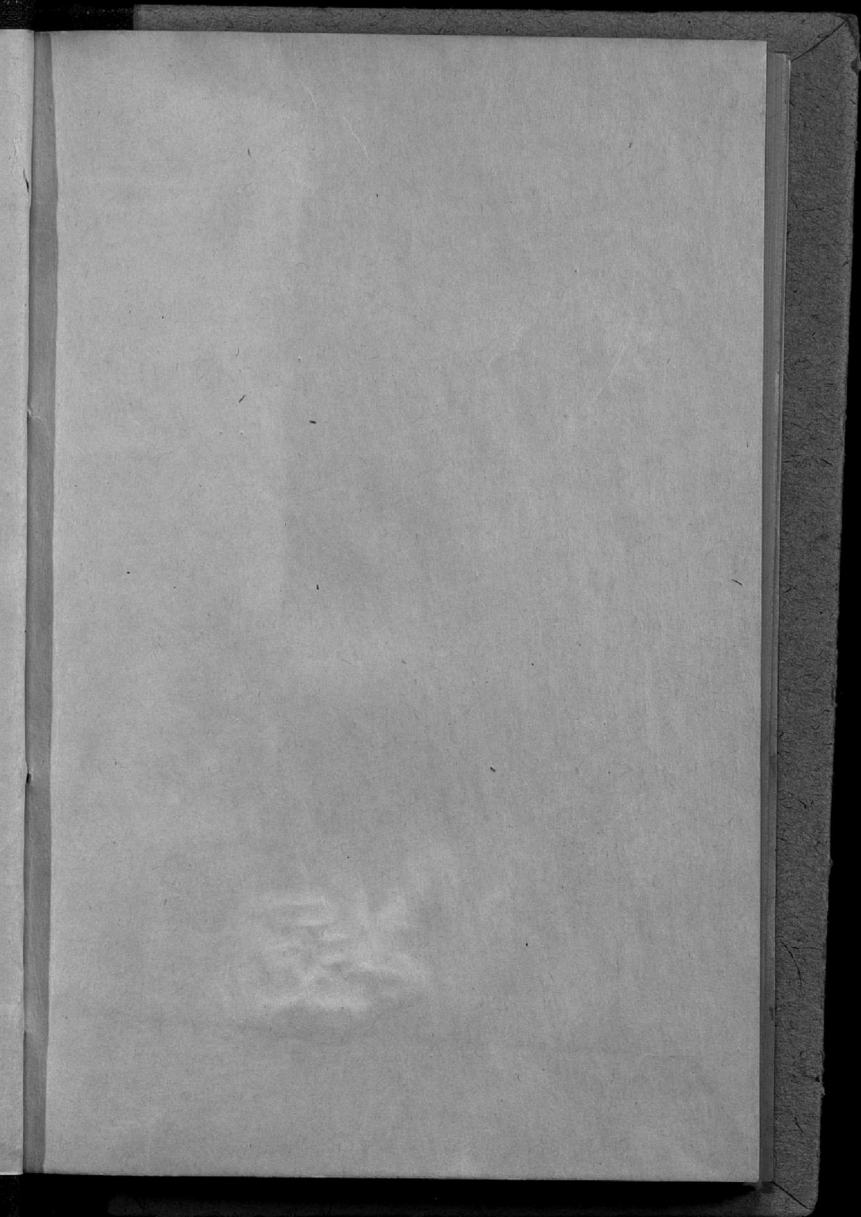
Москва.

1925.

1650

KP.

10

Handwritten text on a piece of paper:

15
8/11
7

9(47)21

П449

63.3(2)34

✓ К 260748

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От автора . . . . .

СТРАН.

5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

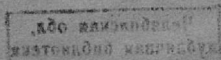
Боевое движение Южного Урала	9
I. Экономика Южного Урала	9
1. Общий обзор Урала	10
2. Сельское хозяйство и крестьянство	14
3. Фабрично-заводская промышленность	27
II. Боевое движение на Урале	35
1. Боевое движение 1905—1909 г.г.	35
2. Возрождение боевых организаций	48
III. Боевое строительство Южного Урала	61
I и II с'езды	61
III, IV и VII с'езды	68
Распад боевых организаций	78
Характер и формы строительства	87
Значение системы боевых организаций	96

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Гражданская борьба на Урале	105
Урал перед гражданской войной	105
Начало гражданской войны на Урале	110
Борьба с дувовщиной	111
Борьба с крестьянскими восстаниями	122
Чехо-словацкий бунт	126
Действия советских сил южного урала	129
Действия южно-уральских отрядов Блюхера-Каширина	135
Борьба оренбургских отрядов	140

Челябинская обл.
публичная библиотека

	СТРАН.
Отдельные бои и операции	146
Бой под Мнассом	146
Оборона Самары	151
Бой под Нязе-Петровским заводом.	158
Наступление на Бугульму	161
Бой под Дюртюлями на р. Белая	168
III. Выводы из опыта гражданской войны Урала	174
Организация и управление.	174
Тактические особенности боевых действий	177
Человеческий материал	182
Рабочая масса в гражданской войне.	183
Крестьянство в гражданской войне	188
Боевые особенности уральских отрядов.	189
Приложения:	
1. Устав боевых организаций Н. В.	194
2. Первая инструкция для стрелка Н. В.	198
3. Инструкция первой и второй губ. дружинам.	201
4. Хроника событий	210
5. Перечень участников	214
6. Общий перечень и критика источников	216
7. Схемы	218

„Нам не так пужны результаты, как изучение. Результаты без развития, которое ведет к ним — ничто. А результаты, которые фиксируются, как неизменные и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже чем бесполезны“.

Ф. Энгельс.

(Письмо к Кугельману).

О Т А В Т О Р А.

В связи с нарастанием новых революционных волн международного рабочего движения вопросы тактики и техники революционной борьбы приобретают актуальное значение.

Необходимость учета нашего революционного военного опыта в помощь революционному движению Запада и Востока обязует русских военно-политических работников, активных участников революции, всесторонне исследовать процесс гражданской борьбы, выявить ее важнейшие факторы и особенности.

До сего времени, за прошедшие шесть лет, лишь некоторая часть участников гражданской войны в отдельных статьях, записках и воспоминаниях уделила внимание этому вопросу (при чем без всякой попытки к обобщению и выводам). В частности первый этап революции и гражданской борьбы (захват власти, первая борьба с контр-революцией, мобилизация рабочих масс) совершенно не вскрыт исследовательской мыслью. А между тем этот период заслуживает

наибольшего внимания, ибо является важнейшим, решающим моментом всякой революционной борьбы, — моментом, когда закладываются основы военно-политической организации масс, производится их вооружение и оформление в государственную боевую силу.

Именно в этом периоде ставится и разрешается та грандиозная задача, которую в свое время на VIII Съезде партии (в марте 1919 года) следующим образом характеризовал тов. Ленин:

„Пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией. Но классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего класса — как создать ему своих командиров, как решить задачу сочетаний революционного энтузиазма, нового революционного творчества с использованием того запаса буржуазной науки и техники милитаризма, без которых пролетариат не сможет овладеть современной техникой и современным ведением войны?..“

Этот основной вопрос любой революционной армии глубоко интересен в первоначальных попытках его разрешения.

Первый момент вооружения рабочих масс, первое боевое крещение их, накопление военного опыта, мучительный идейный и организационный переход к формам государственной системы вооруженной силы, борьба коллективистических и анархических проявлений масс, наконец, углубление идейного и военно-технического напряжения масс по периодам — словом, вся эта страдная полоса зарождающейся революционной армии представляет благодарную тему для исследования.

В настоящем труде, составленном по заданиям ВНО и Военно-исторической комиссии, разбирается именно одна из интереснейших страниц этого периода русской гражданской войны — вооружение и борьба южно-уральских масс в 1917—1918 г.г.

Автор, задавшись целью детально изучить и осветить процесс зарождения гражданской войны на Южном Урале, сознательно и преднамеренно сократил во времени и пространстве объем исследуемого.

Автор лишь в общих чертах коснулся истории Оренбургской борьбы (в степях) и совершенно не затронул происшедшего в Екатеринбургском районе (борьба Среднего Урала), как составляющего независимый и самостоятельный узел событий, развивавшихся в обстановке особых политико-экономических условий. Факты и данные борьбы этих соседних районов приводились постольку, поскольку они влияли или объясняли процесс борьбы Южного Урала.

В своем исследовании автор стремился установить конкретную взаимосвязь и зависимость военно-политических моментов и явлений от экономических оснований изучаемых событий.

Не в описании событий автор видел свою главную задачу, а в изучении и выяснении явлений.

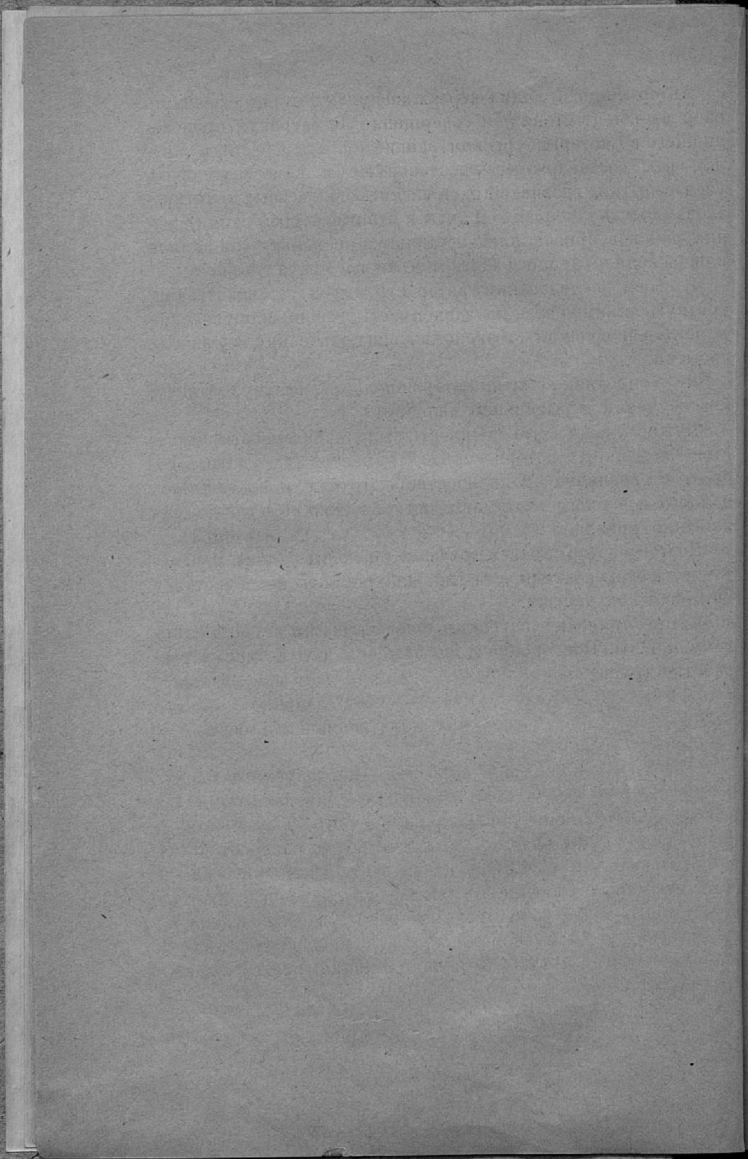
Нужно указать, что спешность выполнения работы, отсутствие подлинных исторических документов (их удалось собрать в ограниченном количестве) затруднили возможность полного и верного выявления исторических событий и переживаний края.

Поэтому автор заранее признает множество „описок“ и неточности в изложении событий, допущенных по недостатку исторических данных.

Автор приносит глубокую благодарность С. М. Белицкому и К. П. Подгорецкому, оказавшим содействие в разработке труда.

Автор.

К 1

е
р
к
е
т
б
т
п
н
ф
д

ст
по
ха
не
де
на
ма
ци
щ

ЧАСТЬ I.

БОЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА.

Экономика Южного Урала.

(Экономическое состояние и классовое расслоение).

„Логика фактов сильнее всякой индивидуальной воли, ей в конце концов должен подчиняться всякий класс, о нее разбивается всякое насилие. За кого логика фактов, т. е. кто работает в том направлении, которое дано обществу, по естественной необходимости, силой экономических условий, тот в конце концов будет тем, кто смеется последним, как бы велики ни были препятствия, которые нагромоздят против него невежество и эгоизм. А в том именно и состоит практическое значение теории, что она дает нам возможность познавать направление, по которому движется логика фактов (Каутский—„Жорес и тактика германской социаль-демократии“).

Изучение экономической подосновы исследуемого общественного процесса является наиболее определяющим и показательным выявителем его внутренних особенностей, характера и формы развития, а также объема распространения и напряженности. Живые цифры статистики при соблюдении известных условий,—наиболее красноречивая карта нарастания и спада общественных процессов. Ниже уясняемая глубокая связь экономики Урала с процессом революционных событий 1917—18 гг. дает лишний, подтверждающий это, пример.

Общий обзор Урала.

Урал — старейший русский металлургический центр — в географическом отношении составляет грань между Сибирью и европейской Россией. По своему быту, истории, производственным и этнографическим особенностям он является одной из оригинальнейших наших окраин, особенно в средней и южной своих частях.

Средний и Южный Урал, наиболее населенные, промышленно развитые и богатые районы, несколько отличаются один от другого. Различия эти касаются, прежде всего, внутреннего экономического состояния и географическо-этнографических особенностей.

Средний Урал — большой горнозаводский район с высоко развитым и сравнительно однородным пролетарским элементом, с крупными промышленными предприятиями и промышленным центром в Екатеринбурге, издавна объединившем в себе руководство производством и рабочим движением. Этот район сравнительно богат железными дорогами и под'ездными путями. В силу этого он более тесно связан с центром, более культурен и экономически самостоятелен. Справа — его облегает средняцкое крестьянство Западной Сибири, а слева — бедное население Вятской и Пермской губерний; то и другое в силу своего экономического положения не только не могло служить началом противодействующим революционному движению Среднего Урала, — наоборот, в силу экономических соседственных с ним связей, а главное собственных интересов, само находилось под влиянием этого движения. Революционная роль Среднего Урала поэтому была особенно громкой и видной по Сибири и Прикамскому краю. В 1917—18 гг., обладая наиболее развитым пролетарским составом, отборными партийными силами, он являлся областным центром и переживал революционный процесс в сравнительно более мягких и организованных формах, нежели Южный Урал.

Южный Урал — с востока и юга облегает оренбургское казачество, с запада — богатое самарское крестьянство. Население его смешанное, промышленность расположена груп-

пами и рассредоточена в лесисто-гористых районах. Отсутствие хороших путей (грунтовых и железных) создает разобщенность и разрозненность. Единого управляющего центра в южно-уральской промышленности нет в силу исторических и географических причин (рабочий округ—наивысшая форма организации и управления), так как города, находясь на отлете, были далеки по всему своему социальному быту и географическому положению. Характерной особенностью их является убого-мещанский быт служилой интеллигенции, обслуживающей различные казенные, земские учреждения, а также разные предприятия и организации прочих категорий. Чиновный либерализм, страх перед всякой оппозицией правительству, боязнь всяких революционных действий—таковы общие черты, характеризующие этот слой населения. Между тем он являл собой верхушку края. Остальное население городов преимущественно состояло из мелких торговцев, мещан, приписных крестьян, рабочих разнообразных мелких производств и т. д. Словом, элемент сборный и к руководящей революционной роли непригодный. Приведенная характеристика особенно справедлива в отношении крупных городских центров Южного Урала—Уфы, Златоуста, Челябинска и проч. Златоуст, например, включая и его рабочую массу, являет собой захолустно-мещанский посад, отличающийся полным отсутствием классово-сознательных рабочих групп. Этот мелко-буржуазный характер Златоуста отчетливо выявился как в первой, так и во второй революции.

В период революционных отливов 1905—1912 гг. в городах Южного Урала в подтверждение вышеуказанных особенностей (мелко-буржуазность населения) мы видим усиленное развитие черносотенства и реакционно-обывательских проявлений.

Такой характер южно-уральских городов сохранился и до 1917 года, при чем военные неудачи, всколыхнувшие к 1916 году даже сугубо консервативные общественные слои в Центральной России, здесь почти не отразились.

Живую революционную струю в общем движении 1905 г. и в дальнейшем вносили лишь заводские рабочие и жел.-

дорожные мастерские. В течение 1905 года они провели ряд частных районных и общих забастовок; частично эти забастовки разрешились кровавыми эпизодами и обострениями. В основе этих забастовочных волнений жел.-дорожных и заводских рабочих на $\frac{9}{10}$ лежали экономические требования. Политический момент почти отсутствовал. Это одно характеризует движение. Вторая особенность этого движения: неодновременность и несогласованность выступлений.

Революционное сердце южно-уральских рабочих в силу удаленности, плохой связи и малой классовой развитости билось не в унисон с Москвой и Петроградом. Движение южно-уральских заводов развивалось в рамках узких интересов отдельных заводов, стимулируясь конкретными бытовыми особенностями состояния каждого завода в отдельности. В состоянии южно-уральских заводов был лишь один вопрос, вызывавший большое возбуждение и массовый революционный подъем среди населения. Это—вопрос о земле. Там, где он обострял забастовочное движение, события выливались всегда в крайне резкие и ожесточенные формы. Чтобы вполне уяснить его роль, продолжавшую быть главенствующей и во время революции 1917 года и последующих событий, необходимо рассмотреть социально-экономическую и географическую структуру Южного Урала.

Южный Урал по своим географическим и этнографическим особенностям подразделяется на три части: Приуралье (равнинная часть Уфимской губ.), собственно Южный Урал (уезды Златоустовский, Стерлитамакский и Верхне-Уральский) и Степное Зауралье (Челябинский, Троицкий и Орский уезды).

Все эти три района, весь треугольник Челябинск—Самара—Оренбург, обладая территориальной хозяйственной взаимосвязью, в 1917—18 гг. характеризуется неразрывным единством переживаемых политических процессов. Центр его—Уфимская губерния. Исследуемые события преимущественно развертываются в Уфимской губ. Она является центром, сосредоточивавшим все нити движения 1918 года—поэтому социально-хозяйственная структура Уфимской губ.

и ее классовая дифференциация представляет для настоящего изложения наибольший интерес.

Уфимская губ. занимает 104.027 кв. верст, протяжением с юга на север, и с запада на восток свыше 500 верст. В географическом и хозяйственном отношении она подразделяется на: 1) гористо-лесистую восточную часть и 2) западную—равнинную. Из крупнейших экономических факторов района нужно отметить: а) реку Белую, пересекающую губернию с юга на север и являющуюся одним из наиболее важных транзитных путей, б) Самаро-Златоустовскую жел. дорогу, прорезывающую Южный Урал с запада на восток и связывающую его с Сибирью и Центральной Россией. Это два главных транзита Приуралья. Шоссейные и трактовые пути весьма слабо развиты по всему Южному Уралу.

По переписи 1913 года общее количество населения Уфимской губернии 3.140 тыс. чел. По национальному составу оно разбивается: на русских, украинцев, белоруссов, составляющих в сложности — до 39%, башкир — до 40%, татар — 10%; остальное падает на разнообразные мелкие народности финско-тюркского происхождения (чуваши, черемисы, мордва, вотяки и др.), насчитывающие до 20 племенных групп. Аборигенами края являются башкиры, наиболее густо заселяющие восточную и южную часть губернии. Русское население являет собою сборный элемент, составившийся за период усиленной колонизации в течение XVIII и XIX веков из выходцев и переселенцев Центральной России. По классовой принадлежности большинство (2.983 тыс.) — крестьяне и мелкие производители; остальное — мещанско-ремесленный и чиновно-торговый элемент городов и заводов. Города бывшей Уфимской губ. имеют весьма небольшой состав. Всего 225.181 чел. Селения — 2.480.770 чел. Остальное падает на заводы, отдельные предприятия и хозяйства. Общая плотность населения от 26—37 чел. на 1 кв. версту (наибольшая по заводскому Уралу, наименьшая — в восточных уездах, обладавших гористо-лесистыми незаселенными пространствами). Наибольшей плотностью отличались Мензелинский и Белебеевский уезды (западная окраина).

Итак, этнографическая пестрота и культурно-племенное разнообразие, а также слабая заселенность края и рассредоточенность населения—наиболее характерные факторы для Южного Урала. Они должны были резко сказаться не только на революционном движении в крае, но и в предопределении многогранности его развития.

Сельское хозяйство и крестьянство.

Сельское хозяйство—первенствующее занятие края. Основа его—зерновая культура с крайне примитивной техникой и удобрением. По количеству средне-урожайных ежегодных сборов (до 120 млн. п. разных хлебов) Уфимская губ. относится к производящим. Характер хозяйств исключительно крестьянский. Мелкое трудовое крестьянство является основанием экономики Уфимской губернии. Цифровые данные о земельном обеспечении и подворно-хозяйственном состоянии красноречиво подтверждают это. По переписи 1917 года всего в Уфимской губ. насчитывалось 10.262.898 дес. Из них:

Казенной	577.678 д.	Городов и учреждений .	256.670 д.
Удельной	115.805 „	Частно-владельческ. . .	1.360.288 „
Церковно-монастыр- ской	17.212 „	Крестьянск. единолич. .	1.063.041 „
Крестьянск. банка .	43.586 „	Крестьянск. наделн. . .	1.985.972 „

Таким образом, у крестьян (95% населения) сосредоточивалось 75% всей земли. Частно-владельческой, т.е. по преимуществу помещичьей, было 15%. (Общий сбор хлебов с первой выражался в 110 мил. пудов, со второй—6 мил. пудов). Причина в том, что уфимское дворянство, состоя из захудалых не крупных хозяйственных родов, в течение последних десятилетий перепродало большую часть своих земель мелким производителям. Сельско-хозяйственная устойчивость (неурожай, низкие цены на зерно, боязнь со-

циальных потрясений и т. д.) в начале XX века особенно ускорила ликвидацию помещичьих имений.

Распределение помещичьих земель по переписи 1917 года таково:

- 1 — 256 тыс. дес.
- 7 — 100 до 200 тыс. дес.
- 300 — 1.000 до 10.000 дес.

Остальные имели хозяйственные участки по несколько сот десятин. Экономии помещиков, занявшиеся было производством хлебов на широкую ногу, за последнее десятилетие окончательно прогорели и ликвидировались.

Они работали исключительно за счет даровой мужицкой силы, исполу или за отработки сдавали часть земель ближайшему крестьянскому населению; наибольшее развитие таких отсталых форм крепостничества можно было наблюдать в Мензелинском уезде, особенно перед революцией. Однако, дешевая рабочая сила не спасла бесхозяйственно существовавшие предприятия, они разлагались и распродавались. Таким образом, можно констатировать несомненный факт, что дворянское землевладение — основа экономической и политической власти этого класса — в Уфимской губ. еще до революции разложилось, при чем его ликвидация окончательно определялась падением общественной роли дворянства и его деклассированием. Уфимское дворянство последнее десятилетие фактически комплектовало кадры чиновников и мелкой городской интеллигенции Уфимского края. В силу всего сказанного, в революционных событиях 17-го года оно играло весьма мало заметную роль.

Переходим к рассмотрению крестьянского хозяйства. Несмотря на то, что 95% всей площади удобных земель занято крестьянским хозяйством, нужно отметить в положении его ряд крупнейших нездоровых особенностей. Прежде всего распределение земли (перепись 1917-го года):

Безземельных	7%	От 15—20 дес.	11%
До 3-х десят.	8%	„ 20—30 дес.	10%
От 3—5 дес.	10%	„ 30—40 дес.	4%
„ 5 до 10 дес.	28%	Более 40 дес.	7%
„ 10—15 дес.	17%		

Как видно, безземельных немного. Но хозяйств малоземельных (ниже 10 десятин) почти половина всего числа. (По земскому обследованию, при существующей в губернии сельско-хозяйственной технике земельное обеспечение крестьянского двора среднего по размеру семьи не должно быть меньше 16 десятин). Такая группировка крестьянских дворов по размеру землевладения получает еще большее заострение при рассмотрении земельной обеспеченности по уездам. Златоустовское крестьянство в среднем обеспечено в $2\frac{1}{2}$ раза более, чем мензелинское, испытывавшее острую земельную нужду. Земельная теснота Мензелинского уезда являлась фактом крупнейшего революционного значения. Средне-земельное обеспечение было совершенно недостаточно и толкало крестьянство на резкий революционный путь экспроприаций и погрома помещичьих усадеб. При общей поуездной неоднородности в земельном обеспечении, земельный голод особенно ощущался в ряде отдельных групп крестьянства—таковы довольно значительные категории приписных к заводам и „припущенников“ на башкирские земли. Преимущественная группировка последних падает на Златоустовский, Стерлитамакский и Верхне-Уральский уезды. Эта категория крестьянских дворов представляла большой вопрос землеустройства Южного Урала.

Крупнейшим показателем ненормальности землеустройства в Уфимской губ. является чрезвычайное развитие аренды. Ровно одна треть всех хозяйств прибегала к аренде, восполняя земельную нехватку. По переписи 1917 года было 948 тыс. десятин арендованных земель (по принадлежности: 80% из надельного землевладения, 16% из частно-владельческих и казенно-удельных земель). Крестьянство арендовало друг у друга землю и, как видно, в огромных размерах. Это—наглядный признак „земельной неразберихи“ Южного Урала. Объясняется это следующим: исторические и бытовые условия создали особенно богатую в земельном отношении группу крестьян-башкир вотчинников, у которых размер надела на ревизскую душу нередко достигал 100—150 десятин. Хотя за последние 10—15 лет, благодаря распродаже, площадь вотчинного землевладения значительно сократилась,

но оставалась еще весьма большой (30% всех наделных земель). Вотчинники-башкиры являлись самой богатой в земельном отношении категорией, хотя сами в силу многих исторических пережитков и неприспособленности к ведению сельского хозяйства, не обрабатывали своих земель, а сдавали их в аренду или оставляли свободными. Златоустовский и Белебеевский уезды особенно выделяются своей наибольшей площадью башкирского землевладения и максимальным развитием арендных хозяйств. Арендные цены были сравнительно не высоки. Однако, аренда несколько не улучшала и не обеспечивала развитие крестьянского хозяйства. Аренда в Уфимской губ. при крупном общем хозяйственном и налоговом натяжении ложилась лишней тяжестью на крестьянское хозяйство. Поэтому она только увеличивала экономическое расслоение и углубляла земельное обострение. Процент хозяйств, арендующих и сдающих землю, в сравнении с их посевной площадью дает следующую любопытную таблицу:

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ.	Процент арендующих.	Процент сдающих.
До 2-х десятин	22	38
От 2— 4 „	27	26
„ 4— 6 „	35	22
„ 6—10 „	45	18
Более 10 „	60	12

Как видно мелко-посевные, экономически слабые хозяйства лишь в 1/5 своей части прибегают к аренде, а крупных посевищиков-арендаторов насчитывается уже 60%. Наоборот, среди сдающих—крупно-посевных только 12%, а мелких—в 3 раза более. Деревенская беднота сдавала в аренду свои земли более сильным и экономически закабаляла себя из года в год. Исходя из этого состояния арендного вопроса,

известный земский работник Красильников приходит к следующему выводу о „необходимости коренного изменения земельного строя в Уфимской губ.“.

„В крае, живущем по преимуществу землей, где хозяйство представлено, главным образом, мелкими трудовыми единицами, в общественном отношении невыгодно, бессмысленно вести арендное хозяйство: несоответствие с общим хозяйственным режимом при наличии аренды будет сказываться каждый момент и будет постоянным источником для катастрофических последствий“ (Красильников—Экономическое положение Уфимского края).

В то же время на арендных взаимоотношениях резко сказывается классовая дифференциация Уфимского крестьянства, а еще более отчетливо эта дифференциация является в посевной площади и в наличии рабочего скота. По переписи 1916 года на 2.609.483 чел. крестьянского населения было всего 490.745 хозяйств, при чем из них:

Без всякого скота	38.134	8%	Безлошадных . . .	96.389	19%
Без коров	115.299	25%	С 1 подростком . . .	3.734	—
С 1 коровой	217.388	44%	С 1 раб. лошастью	189.481	39%
С 2 коровами	103.736	23%	С 2 раб. лош.	121.194	24%
С 3 коровами	54.272	—	С 3 раб. лош.	44.983	22%
			С 4 и более	35.014	7%

ПО СОСТОЯНИЮ ПОСЕВОВ.			У этих же посевных групп всего скота без перевода мелкого на крупный было:
Без посева	56.208	11%	104.180
0—2 дес.	106.100	22%	520.326
0—4 дес.	121.181	25%	1.082.736
От 4—6 дес.	80.913	17%	1.070.590
От 6—10 дес.	74.955	15%	1.415.843
Свыше 10 дес.	50.388	10%	1.694.867

КТО ЗАПИСАЛ
ИЗМЕНЕНИЯ

Таким образом, при богатом черноземе Уфимского края, наполовину необрабатываемом, при возможности широкого развития скотоводства и при ряде прочих сельско-хозяйственных возможностей, содействующих благосостоянию, можно усмотреть в приведенных таблицах цифры, характерные для крестьянского хозяйства центральной России: здесь имеется 10% люмпен-пролетарского, батрацкого элемента, менее 10% кулаков и остальное—бедняцкий и середняцкий элемент. Общий фон Уфимского крестьянского хозяйства—мелко-посевный и культурно-примитивный.

Крестьянское хозяйство в силу своей бедности в целом не давало условий для развития наемного труда в деревне. Даже в 1917-м году, в период наибольшей потребности в рабочей силе, когда наемный труд беженцев и военнопленных играл более видную роль, чем когда-либо,—все же хозяйств, имеющих наемных, постоянных рабочих было всего 3%, (при чем наемные рабочие составляли в отношении всего населения только 0,6%). Это особенно поразительно, если мы примем во внимание, что число хозяйств, имевших в 1917-м году своих семейных рабочих, было 7%, а хозяйств без наличия своих взрослых работников—30%.

Ежегодно до войны излишки батрацкого и бесхозяйного элемента деревни выбрасывала в город, на заводы или направляла в различные промысла. Быстрый рост городов Уфимского края, а также расширение заводских поселений объясняется исключительно этим. Уход на промысла в результате упадка хозяйства или на заводы принимал особо массовые размеры в неурожайные и тяжелые для хозяйства годы.

Промышленная деятельность сельско-хозяйственного типа весьма развита в Уфимской губ. Правда, лишь небольшой процент хозяйств (17,9%) имеет собственные промысла, но Уфимская деревня весьма богата разнородными видами промыслов, которые являются источником существования больших групп населения (пчеловодство, лесные промысла, деревообделочные, металлообрабатывающие, мелко-кустарные и т. д.). Многочисленный кустарь Уфимской губ. является фактически бедняцкой разнородностью Уфимского крестья-

нина. Наличие этих кустарей особенно характеризует восточную часть губернии.

Для полноты картины и более рельефного выявления вышеуказанных особенностей Уфимского крестьянского хозяйства нужно отметить результаты Столыпинской реформы и ее последствия. Как и нужно было ожидать—по характеру хозяйства—она получила очень слабое развитие. Из 700.000 душевых наделов укреплено было в собственность 50.000, около 10.000 выделено на отруба и 561 душевой надел на хутора. По отношению к площади наделных земель укрепленные в личную собственность и остающиеся в чрезвычайном пользовании составляют 5%, выделенные на отруба 1 $\frac{1}{2}$ %, а на хутора только 0,13%.

По отдельным уездам цифры таковы:

У Е З Д Ы.	Процент наделов. Укреплен. чрезвычайн.	Выделенных на отруба.	На хутора.
Стерлитамакский	9%	5%	0,03
Белебеевский	7	1,4	0,12
Уфимский	7	0,4	0,09
Бирский	5	0,5	0,15
Мензеленский	3	1,8	0,04
Златоустовский	0,4	0,4	—

Таким образом, юго-запад губернии, примыкавший к Самарским плодородным равнинам, давал большие успехи в насаждении частной собственности. Северо-восточная же половина губернии, дала очень слабый результат, ибо на вотчинно-башкирские земли и коренных собственников закон 14-го июля 1912 года не был распространен.

Какие элементы деревни наиболее решительно реагировали на призыв о создании новых форм землевладения? Ответ дает следующая таблица:

Г Р У П П Ы.	% надделов укреплен. чресполос.	Выделен- ных в от- руба.	Выделен- ных на ху- тора.
Сеющих до 2 десятин	3%	1,1	0,10
„ от 2— 4 десятин	5	1,4	0,11
„ „ 4— 6 „	6	1,4	0,11
„ „ 6—10 „	7	1,6	0,14
„ свыше 10 „	8	1,9	0,14

Сильные экономические группы дали больший процент выделившихся на отруба и хутора. В общем выделение из общины было незначительно. Крестьянская община крепко держалась своей бедностью, бытовой закоснелостью и многовековыми традициями. Крестьянство ждало земли для всех и в большом размере и не шло на призывы Крестьянского Банка. Оно видело, по справедливости, в этом при настоящем состоянии своего хозяйства новую экономическую тяготу.

Зато в купчевом землевладении новые формы нашли более широкий отклик. Из 96.000 хозяйств (на купчевых землях) выделилось на хутора и округа 8.000 хозяйств, с земельной площадью около 10% всего крестьянского землевладения. Парезка земель здесь совершалась более интенсивно, чем в надельном землевладении.

Объем сельско-хозяйственной промышленности Уфимской губ. чрезвычайно велик. Сельско-хозяйственным промыслом занято более 80% всего населения. До 2/3 площади губернии эксплуатируется в разнообразных видах сельско-хозяйственного использования. Неземледельческая промышленность стоит в связи с сельским хозяйством, обслуживая ее нужды. Так в губернии имеется до 3.000 мукомольных мельниц, круподерок, несколько сот маслобоек, 24 винокуренных, пивоваренных завода, до 1800 кузнечно-слесар-

ных заведений, до 300 тележно-санных, до 800 колесных, до 600 заведений, производящих веялки и другие сельскохозяйственные машины, десятки лесопилок и деревообделочных заведений и т. д. Исключительно промысловых хозяйств очень немного. По переписи 1912 года таких хозяйств, включая и заводско-рабочее население, всего 29%. По переписи 1917 г.—17%, а в 1917 году—4%.

Следующая таблица дает характерное показание по развитию неземледельческой промышленности.

У Е З Д Ы.	Перепись 1912 г.		Перепись 1917 г.	
	Число хоз.	Число рабоч.	Число хоз.	Число рабоч.
Уфимский	26.279	32.468	19.184	29.513
Стерлитамакск	24.777	27.293	8.743	10.718
Белебеевский	21.726	25.018	23.246	31.192
Мензелинский	29.406	31.633	9.494	11.645
Бирский	15.736	17.848	13.919	18.147
Златоустовский	20.348	25.481	17.495	26.203
Итого	183.272	159.710	99.076	127.418

Мировая война остановила и ликвидировала большую часть этих промыслов и предприятий. Мелко-промышленные крестьянские заведения закрылись. Маслобойки прекратили производство. Лесопилки стали без работ. Винокуренные заводы закрылись в 1914 году. Даже мукомольное дело сократилось.

До данным переписи 1912 года распределение занятых вне земледелия лиц и хозяйств по категориям таково:

	Дворов.	Рабочих.
Батрачество	12.249	15.302
Лесное хозяйство	12.172	15.326
Рыболовство и охота	1.255	1.309
Добывание мин. бог.	797	1.100
Обработка дерева	9.919	11.983
Волокнист. веществ	880	1.051
Обработка металлов	3.276	3.756
Животных продуктов	1.782	2.057
Пищевых веществ	2.882	3.126
Транспорт	9.915	11.266
Горная промышленность	5.955	7.335
Служба и торговля	6.169	6.743
Прочие промысла	1.121	79.359

Мировая война весьма резким образом сказалась на состоянии сельского хозяйства Уфимской губернии; Уфимскому мужику она принесла разорение. Не даром начало ее во многих местах сопровождалось брожением и беспорядками мобилизуемых. Крестьянство инстинктивно сознавало предстоящие лишения и как могло протестовало. Это один из весьма любопытных признаков, выявивших отношение крестьянства к войне. Война вырвала из хозяйств 44,7% всех рабочих сил. Она резко уменьшила и подорвала сельскохозяйственные промысла и предприятия, произвела чуть ли не полную их ликвидацию. Она подорвала мелкое крестьянство (произвела резкое увеличение бесхозяйных, безлошадных и т. д.). Она ускорила развалы и разложение хозяйств. За период войны, как указывают «итоги обследований хозяйств Башкирской Советской Социалистической Рес-

публики к Сельско-хозяйственной выставке 1923 г.": „Уменьшились размеры землепользования, сократилась посевная площадь, выровнялись хозяйства многосеящие с хозяйствами мало-посевными, свелся до минимума рабочий и пользовательный скот, вывелась птица“..

Наглядно эти изменения Уфимского хозяйства за период войны иллюстрируются следующими данными:

Г Р У П П Ы.	До войны.	В 1916 г.
	В процентах.	
Без посевов	10	11
Посев до 2 дес.	19	22
„ от 2— 4 „	23	25
„ „ 4— 6 „	17	17
„ „ 6—10 „	17	15
„ Более 10 „	15	10
Безлошадных	17	19
Однолошадных	36	39
Двухлошадных	25	24
Трехлошадных и более	22	18

Как видно посев сократился незначительно, на 3%. Зато классовая дифференциация значительно усилилась. Война резко вскрыла язвы хозяйственного состояния и обнажила безвыходность дальнейших экономических перспектив. Прimitивная техника, бездоходность земельного производства и трехпольная система, земельное неустройство, убыль скота, крупное налоговое обложение (недоимки), пережитки арендно-крепостнических отношений — все это в условиях нищенско-крестьянского обихода ярко определилось и осозна-

лось в 1916—17 г.г. В данных условиях крестьянство уже не имело энергии пережить кризис и залечить экономический ущерб, нанесенный войной. Политика переселенчества, деятельность Крестьянского Банка, а также арендные возможности не улучшали материального благосостояния, а скорее заостряли его разорение. Отсюда в 1917 году создается всеобщая острая напряженность, обычное русское массовое ожидание чего-то, — накопление горючего материала для политических и экономических движений, нарастание инстинктивных стремлений политически разрубить этот экономический Гордиев узел и т. п.

В заключение несколько слов о самом Приуральском крестьянстве.

Приуральский крестьянин в среднем в условиях богатой природы являл собой бедняка, опутанного полукрепостническими отношениями, налоговыми и барщинными тяготами. В условиях капиталистического производства над ним в силу исторической косности тяготели формы крепостнической эксплуатации. Наличием этих особенностей — определялась его психика и быт.

Приуральское крестьянство в силу своей сборности, этнографической и культурно-бытовой разнородности, трудовой неустойчивости и земельной закабаленности имело люмпен-пролетарский характер и жило тесной связью с ближайшими заводами. Горы и долины в данном случае были близки по быту и характеру населения, по однородным экономическим условиям и переживаниям. Заводское население было по существу стоком батрацких элементов из равнины — поэтому заводы были конденсаторами исторически-накопленной революционной энергии приуральского крестьянства. Приуральское крестьянство в борьбе с крепостническим утеснением завоевало себе широкую известность в течение 2-х последних столетий. Оно в качестве крупной социальной силы играло видную роль во всех массовых движениях Восточной России. Вся история Урала XVIII—XIX веков пестрит крупнейшими заводскими бунтами, начиная с Пугачевщины, которая широко разливалась по Приуралью, находя здесь благоприятные социальные

корни. О размерах позднейших крестьянских движений, за отсутствием документальных данных, судить трудно. Однако, можно, например, отметить, что наибольшее развитие аграрное движение 1905 года получило в 3-х уездах Уфимской губ.—Златоустовском, Мензелинском и Стерлитамакском. В первом, под влиянием заводских движений и земельных отношений, во-втором—из за упомянутой выше земельной тесноты и наличия большого количества помещичьих имений, в последнем в силу национальной неразмежеванности и неразграниченности. Крестьянские движения выливались в форму агитации, брожений, погромов помещичьих усадеб, поджогов, потрав, самовольных порубок, раздела земель, сбора урожаев и т. д. В особенно крупных размерах земельные беспорядки и погромы помещичьих имений разразились в Мензелинском уезде. По данным Уфимского жандармского управления весной 1906 г. общее шатание и беспорядки обнимают уже весь край.

Весьма характерным показателем крестьянского брожения являются рекрутские волнения и беспорядки. В Катайновске, Стерлитамаке, Минияре, Воскресенском заводе и многих других местах происходили собрания рекрутов призыва 1906 года, при чем организовывались рекрутские союзы, выносились решения об отказе от присяги и т. д. Сельские общества действительно поддерживали рекрутов. Однако, от решительных действий в отношении властей предержавшихся рекрута уклонялись.

Из учета всех этих признаков социал-демократическая организация тогда вполне справедливо усматривала „наличие благоприятных условий для развития общего восстания и крестьянского движения“. (Окружная конференция Уфим. Комитета 1906 г.). Таково было состояние крестьянского движения в 1905—6 годах.

В прошлом Приуральское крестьянство свои попытки социальных перестроений оплатило кровью и кошмаром каторжного труда—в этом оно получило своеобразную историческую школу, приблизившую его к рабочим рядам. В настоящем его состоянии перед 1917 годом оно имело ряд спорных социально-экономических проблем, в разрешении

коих были заинтересованы крупнейшие категории всего Уральского населения в виде казачества, заводских рабочих, крестьян и инородцев.

Фабрично-заводская промышленность.

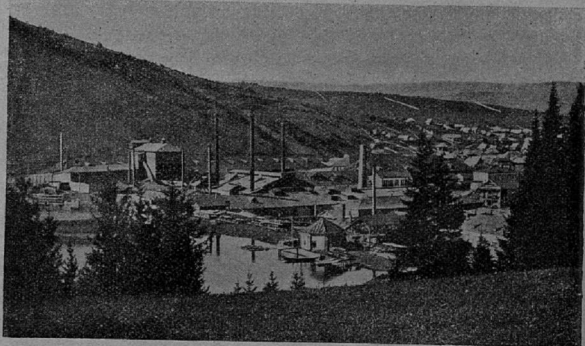
(Уральский пролетариат).

Южно-Уральская промышленность имеет свое весьма бурное историческое прошлое. Являясь наиболее глухой и обособленной казенно-крепостнической частью всей системы Уральского горнозаводского производства, она в особенно резких формах пережила за последнюю четверть века все невзгоды, выпавшие на долю последней. Южно-Уральская промышленность со всеми своими колоссальными естественными богатствами развивалась и поддерживалась исключительно дешевым крепостническим трудом, прикрепленных к заводам, крестьян. Технически-конструктивное состояние заводов, выросших на основе отживающего крепостнического хозяйства, было весьма несовершенным и несовременно.

Уральская промышленность пережила ряд крупных кризисов в своем развитии—в 60-х годах и 90-х годах XIX-го века и в начале XX-го века. Эти кризисы связаны с: 1) уничтожением дарового крепостнического труда, 2) неурожаем и повышением цен, 3) исчезновением кредита и появлением конкуренции юга, 4) с ломкой отживших форм натурально-хозяйственных отношений.

В результате последних кризисов южно-уральская промышленность чрезвычайно упала в своей производительности. Хищническая политика крепостников-заводовладельцев обескровила заводы. Примитивное производство, отсутствие современных технических мероприятий, отсутствие под'ездных путей, под'ем классовых требований со стороны рабочих, нерациональное ведение заводского хозяйства, наконец, убийственная конкуренция юга окончательно подорвали южно-уральское производство. Большинство заводов приспало. Лишь казенные заводы, вроде Златоустов-

ского, держались субсидиями и заказами казны. В период привлечения новых капиталов в Россию часть заводов перешла в руки бельгийско-французских компаний и начала перестраиваться на новую ногу. Однако тормазом в этом отношении были неизжитые земельно-экономические формы и промышленная неразвитость Южного Урала. Уральские заводы располагались группами и объединялись в виде округов; таковы: 1) Златоуст-Куся Миасс-Садка, 2) Катав-Ивановский, Усть-Катавский и Юрюзанский, 3) Симский, Миниярский, Усть-Катавский, 4) Белорецкий, Тирлянский, Лопытинский, Инзерский, 5) Овзяно-Петровский, Узянский,

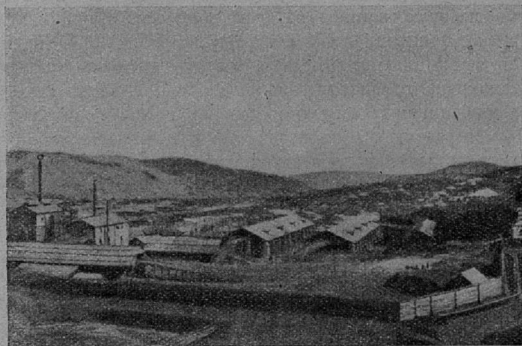

Симский завод.

Кагинский, 6) Комаровский, Зигаинский. Кроме этого много отдельных заводов, действующих и разрушенных разбросано по одиночно, как Архангельский, Богоявленский, Преображенский и т. д. Такое разобщенное положение заводов в лесной глуши и среди горных хребтов, вдали от транзитных и торговых путей, придавало им доморощенный характер и обрекало на медленное развитие. Наличие различных владельцев, порою незаинтересованных в конкуренции и совершенствовании заводского дела, обрекало все

попытки обновления и под'ема промышленности на неудачу. В ХХ веке отчетливо определились следующие решающие моменты состояния Уральской промышленности: 1) отсутствие под'ездных путей, 2) дальность лесо-вырубов, где происходит заготовка дров и угля, 3) под'ем заработной платы, 4) разрушение производства. Благополучное разрешение и согласование всех этих вопросов с общим ходом развития промышленности требовало величайшего напряжения и инициативы. Ни тем, ни другим южно-уральские заводчики не обладали. А само внутреннее, экономическое и организационное состояние заводов не обеспечивало нормального развития и производственного преемления. В общем уральский завод по своей выработке не мог сравниться с южными заводами. Домна Урала на древесном угле давала 5—8 тысяч чугуна, а в Донбассе, на коксе, 40 тыс. пудов. На одного уральского доменного рабочего выплавлялось 5½ тыс. пудов, а на юге—16 тыс. пудов. С другой стороны, доморощенный, отсталый тип южно-уральского завода, занятого выработкой одного продукта, был крайне невыгоден и неэкономичен. Южные заводы в большинстве были комбинатами, занимавшимися в своих многообразных отделениях и мастерских полной обработкой продукта и эксплуатацией различных горно-заводских остатков. В данном случае исторические причины (зарождение заводов в крепостническую эпоху) и производственные основания (работы на древесном угле) являются теми факторами, которые затормозили рост завода. Итак, „малая производительность Уральских заводов, удаленность многих из них от магистральных путей сообщения, сравнительная экстенсивность их хозяйства, значительная зависимость работ от погоды и перевозок и, наконец, то обстоятельство, что почти каждый рабочий является мелким собственником, владеющим не только домишком, огородом и скотиной, но имеющим свою пашню и свой сенокос,— все это вело к тому, что работа заводов не носила современного промышленного характера, что не было цельной связи рабочего с заводом и тех чисто технических квалификаций, коими отмечается настоящий рабочий пролетарий завода; и, конечно, той высокой производительности рабочего труда,

благодаря которой параллельно с механизацией и техническим совершенствованием производства, современная промышленность на западе достигла своих мощных форм, здесь не наблюдалось (Юон—Перспективы Уральской промышленности—„Народное хозяйство“ № 3, за 1919 г.).

Овзяно-Петровский завод.

Крупнейшим пережитком старины, ненормальностью, тормозившей развитие заводов была посессионная система, весьма распространенная по Уралу. Она заключалась в том, что крестьянство при освобождении от крепостной зависимости не получило земли, а было прикреплено к заводам, в качестве рабочей силы и получило от последних земельные угодья для личного пользования. Путем такой земельной кабалы заводы в свое время надолго обеспечили себя рабочей силой (дешевой) и, эксплуатируя последнюю, разрастались и приносили барыши. Однако, последующий упадок заводов и их продукции создали иные отношения. Население, прикрепленное к заводам, переросло норму заводской потребности в рабочих руках; оно стало в силу этого лишней обузой для заводов. В силу установившихся отношений завод должен был давать работу и земельные

пайки каждому заводскому жителю, иначе населению грозило голодное существование, с последующими бунтами, беспорядками. В то же время на периоды летних полевых работ заводоуправление большинству рабочих принуждено было давать длительные 2-х и 3-х недельные отпуска для посева, уборки хлебов и сенокоса (это периодическое летнее замирание заводской работы характернейшая и типичная особенность всех заводов Урала). Единственным выходом в этом отношении было наделение населения землей. Поэтому сами заводоуправления, начиная с 1905 года, подают ходатайства о необходимости осуществления этого мероприятия. Жандармское управление края всячески поддерживает этот проект „в целях успокоения рабочих умов“. После революционных событий 1905—6 г.г. эти стремления получили лишь частичное осуществление, над большинством же уральской рабочей массы попрежнему тяготела своеобразная экономическая кабала. Она и была тем крупнейшим революционным фактором, который ставил уральского рабочего-крестьянина в первые ряды бойцов революции.

Перед мировой войной Южно-Уральские заводы переживали период захирения. Однако, капиталистический темп новой жизни отчетливо наметился и здесь. Он проявляется в том, что одновременно с замиранием металлургической промышленности, промышленная инициатива начала направляться в другие стороны; так чрезвычайно быстро возникают химическая, металло-и деревообрабатывающие производства. Так, Усть-Катавский завод перестраивается на вагоностроительное производство; возникает Симский завод сельско-хозяйственных машин, Злаказовская, Никольская фабрика сельско-хозяйственных орудий, Бело-Ключевская клетчато-бумажная фабрика, крупнейший цементный Катав-Ивановский завод, Саткинский магнезитный завод, ряд фабрик искусственных жерновов и т. д.

Капитализация Урала в новых проявлениях развивалась необычайно быстро и широко. Она основывалась на реальных возможностях и устойчиво-промышленных основаниях. Она закладывала новые отношения в крае и пробивала первые каналы для движения капиталов. В таком полупереход-

ном состоянии южно-уральская промышленность и вошла в полосу мировой войны.

Мировая война резкими скачками подняла металло-обработывающее и металлургическое производство. Для Уральской промышленности начинается эпоха специфически военно-промышленного гонимства. Все мелкие фабрики, мастерские, предприятия в погоне за наживой перешли на производство военных предметов. Эта хищническая политика, неумеренные требования при плохом техническом оборудовании предприятий обусловили, в конечном счете, окончательную изношенность материальной части фабрик и заводов.

„Станки, машины, двигатели работали непрерывно, день и ночь без надлежащего ремонта, без своевременной смены; срабатывающиеся механизмы и быстрый износ орудий производства неуклонно, но верно подготавливали агонию, только что после 1905 года ставшей на новый путь, развития Южно-Уральской промышленности“. (Промышленность в Уфимской губернии—сборник Уфимпартза за 1920 год).

Чрезвычайно резкие изменения война внесла и в организационно-бытовое состояние заводов. Прежде всего в отношении рабочей силы. Первая мобилизация 1914 года по недальновидности, свойственной царскому правительству, вырвала из фабрик и мастерских лучшую квалифицированную часть рабочих сил. Пополнение этой убыли произошло позже за счет самого разнородного сборного элемента мещанско-крестьянского типа. „Создалось,—как говорит известный инженер Гриневецкий—чрезвычайное переполнение завода самими разнородными элементами, привлеченными высокими заработками и освобождением от военной повинности, непривычными к заводской дисциплине, чуждыми пролетарской психологии и проникнутыми анархическими тенденциями“. („После-военные перспективы русской промышленности“). Однако, в отношении южно-уральских заводов этот момент имел некоторое положительное значение. По словам В. Зайкина, „война и в связи с ней милитаризация Уральской промышленности и эвакуация заводов из Прибалтийского края внесли коренные изменения в состав Уральских

рабочих: были привезены Питерские, Московские рабочие, приехало очень много латышей, эстонцев, поляков, бежавших от нашествия немцев. На самых больших округах Урала рабочий состав, пожалуй, не меньше, чем на половину был пополнен элементом с опытом в борьбе, с более высоким уровнем классового сознания, элементом, не связанным с традициями уральского рабочего, более свободным в выборе средств и т. д.“ (Прошлое и настоящее рабочего движения на Урале“ В. Зайкин).

Все отмеченные моменты соответственным образом, отразились на событиях 1917—18 г.г.

Несколько слов о бытовом состоянии и особенностях Уральского пролетариата.

Южно-Уральский рабочий был одновременно мелким хозяином-крестьянином. Этим обуславливается двойственность его бытового и психического состояния. Психика уральского рабочего полна проявлений крестьянской сельскохозяйственной идеологии. В своей брошюре „Урал“ Арский говорит по этому поводу следующее:

„Уральский пролетариат отличается некоторыми бытовыми особенностями, он веками сросся с фабриками и промышленными предприятиями. Рабочие Урала выросли и воспитались в подобных условиях—часть из них имеет собственные домишки, клочки земли, домашнюю утварь и скот. Если рабочие других районов сравнительно легко могут порвать связь с фабрикой и заводом, если Донецкий пролетариат отличается известной текучестью, то нельзя этого сказать об уральцах“. Уральский рабочий домосед, дикая власть земли еще крепко держит его в своих объятьях. Однако, ни земля, ни завод не обеспечивали его нормального существования. Он жил впроголодь. Низкая заработная плата, при каторжном труде, невозможность вести самостоятельное хозяйство при карликовом размере землепользования, составляли тот заколдованный круг, в условиях коего перебивался уральский рабочий. Мне лично приходилось в 1912—14 г.г. наблюдать темное, забитое и нищен-

ское существование различных категорий Южно-Уральского пролетариата. Сплошная тяжелая работа и на заводе и по сельскому хозяйству не давали возможности осознать классовое взаимоотношение и углубить свое развитие. Отсутствие общественной обстановки дикой глуши, отгороженной лесами и горами от культуры и света, еще более затрудняли эту возможность.

Отсюда в силу этих отмеченных двойственных экономических предпосылок уральский пролетариат в своей массе был мелко-буржуазен. Отсюда его неустойчивость и шатание в переломные моменты, на ответственных этапах своего существования. Эта классовая неустойчивость Южно-Уральского пролетариата отмечается на всем ходе исторического развития его.

Движение 1905—6 г.г. имело колеблющийся неровный характер. Затем, спад революционной волны в 1907—8 г.г. и реакция 1909—12 г.г. выявились в резких глубоких формах. Подъем классового сознания на отдельных наиболее передовых заводах, как Симский, Минварский, начинается с 1912 года.

1912—14 г.г. дают ряд забастовок и беспорядочных брожений на многих Южно-Уральских заводах (это было связано с голодным кризисом). Здесь первые зародыши революционных организаций сформировались под видом вновь создаваемых кооперативов и страховых касс. В 1914 году наладилась некоторая профессиональная связь между рабочими отдельных заводов.

Таким образом, на предвоенный период падает оформление объединений и связи южно-уральского пролетариата. Благодаря этому проводится удачно ряд забастовок. Однако, несмотря на повышение классового сознания, нужно признать, что с началом войны, известный психоз шовинизма охватил южно-уральскую рабочую массу—в этом отношении характерно отсутствие забастовок.

В этом отношении лишь наиболее передовые заводы были исключением. Таковы, неоднократно упоминаемые нами Минварский и Симский заводы. Минварцы в течение 12 лет имели сильную непрерывающуюся социал-демократическую орга-

низацию. Они широко проявили себя в 1905—7 г.г. Они первые отозвались на общий подъем 1912 года. Первые организовали страховые кассы, первые начали развивать революционную работу в широком масштабе на сторону. Они провели ряд удачных забастовок в 1910—1912 и 1914 г.г. Последняя тянулась всю вторую половину 1914 года. В 1915 и 1916 годах по официальным сведениям на Урале имело место всего две забастовки с 1.000 бастующих рабочих.

Малочисленность забастовок объясняется, во-первых, тем, что свои молодые революционные кадры заводы выделили в армию по мобилизации и, во-вторых, тем, что в силу потребностей войны все заводы развернулись и усилили производительность, подняв несколько материальную обеспеченность рабочих масс.

В этот период происходило внутреннее накопление революционных сил, кристаллизовалась энергия, копилась скрытая революционная воля рабочей массы.

Боевое движение на Урале.

Боевое движение 1905—09 г.г.

Боевое движение Урала имеет весьма почетное прошлое и характеризуется чертами, отличающими его от такового же в центре.

Смешанная полукрестьянская, полурбочая психика и историческая восприимчивость со времени Разиновских и Пугачевских восстаний к бунтам и волнениям, наличие непосредственных возбудителей в лице земельных и других экономических утеснений—определили форму и степень боевого движения Урала.

В условиях Уральской действительности, на фоне крестьянской лесисто-гористой страны—при медленном, не всеобщем и несогласованном темпе революционного движения—здесь резко проявился индивидуальный характер и налетно-партизанский, эксковский момент боевой деятельности.

Лобовщина (Пермь—Екатеринбург) и Гузаковщина ¹⁾ (Златоуст—Уфа)—типичное явление революционно-боевых переживаний Урала 1905—7 г.г. Уральские заводы, вмещавшие в себе дикую энергию крестьянского типа („власть земли“) и моменты классового осознания и настроений рабочего характера—в 1905—7 г.г. были будирующими революционными центрами для всей мещанско-крестьянской массы края.

Наиболее крайнее напряжение рабочего экстремизма, крайнее напряжение революционной энергии и нашло себе выражение в боевой деятельности и дружинном строительстве.

Боевое движение было тесно связано и широко поддерживалось крестьянским и городским населением. Момент крепкой спайки и связи здесь обуславливался единством интересов.

В конце концов Лобовщина, как Пугачевщина, возглавляла и объединяла начатки широкого массового боевого под'ема; тем же, но в меньшем масштабе, была и Гузаковщина, развернувшаяся в Симском горном округе и питавшаяся из тех же корней ²⁾.

Боевые дружины на Урале в 1905 году организовались при партийных организациях в противовес полиции и черной сотне, начавшей действовать после 17-го октября. Поэтому первоначально дружины являлись чем-то в роде „красной милиции“, со всеми особенностями последней присущими.

¹⁾ Этими названиями окрещены явления своеобразной дружинно-партизанской борьбы с царизмом на Среднем и Южном Урале. Лобов был известный боевик-организатор „эсов“ в Пермской губернии (эсер), Гузаков—аналогичную роль играл в Уфимской губернии (с.д.).

²⁾ Любопытно, что характер всего Уральского движения был исключительно *противоцаристский*—борьба с полицией и абсолютизмом. Интересен в этом отношении один показательный штрих. На одной из окружных партийных конференций Южного Урала делегат Златоустовской организации отмечает, что „к экспроприациям, бывшим в Златоусте, масса относится отрицательно, так как они были произведены у частных лиц. В принципе же против экспроприаций казенных имуществ товарищи ничего не имеют... Здесь характерно выявляется, как глубоко пропитаны были южно-уральские рабочие массы, даже революционные, собственнической психологией—и как этот фактор глубоко воздействовал на формы революционного движения.

В процессе углубления борьбы эта милиция сформировалась в подпольные боевые дружины.

Военные дружины имели вид сотен, дробившихся на десятки и пятерки, законспирированные соответственно своему дроблению. В виду того, что дружины в своем составе имели много старых партийных работников, техников и рабочих специалистов, а также военных—они сразу получили четкость в военно-боевом и партийно-конспиративном отношении (бомбисты, саперы, подрывники, связь и т. д.). Дружины имели свой устав, внутренний порядок, они пользовались соответствующими руководствами по поднятию воспитания связи и конспирации и проч.; они проходили практическую подготовку (в лесу и в горах), строевую и техническую,—например, обращение с оружием, бросание бомб, обучение рассыпной тактике, оборонительным действиям и т. д.

Работа боевых дружин на Урале выливалась: 1) охрана квартир видных работников и агитаторов, 2) охрана собраний и митингов, 3) разоружение черной сотни и полиции, 4) содействие побегам арестованных и тюремных заключенных, 5) возбуждение масс и подготовка их к боевым действиям, 6) террористические акты и экссы, 7) порча административно-полицейской связи, 8) слежка за действиями ст партийных и профессиональных организаций, в районе коих работали—средствами, людьми, информацией и т. д. Свою очередь и дружины помогали тем же партийным организациям. Взаимоотношения дружин и партийных организаций определялись следующим примерным пунктом местного партийного устава: „Боевая организация существует при Уфимском Комитете, как особый автономный район. Причем на обще-городской конференции она представляется одним решающим голосом, если нельзя произвести выборов от всех членов организации“. (Устав Уфимской организации РСДРП).

Как видно из этого положения, связь и подчиненность были чисто формальные. В действительности они еще более ослаблялись.

Наиболее крупными, организованными и партийно-выдержанными были Екатеринбургская организация (с Сыромолотовым во главе) и Уфимская (Кадомцевы). Это были две центральных организации, дававшие тон и направление действиям районных и заводских дружин.

Районные и заводские дружины получили наибольшее развитие и военное оформление там, где революционный процесс имел более массовый и заостренный характер. В этом отношении по Южному Уралу выделяется Миньярская, Симская, Златоустовская и ряд других организаций. Боевое движение и действия на Южном Урале знаменовали собой форму крайнего обострения местных экономических взаимоотношений—и как таковое, в силу неразвитости Южно-Уральского производства, оно имело узко-обособленное территориально-ограниченное распространение, прикрепляясь к определенным пунктам и районам местности. Общей связи между заводскими дружинами не было. В этом видно характерное сходство с боевым движением в центре.

Уральское боевое движение своими организационными формами весьма четко выделялось в русской революционной борьбе 1905—7 г.г. и играло в ней крупную роль.

Представители уральских боевых организаций входили в боевой центр при ЦК партии (большевиков), участвовали во всех военных совещаниях и конференциях (Таммерфорсе, 1906 года, Э. Кадомцев).

Между прочим, Устав уральских боевых организаций на Таммерфорской Конференции был принят и утвержден для использования во всероссийском масштабе.

Боевая практика Уральских дружин была весьма разнообразна. В силу общих особенностей Уральского революционного движения она протекала преимущественно, как было указано выше, по линии экссов и одиночных актов. Эксизм и террор вообще пышно развернулись на Урале, имея для этого благоприятные условия. Основы его составили действия эсеровских организаций, исключительно широко практиковавших подобные акты.

Действия и задачи с.-д. боевых организаций выходили за рамки „эксизма“. В них видно стремление перейти в массовые формы, попытки широкой организации боевого движения. Из неполного ниже приводимого списка дел, числящегося за с.-д. дружинами, характерны следующие, подробный обзор коих выявляет достаточно ценные детали дружинной практики.

1) Эпизод бомбометания в солдат в Уфимских жел.-дорожных мастерских 9-го декабря 1905 года.

В период наибольшего развития забастовки 9-го декабря в Уфимских жел. дорожных мастерских под охраной боевой дружины происходило общее собрание. Перед собранием рабочими был арестован начальник станции. В разгаре собрания к мастерским прибыл взвод казаков. Казачий сотник, пройдя в мастерские, потребовал прекращения собрания, но был тоже арестован рабочими. Также было сделано и с жандармским унтер-офицером, подошедшим позже. После этого был вытребован взвод солдат. Руководивший массовым рабочим собранием начальник боевой дружины Якутов обратился к солдатам и казакам с призывом не слушать команду офицеров, не нападать и не стрелять в своих братьев, тем не менее прибывший казачий эсаул (комендант станции) объединил действия солдат и казаков и категорически потребовал освобождения арестованных; тогда Якутов в свою очередь поставил условие—освобождение 9-ти рабочих, арестованных полицией этой ночью. Эсаул приказал наступать. Солдаты двинулись. По приказу Якутова последовательными приемами было брошено 6 бомб, которыми переранило 9 солдат. Солдаты, как говорит официальное показание, пришли в замешательство, отступили на гору и оттуда открыли огонь по мастерским“. Бывшая в мастерских толпа разбежалась в разном направлении. Боевики тоже скрылись. Часть их была захвачена полицией много позднее, судилась военным судом за вооруженное сопротивление войскам—и была отправлена на каторгу, Якутов, арестованный год спустя, как видный боевой руководитель революционного движения в Уфе—казнен.

2) Эпизод в Симском заводе 26-го сентября 1906 года.

В 1906—7 г.г. в Симском горном районе рядом рискованных боевых действий выделился рабочий Симского завода Михаил Гузаков. Будучи незаурядным политическим агитатором, Гузаков сначала выступал на собраниях и сходках. Вынужденный затем перейти на нелегальное положение, он организовал небольшую группу боевиков и совершил с нею ряд боевых выступлений. Местное население Симского района всячески ему содействовало. Это был своеобразный Уфимский Лбов. Действия Гузакова преимущественно состояли из обезоружения полиции и заводской охраны, экспроприации казенных средств и оружия и т. д. Гузаковым было вызвано событие 26-го сентября 1906 года.

26-го сентября 1906 года в Симском заводе происходили похороны Василия Гузакова. На похороны отца из леса явился сын Михаил, обвиняемый уже в то время в совершении целого ряда государственных преступлений и укрывавшийся от полицейских властей в горах. Местная полиция, получив сведения и имея приказ губернатора о поимке Гузакова, явилась на заводской двор, где он находился в то время. Однако, едва стражники вошли во двор,— как свидетельствует об этом официальное дознание—, рабочие высыпали из помещений и начали забрасывать их камнями, а Гузаков и Чевардин выстрелили из ружья и револьвера. Полицейские отступили и, отстреливаясь, убили двух рабочих. Тогда подан был тревожный свисток, рабочие в числе нескольких сот направились к земскому начальнику и потребовали обезоружения стражников, а после отказа—осадили укрывшихся в помещении урядника полицейских. Дом был обстрелян и подожжен. Часть стражников, отстреливаясь, убежала в горы, часть была перебита. На другой день в завод явились драгуны. Начались массовые аресты и избиения.

М. Гузаков был пойман позже (1-го декабря 1907 года). Приговорен военным судом к смертной казни и погиб на виселице, 23 лет от роду. В истории боевого движения Гузаков одна из любопытнейших личностей 1905—7 г.г. В на-

селении создалась целая масса легенд и сказаний о нем, память его покрыта сказочным ореолом.

3) Экспроприация на станции Миасс.

Одним из крупных и весьма показательных актов, совершенных с.-д. боевой организацией, была экспроприация казенных денег на ст. Миасс, произведенная согласно решения Съезда Уральских боевых организаций в августе 1909 г.

Непосредственно после съезда, в горах, на склоне Уренгайского хребта, организован был сборный пункт. К 20 августа туда съехались все члены дружины, назначенные участвовать в нападении, в количестве 17 человек, и началась подготовка к экспроприации. Все участники были разбиты на отряды, распределено оружие и бомбы. По распределению обязанностей проведен был ряд занятий по рассыпному строю, перебежкам, стрельбе, сигнализации и т. д. Дня за два до нападения стали отправляться в Миасс одиночно и разными поездами. Сборный пункт был в лесу, около тракта, по направлению к Кузнецовской мельнице. Здесь заgrimировались, надели чепцы и стали ждать товарного поезда. Заслышав свистки паровоза, быстрым шагом направились на станцию. Войдя в станционный двор, разбились на два отряда,—один вошел на станцию через главный вход, а другой—сбоку. Сигналом к наступлению должен был быть взрыв шашкой двери почтового отделения. Однако, трое нападавших, увидя стражников, раньше времени открыли стрельбу и убили их; находившиеся в обходе, услышав перестрелку и предполагая засаду, открыли также стрельбу по кабинету начальника. Когда раздался взрыв, двое бойцов вбежали в кабинет начальника и сломали телефон. У начальника станции добыли ключи от денежного ящика и взяли деньги. Когда в почтовом отделении дело было кончено, заиграли сбор в рожок, пересчитали участников нападения, сели все на паровоз и двинулись к Златоусту. Дорогой выбросили сумки и разные бумаги, а деньги взяли. В Тургояке и Сыростане сломали телеграфные аппараты и сошли в том месте, где Златоустовский тракт проходит под линией жел. дороги. Около ст. Уржумка перешли линию и направились к Уренгайскому хребту в свой балаган.

Всего было взято в почтовом отделении 1½ пуда золота и 53 тыс. руб. деньгами и в кабинете начальника более 6.000 руб. После этого участники нападения выжидали небольшое время и раз'ехались мелкими партиями в разные стороны. Однако, немного спустя один из участников был арестован и дал полиции точные сведения об остальных. Поэтому полиции удалось вскоре захватить большинство боевиков Уральской организации РСДРП. После суда в Челябинске они были сосланы на каторгу и с этого времени, с 1910 года, действий совершенных с.-д. не наблюдалось. Всего за время действия боевых сил зарегистрированы следующие выступления:

- 1906 год. 1) Покушение на коменданта станции Уфа.
2) Подготовка к крушению поезда карательной экспедиции Рененкампа около Златоуста.
3) Убийство шпиона Брейкина.
4) Убийство шпиона Галенецкого.
- 1907 год. 1) Убийство тюремного инспектора-черносотенца Колбе.
2) Подготовка боевой дружиной взрыва поезда с казаками, на ст. Уфа.
- 1908 год. 1) Убийство инженера Кучкина в Аша-Балашовском заводе.
2) Убийство провокатора в Миньяре.
3) Убийство палача тюремного надзирателя Уварова в Уфе.
- За тот же период времени были совершены следующие экспроприации:
- 1906 год. 1) 21-го сентября экспроприация денег у артельщиков в поезде на раз'езде Дема (близ Уфы).
2) Экспроприация денежных средств, в поезде у раз'езда Воронки (близ Уфы).
3) В августе 5 экспроприаций оружия в окрестностях Симского завода (совершены Гузаковым).
4) 30-го декабря экспроприация оружия в Симском ремесленном училище (Гузаков).
5) Экспроприация токарного станка из Уфимских железнодорожных мастерских.
6) Экспроприация шрифта из губернской типографии.

1907 год. 1) Экспроприация 12-го мая из склада т-ва „Магнит“ (на Садкинском заводе) динамита и взрывчатых веществ.

2) 21-е июня экспроприация в Уфе на винном складе револьверов и патронов.

3) 30-го июня экспроприация кассы казенной винной лавки в селе Муратовке Уфимского уезда (Гузаков).

4) Экспроприация в селе Кигах Златоустовского уезда.

5) Экспроприация винной лавки в Никольском поселке близ Уфы.

1908 год. 1) Экспроприация почты 1-го октября близ ст. Миасс.

2) Экспроприация почты на тракте Стерлитамак—Уфа (Латышская с.-д. боевая дружина).

1909 год. 1) 26-го августа Миасская экспроприация ¹⁾.

Просматривая в деталях произведенные экспроприации и боевые действия, можно установить, что тактический характер их отличен от подобных действий в центре. Он носит колорит местных особенностей. Здесь видно преобладание действий полевого характера. В развитии их намечалась полевая партизанская тактика крестьянского типа, позднее доведенная до такого совершенства Махно, Антоновым и прочими вождями крестьянско-кулацких движений 1919—21 г.г. Это преобладание полевых форм над уличными чрезвычайно характерно и вполне естественно для уральских дружин—оно обуславливается местными, географическими, экономическими и историческими причинами, разобранными выше.

Ликвидация боевого движения на Урале носила весьма бурный характер. Как известно, на Урале повсеместно в с.-д. организациях было преобладание большевиков левого экстремистского направления. Заводы были источником этой крайней энергии и левых настроений. Меньшевизм процветал в небольшом масштабе лишь среди убогой городской интеллигенции. Все Уральские конференции, сове-

¹⁾ Оба настоящих списка являются крайне неполными: в них приведены только изученные и вполне проверенные действия, совершенные с.-д. Перечень их имеет чисто показательное значение.

щения, выборы проходили при подавляющем преобладании большевистского крыла. Меньшевизм фактически пассивно существовал в партийных организациях, он был незначителен по своему размеру и влиянию. Поэтому Урал стоял в резкой оппозиции к Центральным органам партии в те моменты, когда во главе их находились меньшевики. Такова первая характерная особенность Урала.

Второй важный момент заключался в том, что вообще Урал в силу отдаленности от революционных центров с запазданием переживал революционные приливы и отливы 1905—7 г.г. Отсюда кривая боевого процесса, поскольку он выявлялся в руководящих решениях партийных органов, развертывалась в сроки на пол-года—год позже сравнительно центром. Это особенно отчетливо выявляется на конференциях. Например, 2-я обще-Уральская конференция 22-го ноября 1906 г. в развитие и углубление решения объединительного съезда выносит резкое постановление о боевом движении.

„...В настоящее время мы должны способствовать организации крестьянского восстания, подготовляться к планомерным рабочим и солдатским выступлениям в городах, организовать в городах и деревнях социал-демократические боевые дружины, задача которых подготовить практических руководителей активными силами революции в момент решительного восстания“...

На 3-й обще-уральской конференции, которая состоялась 26-го февраля 1907 г., т.е. тогда, когда уже готовились ликвидаторские резолюции по боевому вопросу для V Лондонского съезда—проводятся целиком крайние резолюции Таммерфорской конференции боевых организаций.

1) По вопросу о роли партии в подготовке вооруженного восстания.

„Принимая во внимание:

Во-первых, что в неизбежно происходящем вооруженном восстании интересы пролетариата могут восторжествовать лишь при действительной подготовленности его к роли организованного авангарда; во-вторых, что ограничиваясь одной голой проповедью вооруженного восстания оказывалось

невозможным выполнить свое историческое назначение—быть вождем пролетариата;

в-третьих, что опыт тех же восстаний подчеркивает полную возможность их планомерного и организованного проведения в жизнь—

Уральский Областной съезд признает:

1) что партия, учитывая опыт всех прошлых выступлений пролетариата, армии и крестьянства, должна приспособить свой организационный аппарат к назревающим формам революционной борьбы,

2) что в этом направлении, обеспечивающем планомерное участие в руководстве восстаний, должна пойти работа наших военных и боевых организаций,

3) что работа партии в целом должна свестись:

а) к возможно большему расширению нашего идейного и организационного влияния на демократическую массу населения,

б) приведению этих идейно и организационно-закрепленных за партией масс в состояние боевой готовности (работа боевых организаций),

в) к идейной и организационной боевой работе в армии (деятельность военных организаций),

г) к обеспечению самой тесной связи и взаимодействия обще-пролетарских, военных и боевых организаций,

д) к более правильному функционированию, находящегося под контролем центральных организаций конспиративно-технического аппарата, для широкой постановки подготовительной для восстания работы, (в роде оборудования инструкторских школ, боевой техники, разведочной, боевой железнодорожной, телеграфной службы и т. д.).

2) *Об экспроприациях.*

„Принимая во внимание:

1) что вооруженная борьба с правительством не есть дело отдаленного будущего, что она уже давно началась, выражаясь во всевозможных крупных и мелких выступлениях;

2) что в борьбе с правительством мы должны стремиться вырвать оружие и средства борьбы из его рук и захватить в свои руки;

3) что одним из таких средств, дающих правительству возможность бороться с народом, являются денежные средства;

4) что 4-й съезд партии, отрицая экспроприации казенных средств, как бы признает право распоряжаться этими средствами исключительно за правительством;

5) что запрещением экспроприации 4-й съезд толкает назревшую боевую энергию масс на путь самостоятельных выступлений, не подверженных контролю партии, а потому деморализующих пролетариат и тем вредящих интересам движения;

6) что, разрешая экспроприацию боевых средств, съезд впадает в противоречие, так как деньги более всего обеспечивают успешную подготовку боевых средств. —

„Уральский областной съезд считает необходимым, чтобы общепартийный 5-й съезд дал свое партийное разрешение на экспроприацию всякого казенного имущества, при условии самого строгого контроля со стороны партии“.

(Одновременно была вынесена резкая резолюция, выявляющая отношение социал-демократии Урала к Центральному Комитету, состоявшему в то время из меньшевиков).

Все эти решения, принимавшиеся и приводившиеся в действие тогда, когда в центре господствовали уже совершенно обратные лозунги, находили полный отклик в партийной периферии — в первичных низовых организациях, где боевые тенденции еще бурлили. В периоде разнообразных трений и расхождений партийных органов боевые организации находили себе на местах поддержку и негласное одобрение своей деятельности. Решение V-го Лондонского съезда на Урале не осуществлялись очень долго. Да и самая возможность этого осуществления могла быть только формальной, поскольку зависимость боевых организаций от партийных органов была лишь номинальной. Однако, нажим центра на Урал оказал свое влияние. Взаимопредставительство партийных комитетов и боевых организаций в конце 1907 года уже теряется. С 1908 года боевые организации фактически являются совершенно самостоятельными и независимо действующими, хотя и находятся в известной взаимосвязи с пар-

тийными комитетами. К этому времени уже между боевиками и членами комитетов назревают натянутые отношения. Летняя конференция 1908 года, исполняя решение V-го съезда объявила боевые организации „вне партии“ и предложила им не именовать себя социал-демократическими. Зимой 1908 г. при объезде члена заграничной пятерки, заменившего тогда

ЦК. (Клементия) на Урале группа активных работников с Н. Брюхановым во главе снова объявляет дружины вне партии. Однако мысль и энергия боевиков не могла примириться с необходимостью резкой ликвидации развернутой ими работы. Наоборот, можно отметить, как удивительный факт, что в эти моменты общего ликвидаторства в кругах Уральских боевиков усиленно зреет и дискусируется мысль о „большом всеобщем восстании“, о необходимости срочной к нему подготовки военно-партийных инструкторов и организаторов.

В июле 1909 года на Южном Урале близ Златоуста происходит съезд Уральских боевых дружин. „На этот съезд собралось до 50 боевиков. Здесь на продолжительном совещании (с 22-го по 28-е июля) решается вопрос о принятии новых членов, идут речи о вооруженном восстании, об ошибках старых боевых дружин, обсуждается, какие совершать экспроприации, казенные и частные, разбираются характеристики всех членов; в целях улучшения конспирации избирается бюро; вводится военное положение и раздается оружие. На этом съезде решено официально образовать особую организацию под названием „Уральская Боевая Организация РСДРП“. Целью ее поставлено совершить ряд экспроприаций и затем всем ехать на остров Капри в Италию, учиться в инструкторской школе, имеющей задачу подготовить офицеров для вооруженного восстания“ (показание Терентьева в обвинительном акте Казанского Окружного Военного Суда о Миасской экспроприации 1909 года). Таким образом в головах боевиков при всеобщем революционном спаде, в разгаре черной реакции, лелеются пылкие стремления и мысли о подготовке нового боевого взрыва. Однако, провал боевой организации после Миасского „экса“ и распыление боевиков, усиление полицейско-сысского ре-

жима сорвали осуществление задуманного. Позже намеченные стремления свелись к частичной посылке отдельных уцелевших членов в заграничную партшколу, на Капри, организованную Богдановым и Луначарским (отзовисты), в вилле Горького. В выборе и переправке этих боевиков известную роль играл ниже упоминаемый К. Мячин (Яковлев), известный Уральский боевик, державший связь с заграницей и приезжавший в 1911 году на Урал для подбора учеников в эту школу. Этим и заканчивается хроника фактических сведений об уральском боевом движении.

Позже на отдельных Уральских заводах в скрытом и бездеятельном виде продолжает существовать ядро случайно уцелевших старых работников, но они ничем себя не проявили в течение всего периода до 1917 г. (сообщение В. Заикина).

Оценивая в целом весь затяжной и бурный характер боевого движения на Урале можно признать, что он имел крупнейшее значение и последствия: он утвердил в рабочих рядах идею о боевом движении и всеобщем восстании фабрик и заводов и в этом направлении подготовил сознание рабочих масс к восприятию новой революции.

С наступлением революционной весны 1917 года эти зачатые рабочие восприятия оформились и нашли себе выход—с одной стороны под влиянием предпосылок общественно-экономического порядка а с другой, по заветам прошлого в силу привычно-заложенных впечатлений сознания,— в виде создания боевых организаций пролетариата, нашедших в 1917 году при своем осуществлении готовую почву и почти готовые организационные формы.

Возрождение боевых организаций.

Процесс февральской революции прошел на Урале спокойно и весь путь от Февраля до Октября Урал прошел в ногу с центром. В течение этого пути весьма быстро зародилась и оформилась сеть новых учреждений и объединений общегосударственного и профессионально-местного характера. Моргариновые формы местной власти в лице представительств Временного Правительства, в виде упол-

номоченных земств, управы и т. д. явно никем не поддерживались и, не расцвев, увядали.

Массовое влияние и действительно-государственное значение с первых же дней перешло к советам и фабрично-заводским объединениям. Преобладающее значение в последних приобрели с.-д. и с.-р.; та и другая партия в своем большинстве по настроению были левыми, крайними.

Чтобы отчетливо понять и оценить роль и значение этих партий в уральском революционном движении, нужно взглянуть в их прошлое.

Первое зарождение с.-д. на Урале нужно отнести к 1900 году. А окончательное оформление социал-демократической организации—1903 году, причем первое развитие с.-д. падает на Уфу и Симскую завод. Группы и ячейки большинства других заводов организовались непосредственно перед революцией 1904—5 г.г. Наиболее крупное значение приобрел сформировавшийся в 1903 году Уфимский Комитет РСДРП, который начал издавать газету „Уфимский Рабочий“ и руководить с.-д. движением в пределах губернии. Южно-Уральские заводские организации стояли в тесной связи с Уфимским Комитетом и пользовались его средствами и его инструкторскими силами. С.-д. организация Уфимского округа объединялись организационно путем конференций окружных организаций Уфимского Комитета РСДРП. Из отчета о заседании такой конференции от 31 декабря 1906 года („Уфимский Рабочий“ № 10) выявляется перечень существовавших в то время организаций—Миньярская, Симская, Аша-Балашовская, Катав-Ивановская, Златоустовская, Стерлитамакская, Белебеевская, Усть-Катавская и Белорецкая. Ближайшие организации объединялись районными конференциями. Наконец, в целом все организации входили в состав обще-уральской социал-демократической организации. (Областной Комитет в г. Екатеринбурге). Просматривая развитие Южно-Уральских с.-д. организаций, мы видим, что они исключительно возникают в заводских рабочих центрах: пяти или десяти тысячный заводский центр с 1—2 тыс. действительных рабочих—такова среда, где раньше всего развиваются эти с.-д. ячейки. Средняя численность их была

от 50 до 100 чел. В период подъема 1905—6 г.г. отмечается большое увеличение числа членов. Средний численный состав некоторых организаций (в конце 1903 года) следующий: Миньяр—160 чел. на 995 рабочих, Аша-Балашовский завод 40 на 200 чел., Симской завод 60 на 900 ч., Катав-Ивановский завод 120 на 1.700 ч., Усть-Катавский завод 57, Юрюзанский завод 30, Златоуст 80, Белебей 40 и т. д. Преимущественная деятельность их—агитация, печатание и рассылка листов, воззваний, прокламаций, руководство забастовками и волнениями. Почти все Южно-Уральские организации, заводские и городские, тяготеют и поддерживают большевистское крыло с.-д. Этим определялась крайняя активность всех южно-уральских организаций в их политической и экономической деятельности.

Партия с.-р. организационно оформилась с 1900 года, структура такая же как у с.-д. В силу указанных двойственных особенностей заводского быта она распространяет свое влияние и на рабочих. Наибольшее развитие получила в Уфе, Бирске, Белорецке, Сатке и т. д. Ряд крупнейших террористических актов, произведенных с помощью центральных работников (Гершуни, Каляев) создал ей широкую массовую популярность в крестьянстве и рабочих кругах, поэтому партия с.-р. численно и по влиянию была крупнейшей противоправительственной организацией на Южном Урале. Главной причиной тяготения всех слоев населения к этой партии была ее земельная программа, своим „уравнительным“ и „божьем“ подходом, приходившаяся по вкусу южно-уральской мелко-буржуазной массе. Поэтому особенно крупные партийные организации с.-р. разворачивались на тех заводах и центрах, где земельный вопрос имел особую остроту. Таковы Белорецкий, Кусинский, Катавский, Саткинский и другие заводы. В среднем организации насчитывали десятками и сотнями членов.

Боевое движение с.-р. было развито по принципам Гершуни, который неоднократно наезжал на Урал в качестве инструктора от Ц. К. Партии. Боевые дружины с.-р. в 1905—6 годах наводнили весь Южный Урал и многочисленными действиями терроризировали правительственную админи-

страцию. Из наиболее крупных их действий можно отметить—убийство губернатора Богдановича, Келеповского и ряд других.

В виду крайней активности обеих партий в 1905 году, естественно, что в период начавшейся реакции они вызвали к себе сугубое внимание охранных органов и были обескровлены. Руководящая их головка или погибла или оказалась на каторге, почему после революции 1905 г. ю.-уральские организации быстро сошли на нет, но не замерли окончательно, сохраняясь в кучных формах южно-уральского профессионального движения (страховые больничные кассы и т. п.); в период войны, проникнув в организации, вызванные жизнью русской общественности (земсоюзы, союзы городов и т. д.), они немедленно выявили себя при первых же звуках февральской революции ¹⁾. Отсюда процесс углубления революции на Урале уже перед октябрем принял четко-планомерную и резкую форму. Быстрое нарастание в массах бунтарских настроений незамедлительно оформлялось возглавлявшими их революционными центрами (в форме советов) и превращалось в санкционированный государственный акт. Неорганизованные действия и попытки (арест хозяев, вывоз на тачке управляющих, порубки, разделы земель, погромы и т. д.) быстро ликвидировались и переводились на рельсы организованного классового разрешения вопросов.

¹⁾ За 1916 год мы должны отметить сильное и широкое либеральное движение на всем Урале, под покровом коего развернулась деятельность скрытых ячеек революционных партий. Однако, эта деятельность по существу носила исключительно агитационный характер (издание прокламаций, обращений) и не была широкой, массовой в организационном отношении. Собственно она была скорее результатом той общественной диффузии, которая обуславливалась всем тогдашним положением страны. Причем в силу ряда выше-отмеченных особенностей Уральских заводов—их глубокой провинциальности, слабой концентрированности, отсталости, отсутствия непосредственных политических возбудителей—на Урале революционный активизм рабочих масс не был особенно глубоким и не охватывал всей трудовой массы. Уральские заводы в этом отношении, по медленности темпа революционного процесса были близки к деревне. Фактически, февральская революция на Урале была в буквальном смысле „прислана в запечатанном конверте“ (Б. У. Эльцин).

Совет, как действенный, юридически признанный всеми государственный центр, был единственной осью революционного и государственного аппарата на Урале. Совет 1917 г., за отсутствием развитых форм профессионального движения и крестьянских объединений, являлся сосредоточением различных революционных стремлений, первым, революционным органом, в коем временно оформлялись и объединенно существовали многие последующие учреждения. Лишь позднее из совета и его отделов лучеобразно начали вырастать, дифференцироваться различные городские, крестьянские и заводские органы.

Таким образом, Уральский Совет в 1917—18 г.г. был для подавляющего большинства населения экономическо-политическим центром, который должен был разрешить неотложные вопросы, поставленные революцией на очередь дня, и удовлетворить все потребности, взывавших к нему трудовых групп населения. В этом и коренилась громадная популярность Уральского Совета 1917 года.

Необычайное сосредоточение всех функций и разрешительных прав власти в руках советов, подняв их авторитет высоко среди населения, однако при изменении революционной конъюнктуры и нарастании экономических обострений грозило сделать Совет центром борьбы.

Между тем Революционный Уральский Совет не имел за собой сил и средств, кроме убеждения и доверия, для принудительного утверждения своей воли. Тогда как уже после октябрьского переворота, как снежный ком, начали нарастать различные угрожающие перспективы. Это были: притязания мусульманской буржуазии на первенство в крае, стихийные волнения в деревнях, разнузданные беспорядки в городах (погромы базаров, винных складов), дувовская опасность, буйства солдатских гарнизонов, голодовка в заводских районах, наконец, внутренняя партийная политическая неустойчивость—все это приводило к необходимости создания условий и факторов, способных обеспечить Советскую власть от всяких опасностей и давлений. Выход представлялся в форме организации Советской вооруженной силы. Формальное осуществление этого выпало на 3-й

и экстренный губернские Съезды Советов Уфимской губернии, из которых первый признал необходимость организации пролетарских вооруженных сил, а второй дал ряд конкретных мер по важнейшим военно-организационным вопросам ¹⁾.

Первые зародыши боевого движения проявились в трех видах: красногвардейских дружин — в городах, заводской и сельской милиции — селах и заводах ²⁾ и „боевых организаций“ (групп) при наиболее сильных партийных организациях. В территориальном отношении первоначальное их распространение падает на губернские, уездные города и на заводские крупные поселения. Причем нужно отметить, что оформлению и зарождению этих вооруженных ячеек предшествует и сопровождает всюду наличие сильной советской и партийной периферии. Боевые дружины возникают там, где моменты общественного обострения достигают наивысшего развития, где последние из агитационного состояния стремятся непосредственно перейти в плоскость действия. Обостряющиеся осложнения, непосредственные экономические возбудители, воздействуя резким образом на массы, являлись тем морально-психологическим фундаментом, на основе коего стало разворачиваться боевое движение. Рост борьбы с местной буржуазией, эволюция обострения тех или других местных социально-экономических вопросов является характерным показателем в этом отношении. Типичным примером могут служить Богоявленский и Белорецкий за-

¹⁾ Подробнее в главе „Боевое строительство“.

²⁾ Заводская милиция более углубленное теоретическое и практическое развитие получает в крупных рабочих районах, где за осуществление ее берется ряд сильных партийных работников Уфы, Златоуста, Сима, Миняра, Богоявленска и других центров. Здесь по почину ряда ответственных работников Р.-С. Д. Р. П. (большевиков), среди коих можно отметить В. Арцыбушева, известного партийного работника (кличка „Уральский Маркс“), Еразма и Ивана Каломцевых, П. Зенцова, Туманова, Калмыкова и ряда других, начинается дружная и систематическая подготовка рабочих в указанном направлении. Это работники, будучи весьма крупными личностями в партийно-революционном отношении, имея опыт 1905 года, глубоко сознавали, что после удачного свержения царизма, революция необходимо должна перейти в открытую классовую борьбу за власть между пролетариатом и буржуазией — и что поэтому военная самоорганизация пролетариата, как класса, является настоятельной задачей дня.

воды. Это—посады крестьянско-мещанского типа; однако, уже в весны 1918 года они выявили себя в резко революционном свете. Для многих непонятно их горячее участие в борьбе с Дутовым, их многочисленные дружины, посылавшиеся на 400—500 верст от своих домов для усмирения различных восстаний и волнений (это в то время, когда широко был распространен мелкобуржуазный „социалистический пацифизм“ и революционное оборончество); непонятны, наконец, ими созданные целые рабочие полки, воевавшие позднее под Пермью, в Сибири и Перекопом (30-я дивизия),—если бы мы не знали, что и Богоявленск и Белорецк еще в 1917 году весной и летом произвел захват, раздел и засев окружающих земель. Наличие конкурентов в этой земле в лице „заядлой контр-революции“—богатых башкир вотчинников и казаков втянуло эти заводы в гражданскую войну и привело раньше всех к поголовной революционной мобилизации.

Нечто подобное, но в другом роде наблюдаем в заводах Симско-Минярского района. Здесь обостряющий процесс шел по линии производственно-профессиональных отношений между хозяевами, заводской администрацией в лице управляющих, инженеров и мастеров и рабочими, объединяющимися в форме завкомов. Рабочие расценки, тарифы, контроль над производством, права и функции завкомов—вопросы, которые вызвали обострение в 1917 году, которые величайшим образом ожесточали заводскую массу, навевая ей в условиях бурной революционной обстановки идеи вооружения и защиты своих прав боевым путем. Минярский и Аша-Балашовский заводы, принадлежавшие частным владельцам, раньше всех втянулись всей рабочей массой в разрешение профессионально-политических вопросов—они же раньше всех и организовали боевые дружины. То же происходило в Симском, Саткинском заводах и ряде других.

Таковы, собственно говоря, два русла, развитие коих обеспечивало успех вооружения сил революции на Урале. (Развитие милиции в крестьянских селах и посадах ничем особым не выделялось. Она обозначала собой фактически замену полиции народной милицией; по существу имела казенно-

назначенские формы и в общем ходе революционного процесса (большой роли не играла). К сказанному нужно добавить, что во всех случаях при полнейшем добровольном характере наметившегося боевого движения, которое первоначально носило формы каких-то партийных или советских товариществ и объединений—с самого начала в силу высокого революционного сознания служебный момент имел четкое и жестко-государственное направление. Служба боевика засчитывалась равносильной работе на заводе. За рабочим оставлялось заводское содержание, все права и привилегии. Рабочий, поступаая в боевые дружины, оставался в производстве и лишь временно отвлекался для выполнения боевых функций. Таким образом завод фактически являлся своеобразной казармой, базой вооруженной силы революции.

Фактическая организация дружин при парткомах и совдепах до Октября проводилась в скрытых полулегальных формах, в порядке конспиративно-партийного отбора и процеживания разных работников. Методы и приемы этого всецело выявлены позднейшей регламентацией, внесенной в устав В. О. Пункт 1-й этого устава говорит: „При Советях Р. С. К. Д. организуется группа партийных товарищей, знакомых с боевым делом; в процессе работы к ним в центр этой группы подбираются все партийные товарищи, действительно могущие быть организаторами-инструкторами; и, все время кооптируя опытных и отстраняя менее опытных, образуется первая дружина боевой организации“. Типичное проведение этого можно видеть на примере гор. Уфы. В Уфе еще в июне 1917 года известным старым партработником большевиком В. П. Арцыбушевым на заседании парткома, объединявшего тогда большевиков, интернационалистов и меньшевиков, был поставлен вопрос о целесообразности вооружения рабочих. Этот взгляд, одобренный большинством комитета, однако, не мог получить немедленного и полного формального разрешения. Он переходит в кружок отдельных революционно-настроенных партийцев, прорабатывается у них в головах и медленными шагами начинает приводиться в исполнение. В начале он осуществляется под видом организации городской милиции. Начальником городской мили-

ции назначается один из этого кружка, Зенцов, наиболее горячий и ревностный сторонник рабочего вооружения. Состав этой милиции Зенцов обновил привлечением воинственно настроенных элементов из местных железнодорожников и партийцев. Таким образом в Уфе под видом городской милиции и в формах государственного учреждения организовалась первая дружина В. О. Наличие этой силы и сознание ее позднее резко сказывается на действиях парткомитетов и Советов. Наоборот, отсутствие их делало позицию Советов неуверенной и шатающейся, даже в мельчайших вопросах обыденной практики. Крайним показателем в этом отношении может служить погром 12-го сентября в Уфе. Этот погром, начавшись с продовольственной неурядицы на базаре, охватил многотысячную массу трех запасных полков и темные обывательские элементы города и вылился в форму самосудов и разгрома лавок; настойчивые призывы и увещевания депутатов Совета оказались безуспешными. Учебные команды, считавшиеся наиболее дисциплинированными частями полков, не обладали достаточной устойчивостью и сами приняли участие в погроме. Совет колебался, не зная, что делать. Погром длился несколько часов, и только вызванная рабочая железнодорожная дружина, явившись на место действия, в несколько минут изменила положение. Отдельными залпами в воздух она разогнала толпу, переарестовала одиночных погромщиков и восстановила порядок. Этот случай выявил особенно разительное бессилие одних агитационных мер в моменты решительных действий и необходимость стойкой вооруженной силы в руках Советов. Несколько в иной форме, но к подобным же выводам приводили взаимоотношения Уфимского Совета с солдатской массой гарнизона.

Солдатская масса требовала демобилизации. Она предъявила ряд невыполнимых требований, а появившиеся на почве этого взбаламученного солдатского моря новообразования контр-революционного типа, в роде союзов фронтовиков, георгиевских кавалеров, национальных комитетов и секций, выявляли резко реакционные стремления и поползновения. Все это ставило Совет в опасное положение, и орга-

низация устойчивых вооруженных сил становилась безусловно необходимостью дня. Обследование полков показало Совету, что у него нет опоры в разложившемся гарнизоне. Тогда решено было отобрать несколько караульных рот, пополнить их партийно-сознательным ядром товарищей во главе. Так родились первые красногвардейские роты. Они были регламентированы Советом и позднее слились с рабочими боевыми организациями. Примерно такой же процесс и по таким же путям развивался и приводил к однородным результатам в других городах Южного Урала. Таким образом, здесь, как и на заводах, осознание необходимости государственного принуждения в разрешении вопросов и их фактическом исполнении приводило к необходимости организации вооруженных сил. Нам неизвестно точно и детально, где и в каких размерах организовались до Октября партийно-рабочие дружины и красногвардейско-милиционные части. Однако, имеющихся сведений уже достаточно, чтобы установить, что мирный и скоротечный характер Октябрьского переворота, всецело обуславливался наличием этих боевых рабочих ячеек во всех основных пунктах Южного Урала.

Самый процесс Октября на Южном Урале проходил при поддержке боевых организаций. Аресты и ликвидация органов и агентов Временного Правительства были проведены ими.

Крайне характерно описывает рабочий Заикин примитивную форму Октябрьского события на одном из уральских заводов.

„26-го Октября в Симу около церкви выстроились шпалерами Симская и Миньярская организации в полном составе. Когда молящаяся публика вышла, выбросили красный флаг и покойный тов. Гузаков крикнул: „Долой самодержавие“, „да здравствует Учредительное Собрание и Демократическая Республика“. Все члены бросили шапки вверх и прокричали „ура“, прошли по улицам и революционным путем заняли Народный Дом. Устроили митинг. 30-го ноября по тому же плану была устроена манифестация в Миньяре. 30-го ноября предъявили экономические требова-

ния, вызвали управляющего округом Умова в Миньяр и силой заставили подписать эти требования”.

Как видно из этой мирной „демократической“ картинки, Октябрь на Урале подкреплялся моральной и физической силой вооруженной рабочей руки. После Октября начинается уже открытое оформление и развертывание рабочего вооружения, но прежде чем перейти к описанию процесса строительства, необходимо сказать несколько слов о главных деятелях и основоположниках создания рабочей вооруженной силы на Урале.

Э. С. Кадомцев.

В первом ряду их нужно поставить Кадомцевых, Зенцова, Чевырева, Гузакова, Евлампиева, Калмыкова и др.

Кадомцевы. Семья Кадомцевых, по происхождению из бедного дворянства Уфимской губернии, была тесно связана с революционным движением Урала. Она дала ряд видных партийных работников. Наибольший глубокий интерес для нашего исследования представляют братья Эразм, Иван и Михаил.

Эразм готовился к военной деятельности, окончил кадетский корпус, затем Павловское военное училище. Участвовал в Русско-Японской войне;

в революции 1905—07 г.г. был активным деятелем боевого движения на Урале. После ссылки в Тобольскую губернию эмигрировал с 1910 года за границу и жил в Париже. Прибыл в Россию в конце 1914 года, работал в Петрограде. На Урал в Уфу явился летом 1918 года. Здесь в развитие прошлого занялся агитацией боевого строительства и получил громадную популярность в рабочих массах. Широкий ум, железная воля, энергия, умение упорно вынашивать идею и

практически организационно претворять ее в жизнь, уметь руководить массами—таковы характерные черты его, как деятеля. Блестящие способности массовика-агитатора выделяли его среди других. Это крупный организатор-практик, партийный спец и теоретик в своей специальности.

Иван старый партийный работник с 1900 года, имел большой стаж партийной работы в самых разнообразных его формах и видах, активный участник революционной борьбы на Урале 1905—07 г.г. (член Уфимского комитета и организатор рабочей милиции, боевых дружин). Крупный конспиратор и блестящий агитатор-массовик. Крайне выдержанный партиец и марксист—светлая личность в Уральском рабочем движении. После 6-ти летнего пребывания за границей, в революционные дни вернулся в Россию, работал в Москве (в Октябре—Член Московского Совета), затем был короткое время на юге, после приехал на Урал, где занялся деятельно развертыванием боевых дружин. Умер 15-го января 1918 г.

Михаил готовился к военной деятельности, окончил кадетский корпус, однако был увлечен революционной волной и участвовал, как боевик-партиец, в революции 1905 года, позже за экссы и боевые действия был приговорен к каторге и сидел в центральных тюрьмах до 1917 года. По освобождении весну и лето 1917 года работал в Орловском районе по организации Красной Гвардии. В январе 1918 года приехал в Уфу, где начал активно работать по подавлению восстаний и организации боевых дружин. Хороший стрелок и солдат, пылкий агитатор—он обладал неутомимой энергией, умел влиять на дружинников.

А. М. Чевырев. Родом из Оренбурга, металлист, имел низшее образование, работал долго в Симском заводе, Миньяре, Уфе, читинских мастерских; в партии с 1908 года. Типичный талантливый самородок рабочий. Выдвинулся своей крайней решительностью, прямою и железной волей. Военно-партийного опыта и теоретической подготовки не имел, но возмещал все крайней активностью и энергией. Любитель боевых ощущений и военного риска. В дуготщине, в

Ижевском восстании и в последующих боях на Урале выказал себя блестящим вождем рабоче-крестьянских частей.

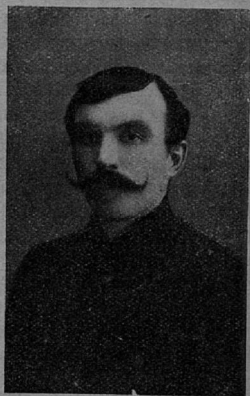

П. И. Зенцов.

возвращается в Уфу и ведет работу в рабочих низах. С июня 1917 года организует рабочую милицию гор. Уфы в качестве ее начальника. Позже — деятельнейший организатор боевых дружин, комендант и начальник гарнизона Уфы. Пылкий работник с большой склонностью к военному делу. Крупный поклонник идеи вооружения рабочих масс — он всегда был связан с рабочими низами, в коих протекала его деятельность и формировалась натура. (Погиб в 1920 году на Кавказе).

А. Д. Ефимов, быв. офицер, старый член партии с.-д. В 1918 году — председатель военной секции Уфимского Совета, позже военный комиссар Уфимского Военкомата. По представительству от партии выполнял различные ответ-

П. И. Зенцов. Родился в Пермской губ. Получил низшее ремесленно-техническое образование, работал с 1906 года в Уфимских железно-дорожных мастерских, где и ознакомился с социалистическим движением. Участвовал с 1906 года в действиях боевых организаций Южного Урала. В 1910 году, как участник боевого движения, осужден на бессрочную каторгу. С марта 1917 года партийно-профессиональную

М. Калмыков.

ственные работы военного порядка по Уфимской губернии и был ответственным за ход всего дела.

М. Калмыков — организатор Богоявленского района, рабочий-стекольщик, унтер-офицер царской армии. С Богоявленским отрядом участвовал в походах и боях против Дутова. Активнейший деятель боевого движения Уфимской губернии.

И. Туманов — организатор боевых дружин Миньярского завода, рабочий-партиец. Работал в губернском штабе боевых организаций.

И. Туманов.

Из других местных и востереженных работников, выполнявших ответственную работу, нужно указать П. Зудова (из Богоявленского завода), Закиных (из Миньяра), П. Гузакова (Симского завода), Бочкарева, Коквихина, Ковшова (из Златоуста), Сулимова и других.

Все эти лица являлись отборными представителями рабочей массы Южного Урала. Они имели богатый революционный опыт и боевую выдержку. Были весьма популярны в рабочих массах. Руководя районами и представляя в целом сплоченное ядро, они связывали воедино уральское боевое движение, одухотворяли и направляли его. Каждый из них тогда же или позже заявил себя недожиданным вождем и военным организатором рабочих масс.

Боевое строительство Южного Урала.

I и II сьезды.

До сего мы рассматривали стимулы и обстановку, определявшие развитие боевого движения. Рост его под влия-

нием этих стимулов не прерывался, а уложился и углубился по мере развития революции, пока не перешел в формы открытой гражданской войны. Октябрь всюду регламентировал местные вооруженные ячейки, как надежную опору Советской власти и революции. Третий губернский и экстренный съезды узаконили возникновение пролетарской вооруженной силы на Урале.

Эти съезды были созваны под впечатлением Дутовской опасности. Они весьма любопытны по своему составу.

На 3 съезде (30 ноября—4 января 1918 г.) участвовало 69 делегатов, представлявших 70.000 человек населения и в партийном отношении имевших: 32 большевика, 27 социалистов-революционеров и одного беспартийного. Весьма любопытна самая схема представительства:

Гор. Уфа 15 с.-д.—15 с.-р.	от 30.000 раб.
„ Белебей 2 с.-д.	4.300 „
„ Бирск 1 с.-р.	200 чел.
„ Стерлитамак 1 беспарт.	1.000 „
Симский горный округ 1 с.-д.	2.300 „
Симский завод 2 с.-д.	—
Аша-Балашовский завод 3 с.-д.	3.800 „
Мишьяр 2 с.-д.	2.500 „
Усть-Катавский завод 2 с.-д.	2.200 „
Катав-Ивановский 2 с.-д.	4.000 „
Саткинский завод 7 с.-р.	7.000 „
Кусинский завод 3 с.-р.	3.000 „
Юрюзанский завод 1 с.-д.	2.000 „
Богоявленский завод 1 с.-д.	600 „
Белорецкий завод 1 с.-д. и 1 с.-р.	7.000 „

Экстренный съезд, созванный ввиду ряда чрезвычайных осложнений, имеет примерно тот же состав и представительство. Если 3 съезд признал необходимым организацию боевой силы, то *экстренный* произвел рабочую мобилизацию и вынес ряд основных решений по военному вопросу:

„Уфимский губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов признает очередной задачей момента немедленную революционную воинскую мобилизацию среди рабочих губернии для образования губернской Красной Гвардии, в целях борьбы с контр-революцией, укрепления

Советской власти и проведения в жизнь мероприятий Рабоче-Крестьянского Правительства“.

„Съезд признает необходимым создание ответственного боевого органа, который в состоянии был бы выполнять эту работу в техническом и организационном отношениях“.

„Съезд признает необходимым создать из сознательных революционных солдат Уфимского гарнизона революционный батальон в тех же целях опоры Советской власти“.

Почти одновременно и партийные губернские конференции, представлявшие основную революционную массу края, вынесли решение об организации вооруженной силы. Эти решения дали государственную основу и оформление боевому движению, нараставшему с низов. Отныне Совет в обстановке смут и волнений имел точку опоры и исходную силу для углубления революционного процесса.

Боевые дружины сделались официальными государственными органами и стали расширяться, как в отношении своего состава, так и в отношении своих прав, функций и значения. Боевые организации явились единственной карательной и исполнительной силой революции. Наличие в их рядах местных активнейших партийцев и авторитетных работников—членов различных организаций—увеличивало их вес и могущество. По соглашению с левозеровской партией руководство всем боевым движением на Южном Урале взяла партия С.-Д. большевиков. Отсюда ядро старых партийных работников при Уфимском Комитете сделалось руководящим в военно-административном отношении для всей губернии, а позже и всего Южного Урала. Первые мероприятия этого ядра, назвавшего себя „Губернским центром формирования боевых дружин“, сводились к оформлению существующих организаций и установлению связи между ними. Губернский центр боевых организаций поставил первыми задачами создать всюду при советах путем агитационно-организационных мер и в порядке финансово-технического содействия вооруженные единицы и связать их между собой. Работа эта была произведена чрезвычайно быстро и удачно, ибо всюду уже были необходимые ячейки и готовы были предпосылки для их

оформления. Члены губернского центра, об'ехав ряд районов, четко и определенно установили основной организационный скелет, на котором в дальнейшем стало развертываться губернское боевое строительство, базой которого явились рабочие организации, рабочие районы и объединения. Крестьянские массы вначале привлекались в очень малой степени. Рабочие массы в своем рядовом составе были тем источником, откуда Б. О. начали черпать свои силы. Рабочая рука, по мысли основателей Б. О., опираясь на станок и винтовку, лишь одна являлась способной обеспечить освобождение угнетенных классов и утвердить диктатуру пролетариата.

Идеология основателей Б. О. целиком отразилась на Уставе Боевых организаций, составленном Эразмом Кадомцевым в декабре 1917 года (этот устав был переработан из устава, принятого на Урале в 1906-м году). В декабре когда определилось широкое развитие Б. О., нужно было углубить и систематизировать этот рост, форсировать дальнейшее развитие. С этой целью был созван С'езд боевых организаций.

На С'езд 12-го декабря ст. с'ехалось до 50-ти представителей разных дружин преимущественно ближайших районов и заводов—Уфимского, Стерлитамакского и Златоустовского уездов. С'езд в отчетах делегатов прежде всего подвел итоги дружинного строительства в губернии и степень их роста. Оказалось, что было уже несколько десятков дружин, с средней численностью от 25 до 200 человек, развернувшихся при Советах и выполнявших боевые функции. Рост движения тормозился недостатком оружия и денежных средств. После отчетов с мест с'езд рассмотрел вопросы: 1) сущность и назначение Б. О., 2) тактика и организация, 3) инструкторско-мобилизационный аппарат и 4) дисциплина. По всем этим вопросам с'езд принял ряд положений, составивших первую конституцию боевого строительства. На С'езде, по настоянию старых боевиков, была установлена преемственность в отношении Б. О. прошлой революции и снята была с последних тень партизанщины. На С'езде была установлена зависимость Б. О. от Советов и подконтрольность их партии. В определении цели и на-

значения боевых организаций утверждена была комбинация функций бывшей полиции и постоянной армии. В вопросах организации и тактики съезд установил рабочий характер организации и тактики Б. О.

Боевые организации, как форма рабочего вооружения, должны были формироваться из рабочих масс и быть с ними тесно связаны.

Съезд высказал, что „всякая иная вооруженная сила, созданная по образу старой армии, должна нести в себе зародыши опасности пролетарским массам. Только та вооруженная сила будет последовательно проводить в жизнь чаяния широких рабочих масс, которая действительно опирается организационно и духовно на эти поработанные экономически классы; только тогда эта вооруженная сила, выдвинутая далеко в стан врага, будет верна посланным ее массам, когда она непрерывной нитью будет связана со своей основой“.

Во всех выводах первого Съезда наше внимание привлекает прежде всего продуманная цельность и выдержанная классовая последовательность, несмотря на обилие риторизма и революционной фразеологии. Вопрос диктатуры пролетариата во время открытой борьбы с врагом иначе, как во всей полноте и отчетливой постановке и не мог быть выявлен. Так он и ставился повсюду—на Урале, Донбассе, в Петрограде и т. д.

Съезд подтвердил необходимость ускорения рабочего вооружения. Командные кадры он мыслил питать из состава лучших бойцов, ответственных партийцев и авторитетных рабочих. Армия должна быть едина в своем костюме, от своего рядового бойца до начальника высшего соединения. Здесь опять показательно видно, как близко стоял рабочий Урал в идейно-военном отношении к тому, что делалось в центре (Москва, Петроград)—и как вся Россия в лице наиболее революционных ее областей, переживая в творческих муках однородную идею диктатуры пролетариата и рождающуюся из нее идею рабочей армии, разными путями, испытывая различные военные формы, классовым инстинктом подходила к одинаковому решению этого вопроса. С заводов

и фабрик, из рабочих кварталов и городов и бедняцких поселков, самонинициативно должна расти рать пролетарских сил—она должна являть собою „выражение пролетарской диктатуры в открытой ее форме...“

В постановлениях С'езда, проведенных под усиленным влиянием Уфимского центра, нужно отметить один момент, который заслуживает особенного внимания—это большое тяготение к формам прошлого, к опыту 1905—07 г.г. „Власть прошлого“ сказалась в сохранении названия, в конспиративных условиях подбора и приема дружинников, в схеме общей организации и многом другом (узость, кустарность мышления организаторов). Это влияние власти прошлого, имея некоторое положительное значение, содержало в себе весьма много отрицательного, ибо старые формы, методы и приемы, родившиеся на основе экономическо-хозяйственных отношений 1905 года, не отвечали требованиям 1917—18 г.г. Отсюда в старые меха вливалось новое вино. В формах отжитого периода предполагалось развернуть новое движение—это было и неестественно и вредно. Опыт развития революции учит, что одна революция развивает и углубляет другую, начиная или переповторя то, чем кончила первая.

1905 год в силу присущих производственных оснований не пошел далее дружин и создания районных форм их объединения. 1917 год в силу назревших иных экономических предпосылок начал прямо с областных форм Красной Гвардии, с идеи областных форм рабочей вооруженной силы. Обстановка 1917 года давала широчайший размах и обуславливала величайшую силу революционного движения. Отсюда все формы последнего должны были быть широко-массовыми, свободными от узкой замкнутости и корпоративности. Известный недочет и недомыслие в этом отношении, существовавший у руководителей Б. О., должен был сказаться в дальнейшем особыми последствиями.

Оценивая общее значение с'езда, приходится сказать, что и по времени и по результатам, достигнутым им, его нельзя не признать актуальным и важным для своего момента. Он фактически наметил те грани и возможности военного строительства, которые много позже получили раз-

решение в декретах центральной Советской Власти. Опытное достижение Съезда представляет первый подход русского рабочего к делу военного строительства. Москва и Петроград в этот момент были заняты задачами отрицательного порядка по разложению старой армии, активной борьбой с контр-революционными политическими группировками и спешным формированием живой силы, которую нужно было выбрасывать на различные фронты. Москве и Петрограду в очень малой степени удавалось углубиться в организационный момент военного строительства, тем более на местах. Южный Урал, как глубоко тыловой рабочий район, один из первых начал пробивать пути в этом направлении.

Через месяц 12/1—1918 года состоялся второй очередной Съезд Б. О. (по подобию Советов Съезды решено созывать ежемесячно) Съезд играл роль полномочного органа, регулирующего и ускоряющего строительство. На второй Съезд прибыло еще большее количество делегатов (до 80 человек, из отдаленных углов Златоустовского уезда, Верхне-Уральского и прочих далеких окраин Южного Урала). Боевое движение широко распространилось по всему Южному Уралу, включая частично и казачий район. Доклады с мест дали блестящие итоги о численном росте и организационном развитии Б. О. За короткий месячный срок почти вдвое увеличилось число организаций и их состав. Этому весьма помогла шумиха, созданная дутовской опасностью. Съезд представлял собой уже 5.000 массу боевиков. Учтя идейный и организационный рост Б. О., Съезд разработал и принял ряд мероприятий, дающих новое практическое углубление всего строительства. Съезд обсуждал вопросы о *способах обучения*, о вознаграждении, социальном обеспечении дружинников и их семейств в случае потери трудоспособности, о мобилизационном плане и о мусульманской диктатуре.

Съезд переименовал губернский и уездно-окружные центры, игравшие роль организационно-инструкторских ячеек в „штабах“, принял программы обучения бойцов, план подготовки и мобилизации инструкторско-командных кадров. Б. О. были объединены в территориальные районы, в виде рабочих округов или уездов, на которые возложено руко-

водство причисленными к ним единицами. Утверждая систему организационной взаимоподчиненности, Съезд в качестве решающей законодательной инстанции на всех ступенях своей организации поставил свои конференции. Без таких последних немислим был быстрый рост строительства. Они давали идейные стимулы, выявляли организующую роль коллективной самодеятельности, обуславливаемой духом момента. „Демократизм“ 1918 года являлся крупнейшим стихийным организующим фактом. Лишь основываясь на нем, можно было осуществлять массовые предприятия. Своеобразный внутренний „демократический централизм“ и был положен в структуру Б. О.

III, IV и V Съезды.

После второго съезда развитие боевых организаций главным образом направлялось в сторону упорядочения штабов, обучения и снабжения дружин, улучшения мобилизационно-инструкторского аппарата.

Однако, окружающая обстановка весьма неспособствовала углублению этой работы. Февраль—март 1918 года в жизнь Южно-Уральского края внесли ряд крестьянских волнений и контр-революционных движений.

Начало этих первых брожений и волнений вызвало отправку лучших, наиболее организованных единиц на „фронт“. Общая же тревожная настроенность, в силу наличия повсюду враждебных сил, заставила заботиться о самообороне в местном масштабе.

Выделение лучших сил на борьбу с восстаниями тормозило внутреннее строительство боевых организаций—и в то же время заставляло его форсировать. Эта противоречивость внутреннего процесса была известного рода ненормальностью.

Более важным и решающим условием в развитии боевых организаций этого времени был партийно-политический разлад между левыми эс-эрами и коммунистами, который в обстановке весны 1918 года приобрел необычайную остроту в связи с известными вопросами „войны и мира“, продразверстки и т. д.

Междупартийное раздвоение Советских сил имело форму открытого разрыва и естественно должно было отразиться на всей Советской работе Южного Урала, ибо в 1918 году существовала необычайно чувствительная зависимость трудовых процессов от политических импульсов и событий. Но особенно разлагающим образом она сказалась в военной работе, немислимой без политического единства и солидарности. Двухпартийная система боевых организаций в данном случае необходимо должна была выявить крупнейший недостаток своей организации, неправильность начал, заложенных в основание ее.

3-й съезд Б. О. собрался в Уфе 25 февраля н/ст. в обстановке, когда началось нарастание разногласий между коммунистами и лево-эссерами по ряду вопросов,—он имел очень бурный характер, ибо в повестке его стояли животрепещущие вопросы о Брестском договоре, о войне и Красной Армии.

Состав делегатов Съезда дробился почти поровну между коммунистами (небольшой перевес) и лево-эссерами. Однако, при фактическом обсуждении и голосовании вопросов перевес определился за народническо-революционными элементами в силу разногласий среди коммунистов. „Предполагаемый мир“, заключаемый правительством, вызвал резко отрицательное отношение. Левые эсеры целиком заняли враждебную позицию в отношении Брестского договора, защищая линию „революционной борьбы с империализмом Германии“. Коммунистическая фракция не имела единства. Поэтому на съезде лишь меньшинство, возглавляемое Евлампиевым (Губвоенком) и Э. Кадомцевым (Начальник Губернского Штаба) отстаивало целесообразность заключения мира, находя невозможным по условиям состояния современной России вести войну—„большую, организованную, большими средствами и тактикой крупных масс—такую войну, которая могла бы обеспечить победу пролетариата над мировым капиталом“. Кадомцев в подкрепление своей точки зрения сделал доклад „о способах ведения большой современной войны“.

Нелишне привести некоторые характерные штрихи этого доклада, характеризующего умозрение главных руководителей Б. О.

„Существуют два способа ведения войны:

1. *Большая война*, ведущаяся постоянными армиями друг против друга, на определенной территории, по принципу наибольшего сосредоточения в данном месте в данное время количества войск и выбрасывания большой массы энергии (в виде снарядов, пуль и т. д.).

2. *Народная война*, ведущаяся восставшим народом в своей земле против пришельцев, по принципу дезорганизации его всеми средствами, начиная с пропаганды и кончая налетом в тыл для разрыва его сообщений с базой—с переходом в открытый лобовой бой, как и при большой войне, миллионными армиями (если они есть), когда противник уже дезорганизован.

Мы переживаем длительный организационный процесс масс, когда энергия масс ушла на внутреннюю работу, когда остальная часть призвана ковать будущее человечества. Мы живем в тот момент, когда хотенье хорошей жизни будущего охватило широкие массы, но когда умеющих творить черезчур мало и они связаны с процессом брожения в массах. Использовать брожение масс для оформления хотения хорошей жизни в смысле создания народного вооружения сейчас самый благодарный момент. Но создать армию в виде войска, по старому изолированного от масс, набранного помощью агитации военных отделов—безнадёжная забава. Старая армия была построена на психологии масс, укрепленной иерархией чинов; период Керенщины армию уничтожил, перейти от говорильни к делу в остатке этой армии безнадёжная вещь...

Организационный процесс масс выдвигает из себя активный элемент, в виде боевых организаций Народного вооружения, и только по способу, указанному Уфимско-Уральскими организациями, будет создана Социалистическая Армия России.

Боевые организации формируют творение жизни и через несколько месяцев мы будем иметь кадр, умеющих делать жизнь, мы будем иметь, выражаясь старым языком, свой офицерский корпус, который поведет боевые кадры в народную войну, а народное вооружение будет давать бесконечные кадры...

Для ведения большой войны большими „фронтами“ нужно иметь огромное военное превосходство и миллионные людские военные кадры. Мы кончили прежнюю войну именно потому, что у нас не было нужной промышленности, именно оттого, что наше государство не в состоянии было выпустить нужное для фронта количество снарядов, людей, лошадей, хлеба и т. п. И вести такую войну нам нельзя в ближайшие годы, пока мы не будем иметь народного общего производства на основе современной техники, пока мы не будем иметь специального военного производства на основе современной техники — нам нельзя „бряцать оружием“ — дешевая вещь, но не серьезная...

Перед нами стоит народная война. Народ погибнуть не может, народ не может быть побежден. Мы должны отступить в глубь нашей страны, в глубь наших равнин, мы должны понять организационный процесс масс; понявши — использовать его для народного вооружения, для создания инструкторского и мобилизационного кадра. Народное вооружение — та база, откуда мы десятками лет будем черпать активный элемент для несения народной войны.. Предоставим же кричать о фронте, бряцать оружием, принимать резолюции о продолжении войны тем, кто не понимает принципов народной войны. Нам же безразлично будет заключен или не будет заключен мир; мы не признаем ничего, кроме *классовой войны*, и будем готовить, как начали уже несколько месяцев тому назад, базу для народной войны, — народное вооружение по способу создания на местах первых и вторых дружин, т. е. мобилизационно-инструкторских аппаратов, будем создавать третьи и четвертые дружины, т. е. всеобщее обучение и всеобщую мобилизацию. Чтобы в нужный момент к нам шло бесконечной колонной пополнение нашим передовым бойцам, нашим боевым „тысячам“, которые мы будем посылать не маленькими отрядами, как профаны рисуют партизанскую войну, а миллионными армиями“ (Приказ № 6 от 23 мая 1918 года).

Взгляд Кадомцева, обнаружив глубокое понимание современных особенностей большой войны, по существу заключал целую программу действий на будущее, он охватывал

позднейшее строительство Красной Армии, вплоть до последних территориально-милиционных формирований. Он был наиболее конкретен и вытекал из самой сути марксистского понимания вещей.

Однако, большинство съезда стояло на точке зрения возможности и необходимости революционно-народной войны против империалистов (в частности и против Германии). После обширных прений была вынесена следующая резолюция:

„III Уфимский Губернский Съезд БОНВ, высказавшись по вопросу о заключении мира с германским империалистическим правительством, независимо от подписания его, находит, что такой мир невозможен, относится к нему отрицательно и примет все меры к организации отрядов для борьбы с русской буржуазией, как и с германской“.

Эта полная пафоса резолюция, конечно, оказалась голословной и была забыта в обстановке позднейших местных событий; но она отчетливо отобразила национализм уфимских боевиков. Она наряду с многим другим указывает на глубокую разницу сознания южно-уральского рабочего и рабочего Петроградского или даже Средне-Уральского районов, более организованных, более вываренных в котле капитализма, классово-выдержанных и очищенных от мещанско-крестьянских предрассудков. Эсеровское, вернее крестьянское недомыслие, пристрастие к партизанской войне, прикрываясь ультра-революционностью, привлекало южно-уральскую рабочую массу, ибо отвечало ее природе. На рабочих собраниях и митингах, всюду идея этой повстанческо-революционной борьбы имела видимый успех.

Следующий крупнейший вопрос, создавший большое обострение и раздвоение съезда—это было обсуждение декрета о создании Красной Армии, изданного Центральным Правительством. Левые эсеры были принципиально против создания армии, они резко критиковали формы и порядок нового военного строительства, проводимого центром. Они указывали на общенародный, не классовый характер Красной Армии, на ее революционную ненадежность, метод организации сверху, а не снизу, назначенство комсостава, наемни-

чество, прием офицерства и наличие прочих корпоративных черт парской армии; в новых формах Красной Армии они видели возрождение „темной слепопослушной и старорежимной армии“.

Масштабы организации Красной Армии казались совершенно неприемлимыми с точки зрения дружинно-партийной идеологии, установившейся в Б. О. и укоренившейся в сознании боевиков. Все напоминающее старую армию было контр-революционным пугалом для рабоче-крестьянских масс 1918 года и революционное сознание их органически не мирилось с установлением системы в виде армии, а изобретало кустарные формы, изыскивало случайные примитивные методы, отвечавшие развитию масс,—и цепко держались за них, как за новый жизненный продукт революционного творчества; в то время как Питерские и Екатеринбургские рабочие, привыкшие к методам и формам высокой квалификации, быстро восприняли и осознали необходимость совершенной современной военной организации. В Питере и Екатеринбурге организация новой армии не вызвала разномыслия и оппозиции в рабочих рядах. Там переход от Красной Гвардии (рабочего ополчения) к Красной Армии прошел по существу безболезненно. Не то было на Южном Урале. Здесь лишь тяжкие кровавые уроки войны, горький опыт боевой практики развеял кустарничество и партизанщину—этот своеобразный продукт крестьянской идеологии и психики. Южно-Уральские рабочие были против создания армии, в духе намерений центра. Отсюда создавалось противопоставление Б. О. Красной Армии, превознесение достоинств дружин в сравнении с полками.

Левые эсеры на съезде после бурных прений зачитали целую декларацию по этому вопросу, устанавливавшую, как незыблемое основание—дружинное строительство, партизанскую тактику и зависимость от парт-комов (непосредственное подчинение партиям) ¹⁾.

¹⁾ „Наши дружины не Красная Армия, а автономные боевые единицы, они сроком не связаны и будут распущены тогда, когда сама партия их распустит (из резолюции).“

Коммунистическая часть съезда, признав многие недостатки, допущенные центром в построении Красной Армии, стояла на платформе создания твердой государственной системы централизованной вооруженной силы и стремилась практически осуществить это реформой Б. О. в этом направлении. Известный и довольно крупный оттенок оппозиции, по отношению к мероприятиям центра, которым давно болели уфимские коммунисты, заставил их вести примирительно-посредническую, соглашательскую роль. Левые эсеры и им сочувствующие при окончательном решении заняли настолько резкую позицию, что грозили уйти со съезда и разорвать единство Б. О. Обобщенное стремление уберечь это единство, известные уступки обеих сторон,—помогли избежать на этот раз полного разрыва; однако широкое и довольно сильное разложение было внесено и углублено этой партийной рознью, которая выявилась в процессе съезда.

В конечном счете съезд принял примирительную резолюцию, не выражавшую определившегося отношения к вопросу.

„Мы считаем себя ячейками Красной Армии—ее инструкторско-мобилизационным аппаратом: 1 и 2 дружины—на местах и 1 и 2 губернские дружины, которые создаем, а третьи губернские дружины создадим согласно нашему уставу и декрету о Красной Армии, так как в декрете совершенно упущено самое важное в военном деле—это мобилизационно-инструкторские аппараты; кроме того, мы приступим к созданию крупных боевых единиц (тысяч), отвечающих всем требованиям техники, согласно нашего устава“.

Эта половинчатость в решении вопроса, уступки на обе стороны, являясь по существу стремлением примирить непримиримое, объясняются тем, что руководители Б. О., находясь между молотом и наковальней, пытались под видом условного принятия декрета о создании Красной армии, сохранить революционно-рабочий аппарат Б. О. и продолжать дальнейшее его развитие. История дальнейшего развития событий показала, что подобная комбинация в силу складывающихся отношений не могла пройти успешно. Боевые организации, пережив расцвет своего развития, стояли перед распадом и угасанием. Наростание самых разнообраз-

ных разлагающих факторов, содействующих этому распаду с каждым днем стало сказываться сильнее и сильнее. Факты и события, ранее способствовавшие сплочению и совершенствованию боевых рядов, стали в силу диалектики внутреннего развития углублять антагонизм, до сего в открытом виде не проявлявшийся. А между тем внешнее состояние Б. О. в это время было блестяще. Уже упорядочились штабы и военкоматы, развернулось по всей территории Южного Урала до сотни ячеек, организовалось свыше 3-х десятков крупных боевых дружин; часть дружин побывала на различных фронтах, в борьбе с контр-революцией подобрался и выдвинулся руководящий инструкторский состав; боевое движение охватило до 20 тысяч бойцов. Самый характер движения уже перерастал и неукладывался в губернский масштаб — рисовалась возможность объединения и оформления его в областные формы. Успехи строительства были настолько заметны, результаты — в виде боевой силы, настолько конкретны, что это не могло не сказаться на самосознании уфимских деятелей, стоявших во главе этого дела. На одном из последних съездов выносятся постановления о необходимости перенесения областного центра из Екатеринбурга в Уфу. На 4-й парт-конференции Урала принимается постановление о проведении партийной мобилизации, вооружении рабочих масс и организации частей Красной Армии — *в духе и по опыту* строительства Б. О. Уфимской губернии. По этому поводу мы имеем в одном из приказов следующее характерное обращение Начальника Штаба Б. О.

„Дорогие товарищи! Вот резолюция, принятая на партийной конференции Уральской области. Это еще раз должно влить в нас жизнь в предстоящей нашей работы. Поздравляю товарищей с победой наших идей“.

Подобное же сознание успеха мы находим в другом месте того же приказа, где говорится об издании декрета о всеобщем вооружении и создании Красной Армии. Кадомцев пишет: „Мы можем поздравить себя, что наша девяти-месячная работа увенчалась успехом: с изданием этого декрета вся Россия поняла, что мы стоим на верном пути.“

На будущее время мы должны удвоить наши старания и усилия, провести в жизнь идеи нашего устава и, подымая наши организации на должную высоту, тем самым показать, как надо понимать этот декрет и как его осуществлять“.

В этих строках выявляется отчетливое сознание первенства и удовлетворенной гордости. Развитие этих стремлений в последующем привело к многим обострениям.

В середине апреля произошел 4-й съезд Б. О. На нем было около 60 представителей различных Б. О. (преимущественно большевики). Съезд разбирал вопросы хозяйственно-финансового характера, организационные, и тактичско-политические. На этом съезде было отмечено усиленное формирование крестьянских дружин в селах, высказано пожелание об осторожной рассылке в дальнейшем рабочих отрядов, ибо иначе обезлюдевшие заводы от частых мобилизаций могут остановиться. Здесь же вновь поднялся вопрос об отрядной системе, произошел спор между левыми эсерами и коммунистами. Наметилось полное расхождение в этом вопросе тактики большевиков и левых эсеров. С этого съезда левые эсеры почти прекращают работу в органах Б. О. 4-й съезд имел отчетный характер, важных решений принято на нем не было.

В дальнейшем последующий 5-й съезд Б. О. (в мае) совпал с упадочным настроением, в силу окружающих настроений не имел организующего значения ни в политическом, ни в собственно военном отношении. Он прошел незаметно и ничем не отразился в жизни Б. О.

6-й съезд боевых организаций происходил в переломный момент их жизни. На нем были преимущественно большевики и примыкающие к ним (86 делегатов — 78 коммунистов). На съезде стояли доклады о положении на фронтах (Чехо-Словацкое восстание), о работе Совета и штаба боевых организаций, о декретах по организации Красной Армии, о дальнейших задачах и т. д.

В докладе губсовета, сделанном Кадомцевым, об оперативном положении и организационных задачах, любопытны некоторые моменты, характеризующие состояние боевых организаций в начале июня (6-й съезд был 30 мая — 5 июня).

1) По оперативной обстановке:

„Со времени 5-го с'езда внутренняя обстановка Уфимской губернии и задачи боевых организаций осложнились. Боевые организации кругом охвачены кольцом враждебных сил. Борьба ведется одновременно на трех фронтах. Помимо похода на Дутова и борьбы с самарскими анархистами приходится усмирять бунт чехо-словацких эшелонов на линии Челябинск—Златоуст. Обстоятельства заставили губернский штаб прибегнуть к третьему роду мобилизации: оторвать от станков большую часть рабочих на заводах. Благодаря такой мере Симский завод находится накануне останова“...

„Самым обширным и легким оказался Самарский фронт. Энергичным натиском уфимские отряды под командой М. Кадомцева и Яковлева сломали упорство восставших...

Неожиданно восстали чехо-словаки. Когда шли первые головные эшелоны, мы предвидели возможность столкновений на почве недоразумений или провокации и настаивали на недопустимости с чисто военной точки зрения оставлять при них оружие. Центр настоял на своем.

Когда они заняли сибирскую магистраль — один из главнейших жизненных нервов страны — разумеется не без участия контр-революционеров и соглашателей, начали держать себя вызывающе. Издан был приказ о их разоружении. Они восстали в Челябинске, напали на Златоуст и двинулись к Бердяушу.

Златоустовские дружинники разбили чехо-словаков, не смотря на численное превосходство последних, разогнали остатки их по горам и лесам. Чехо-словацкий бунт создает удобную обстановку для осуществления темных прожектов буржуазии и ее приспешников“...

2) По организационному вопросу:

„За время между 5-м и 6-м с'ездами Совет занимался главным образом разрешением вопросов организационно-технического характера, встречавшихся на пути завершения строительства боевых организаций. Теперь, когда на обще-губернских с'ездах разрешены вопросы принципиального характера, необходимо приступить к усиленной творческой работе на местах. Чтобы не отвлекать работников,

Губернский Военный Совет решил предложить созыв губерньских с'ездов через три месяца и через месяц с'езды специального характера, напр., организационного, мобилизационного и т. д.

По всей губернии сейчас разбросаны ячейки Б.О. являющиеся мобилизационно-инструкторскими штабами. Центром предложено переименовать их в комиссариаты, но декрет не предусматривает деления горнозаводской части на округа, однако сохранить их необходимо для более прочного укрепления военной организации, ибо чем меньше круг деятельности, тем легче осуществлять декрет...

До сих пор с Центром у нас имеется одно принципиальное разногласие. Центр не приступает к созданию кадра. Мы же это делаем. Надо полагать, что сама жизнь заставит его убедиться в том, что без кадров нельзя приготовить хорошо обученные, снаряженные полки, которые сейчас необходимы. Подчиняясь декретам Правительства, боевые организации сделали много уступок, стирающих их самобытные черты. Теперь очередь за Центром...

Как видно 6-й с'езд бурно переживал тревожное настроение, навеянное разгоревшимися кругом восстаниями и опасностью чехо-словацкого бунта. С другой стороны, он по-прежнему пытался противодействовать центральному давлению в организационных вопросах. Боевые организации старались сохранить свои „самобытные черты“.

6-й с'езд был последним в истории боевых организаций—им фактически закончилось их развитие и существование. Боевые организации вступили в полосу реформирования, переустройства, вернее распада и разложения.

Р а с п а д Б. О.

Процесс организационного распада Б. О. совершается в течение полутора-двух месяцев (май-июнь). Можно весьма много указать причин, обусловливавших его.

Первой—нужно признать—партийное раздвоение (обосложение лево-эсеровских дружин).

Лево-эсеровские дружины в мае 1918 года, когда в окружении многочисленных восстаний требовалась необычайная

организованность и дисциплина, определенно дезорганизовали административную систему Б. О., взявши курс на самостоятельное существование своих дружин.

Достаточно вспомнить случай в середине мая с Белорецкой дружиной, которая в числе нескольких сот прибыла в Уфу и соглашалась войти в подчинение Уфимского Губштаба только на определенных условиях, выставленных лево-эсеровским комитетом. Аналогичными случаями полна вся жизнь Б. О. последних месяцев. Со дня 4 съезда, где окончательно определилось расхождение, левые эсеры фактически не считали свои дружины подчиненными штабу и во всех случаях прибегали к решению своих парткомитетов.

Это была крупнейшая болезненная особенность в обстановке борьбы, приведшая к полной дезорганизации боевого строительства.

Всякая вооруженная сила могущественна своим политическим и организационным единством, одной волей, ею управляющей. Иначе рано или поздно двойственность природы проявится и приведет к разложению, как это и случилось с боевыми организациями, построенными на двойственной основе.

Не менее решающим был другой факт, характеризующий состояние Б. О. в мае—июне месяцах.

Это—взаимоотношения руководящих работников. В силу ли личных особенностей руководителей Б. О. и парторганов, а может быть, вследствие назревших условий момента или по другим причинам, но эти взаимоотношения в руководящих уфимских кругах партийных и советских работников сложились весьма и весьма неблагоприятно для Б. О. в самый ответственный момент их существования.

Дело в том, что весной 1918 года, незадолго перед волной всеобщего восстания, буржуазии? Советы почти всюду по директивам коммунистической партии стали брать курс на привлечение широких масс населения, в частности интеллигенции, на смягчение взаимного обострения и ликвидацию саботажа технических сил. Поэтому в политике, тактике Советов начало происходить резкое отмежевание

от узко-партийных и непримиримых крайних тенденций. Как говорит т. Ленин, Советы искусно лазируя, проявляя соглашательство, тогда изнекавали формы „перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче управления“.

Эта политика мирного воздействия деятельно поддерживалась и проводилась частью уфимских работников, несмотря на окружающие величайшие обострения и видимую близость гражданской борьбы. Между тем Б. О., исполняя функции полиции, стали к этому времени грозой обывателей и буржуазии — при автономности действий они сделали своего рода *чрезвычайным карательным* органом, ведущим борьбу с буржуазией. В этом чрезвычайном и безответственном усилении Б. О., стоявших на крайних позициях и ускользавших часто из под влияния — многие видели опасность умаления прав Советов, подрыв общей линии и т. д.

Наоборот, боевики, стоявшие на принципе беспощадности борьбы с буржуазией, на курсе устрашения обывателей, интеллигенции — в соглашательских тенденциях видели подрыв революции, измену классовым интересам. Таким образом наметилось известное расхождение, которое в силу сложности обстановки, в очень малой степени поддавалось регулированию. Отсюда стал возникать ряд нареканий, взаимных давлений и других обстоятельств, ослаблявших общую организованность. Это весьма резким образом сказалось на состоянии Б. О. Подточенные внутренним разложением, Б. О. не находили в полной мере поддержки в руководящих кругах; среди последних установилось мнение необходимости реформирования Б. О. Поэтому урезывались штаты, из-за обострения отношений сокращались кредиты, создавались многие осложнения, тормозившие рост Б. О. Это в тот момент, когда Б. О. должны были посылать десятки дружин для подавления восстаний на окраины, когда они должны были быть готовыми всюду вооруженной рукой подавлять волнения и беспорядки, когда аппарат их должен был работать без задержки и развернуться в широких размерах.

Руководители Б. О., сознавая свою ответственность, чувствовали инстинктивно приближение гражданской борьбы и видели состояние общей неготовности к этому; они всячески тревожили внимание партийных кругов в этом отношении. Однако, достигнуть крупных результатов не могли. Все были горячо увлечены процессом налаживания социалистической организации общества, разворачиванием государственных органов—каждый жил своей колокольней. Повернуть устремление всей этой энергии масс, углубившиеся в хозяйственную работу, в направлении военной мобилизации, было не так-то легко. Это смогла сделать только непосредственная реальная опасность гражданской войны.

Вообще,—как это не удивительно, —партия до последнего момента очень мало знала о Б. О., их структуре и развитии жизни и быта; причем во взаимоотношениях партии и Б. О. в это время чувствовалась какая-то разобщенность, равнодушные, неопределенность — положение опасное и ненормальное для того времени.

А между тем над Б. О., кроме этого, навис Дамоклов меч, в виде постороннего воздействия. Это — давление центральных органов из Екатеринбурга и Москвы. Екатеринбург, принявший без колебаний структуру Красной Армии и вставший на новые рельсы еще с марта месяца, как областной центр, требовал реформирования Б. О. При неоднократных приездах военные комиссары Екатеринбурга на уфимских съездах и перед Совнаркомом настойчиво ставили этот вопрос. Однако, эта настойчивость и давление на уфимских работников оказывали очень малое влияние, во-первых, потому, что здесь затрагивался обычно спорный и злободневный вопрос о подчинении Уфы (претендовавшей на областной масштаб) Екатеринбургу и выступали наружу давние препирательства и споры; во-вторых, — в силу безусловной неприемлемости по тому времени форм централизма, в виде приказов, назначения, которые выдвигались Екатеринбургскими представителями. Трения между Екатеринбургским Окружным Военным Комиссариатом и Уфимским штабом Б. О., все осложняясь, в течение весны охватили все

стороны военного быта — от организационной до оперативной (вопрос борьбы с Дутовым в Зауралье).

Эти трения разлагающим образом отражались, как на организации военного строительства Урала, так, еще в большей степени — на успешности борьбы с контр-революцией. Уфа, чтобы избежать нежелательного влияния областного центра, по всем возникавшим вопросам самостоятельно сносилась с Москвой и получала оттуда указания. Это до поры до времени отсрочивало разрешение спорного вопроса, ибо Москва, не зная конкретно местной обстановки, не могла составить определенного убеждения и разрубить этот узел. Однако с осложнением обстановки на Урале и после издания декретов о Красной Армии и введения всеобщей военной подготовки, принятой ВЦИК по докладу Троцкого 22 апреля 1918 года, из центра, под влиянием разворачивавшихся событий, все резче и жестче начали доноситься ноты приказа о развертывании военного строительства по единому плану. Различие структуры Б. О. и Красной Армии явственно обрисовывались перед всеми. Причем наличие многих отрицательных черт у Б. О., резко выходящих в форме кустарничества и партизанщины, создавало неблагоприятное общее впечатление. Например, т. Р. Берзин, назначенный из Москвы в Средне-Сибирский Военный Комиссариат (в г. Омск), проездом 28/V, осматривая Б. О., вынес именно такое впечатление.

„В Уфе никакой военной организации не было. Здесь образовалась так называемая самостоятельная „Уфимская республика“ во главе с Уфимским Советом Народных Комиссаров, который очень неохотно подчинялся директивам центра и на все смотрел глазами своей Уфимской колони. Красную армию почти не признавали и всю свою боевую мощь строили на народном вооружении и боевых дружинниках, которые по несколько десятков человек были разбросаны по разным заводам и деревням, без какой-либо военной связи и определенной формы военной организации“. („Этапы строительства Красной армии“).

Еще более неблагоприятное убеждение составила у Наркома Подвойского, прибывшего 29/V для подготовки воен-

ной самозащиты Урала против бунта чехо-словаков, казачества и буржуазии. Подвойский сделал смотр Уфимскому гарнизону и, спешно обревизовав Б. О., резко раскритиковал их состояние, целесообразность и боеспособность. На заседании Уфимского Совнаркома и на происходившем в сезде Народного Вооружения Подвойский в категорической форме, именем центральной власти, потребовал расформирования существующего, смещения части работников Б. О. и срочной организации Красной Армии в общепринятой форме.

Несмотря на протесты и частичные трения решимость и настойчивость Подвойского оказала влияние.

Резолюция его была принята на губернском сезде 5 июня в следующей формулировке:

„Признавая недочеты в организации вооруженных сил Советской Республики, происшедшие вследствие необычайной трудности экономического положения страны, вызванного трехлетней мировой войной, новизны дела для класса, впервые получившего власть из рук буржуазии, вследствие чего за организацию Красной Армии должны были приняться люди без достаточной подготовки в военном деле, не имевшие заранее выработанного плана работ;

признавая, что ответственные советские партии недостаточно учли необходимость самого непосредственного участия в организации армии, призванной отстаивать власть рабочих и крестьян,—что выразилось в недостаточной организации партиями деревни, главного источника для создания армии в России;

отмечая, что создавать Красную Армию приходилось спешно на развалинах буржуазного строя и старой армии в то время, как международный империализм в предвидении мировой социальной революции окружал постепенно Советскую Республику, которой приходилось постоянно отражать удары своих буржуазных классов, опирающихся на технически высоко организованные силы;

считая, что бороться с вооруженными до зубов капиталистами можно, лишь создав мощную регулярную постоянную, хорошо вооруженную и обученную армию, что создать

высоко поставленную в техническом смысле армию можно лишь при помощи специалистов, которых очень мало было у пролетарского класса, вследствие его подчиненного положения по отношению к буржуазии, что Советской власти придется взять на службу имеющихся специалистов, из числа бывших кадровых офицеров, которые могут быть заменены лишь тогда, когда будут созданы советские военные руководители,—Губернский С'езд Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких депутатов, считает необходимым всеми мерами поддержать строительство новой армии, памятуя, что острый период добровольчества уже миновал и настало время обязательства и всеобщей воинской повинности для трудящихся классов; для чего предлагается срочно Военному Комиссариату принять практические меры к проведению в жизнь декретов о всеобщем обучении, подготовить в губернии план мобилизации рабочих и крестьян, приложить все меры к поголовному обучению по программе, не ниже средней инструкторской, всех членов Советских партий, реорганизовать и политически обработать уже организованные отряды, усилить культурно-просветительную деятельность, вводя в Красную Армию производительный труд и т. д., С'езд считает, что задачи, стоящие в военном отношении перед Советской властью, столь важны, что за проведение этой программы должно быть ответственно все трудящееся население Республики“.

На том же заседании 5 июня III с'езд Советов вынес следующее решение:

„III-й губернский с'езд, обсудив вопрос об организации Социалистической Красной Армии, постановляет:

1. Принимая во внимание момент наступления, как изнутри, так и извне, организованной контр-революции и считая, что защита Советской Федеративной Республики требует создания организованной и обученной по всем правилам военного искусства Рабоче-Крестьянской Красной Армии взамен старой демобилизованной; считая, что новая армия должна впитывать в себя лиц со специальной военной и технической подготовкой, руководящих работами

военного дела под контролем инструкторов, стоящих на платформе Советской власти в качестве комиссаров, — Съезд высказывается за неуклонное проведение в жизнь декрета о Красной Армии, изданного Всероссийским Центральным Комитетом». На основании решений губернского съезда в заседании 5 июля Уфимский Губисполком постановил:

„Поручить Губернскому Военному Комиссариату на основании центрального декрета, проводить в жизнь все распоряжения Окружного Уральского Военного Комиссариата, конкретизировать свои обязанности по отношению к нему, в обстановке настоящего момента определить задачи губернского Комиссариата по вопросам мобилизации, организации вооруженных сил и оперативным действиям“.

„Немедленно приступить к организации Уездных волостных и заводских комиссариатов через местные Советы“.

„Организовать внештатный временный полевой оперативный штаб, находящийся в заведывании Губернского Военного Комиссариата и руководимый оперативным отделом Уральского Окружного Военного Комиссариата“.

„Организовать штаб обороны города Уфы в составе: 1) Начобороны, ответственного за оперативную часть обороны, и 2) Военного Комиссара, в качестве ответственного политического руководителя, несущего обязанности по охране города“.

„Организовать отряды в виде законченных штатных боевых единиц“.

Уфимский Совнарком, утратив под влиянием последних событий позицию независимости, признал все предложенное Подвойским и взял твердый курс на переорганизацию военных сил. Этим был решен вопрос об уходе части работников, основных организаторов Б. О., не мирившихся с новыми формами. Этим решено было существование Б. О. в их самобытной форме, что ускорило их разложение. Однако, цепь окружающих фронтов, сознание непосредственной опасности отерочили решительную ликвидацию Б. О. Дабы последовательно и постепенно произвести процесс переустрой-

ства, была сделана попытка временно примирить старую и новую форму. Но созданный этим путем — „Уфимский Окружно-Губернский военный комиссариат боевых организаций народного вооружения рабоче-крестьянской Красной Армии“ — в самом зарождении своем имел столько несообразного и неестественного, что долго просуществовать не мог. Когда началось переформирование дружин и отрядов в полки, стало привлекаться офицерство, появились вместо боевиков „солдаты“ и „начальники“ — стала выявляться иная идеология, дух и принципы.

Старые участники Б. О., ревниво оберегавшие чистоту дружинно-товарищеских отношений — не могли оставаться в частях и начали выбывать. Боевые организации — на фронтах и окраинах, дружины и штабы — на местах, потеряв связь с центром, утратив направляющее руководство, стали самопроизвольно распускаться или беспорядочно втягиваться в процесс гражданской борьбы, утрачивая с таким трудом налаженную обоюдную связь и систему взаимоотношений.

К этому времени крупные группы боевиков по несколько сот человек оказались разбросанными в разных направлениях — под Оренбургом, в Самаре, в Златоустовском и Верхне-Уральском районах, в Симском, Белорецком и Богоявленском округах, в Уфе и других местах. Новый руководящий орган — комиссариат — не мог подчинить и связать известным единством эти разобщенные силы; к тому же он был занят процессом своего внутреннего упорядочения, развертыванием уездвоенкоматов, набором и формированием красногвардейских полков, стягиванием материальной части и тому подобными мероприятиями.

В дальнейшем деятельность уфимских военных органов носит формальный характер. С переводом на новые рельсы боевое строительство, получив новые формы, казалось лишилось души, творческого огня, оживлявшего и возбуждавшего работников. Несмотря на остроту положения, напряженная деятельность в июне месяце ничего не прибавила к тому капиталу, который был скоплен ранее. Боевые организации распались, — Красной Армии еще не было создано.

Характер и формы строительства Б. О.

Боевые организации 1917—18 г.г. были единственной боевой силой Советов. Они выполняли самые разнообразные функции, воплощали в себе разнородное назначение — и, таким образом, в потенции скрывали зародыши развития в нескольких направлениях. На них лежали функции полиции, постоянной армии, прод-отрядов, железно-дорожной и тюремной охраны, Чрезвычайной Комиссии и т. д. Все эти жизненно необходимые отдельные отрасли вооруженных сил и их функции временно объединялись и развивались в форме Б. О.

Первейшим своим назначением в организационном отношении Б. О. имели боевое сплочение — по единству целей и задач — широких рабочих и красноармейских масс путем их подготовки и обучения военному делу.

Б. О., базируясь, с одной стороны, на партии, с другой, — на широкие массы пролетариата и беднейшего крестьянства, строили свой аппарат таким образом, чтобы наилучше обеспечивать экономическое развитие и правовую сторону Советского государства, не отрывая производительных сил от производственного процесса и приближаясь, в конечном счете, путем последовательного перехода, безболезненно к формам милиционной армии. Таким образом, в формах Б. О. своеобразным путем выдвигалась идея своего рода партийного и рабочего ополчения. Комплектование и структура Б. О. — как они выявились к весне 1917 года — особенно наглядно это показывают. В основе были партийные организации, которые выделяли группы членов, знакомых с военным делом и имеющих боевой опыт; путем кооптации и подбора эти группы в процессе работы расширялись. Таким образом, составлялось основное ядро организаторов-инструкторов, образующих первую дружину Б. О., куда вливались и все выбранные на командные должности.

Первой дружине принадлежала вся руководящая роль по специальным военным вопросам, причем демократизму, как в деятельности технического характера, — не было места.

Вокруг первой дружины организовывалась вторая дружина, набираемая из партийных товарищей, способных носить оружие. Вторая дружина проходила полный курс военного обучения, несла гарнизонную службу и всегда находилась в боевой готовности. Каждый дружинник первой и второй дружин имел двой товарищей поручителей. Все беспартийные рабочие и крестьяне обоего пола от 18 до 55 лет, стоящие на платформе Советской власти, будучи организованы заводскими комитетами, профсоюзами или сельскими комитетами, должны были проходить военную подготовку под руководством 2-й дружины и составляли третью дружину Б. О., исполняя при призыве под ружье те же функции, как и вторая дружина. В обычное время обучение производилось на месте работ по 3 часа в день, одновременно для всех возрастов; при чем оружие выдавалось в ограниченном количестве, только в часы занятия и только тем добровольцам, кто был рекомендован профсоюзом или парткомитетом.

Таким образом, вторая и третья дружины представляли собой отряды рядовых бойцов, делившихся на десятки, сотни, тысячи (позднее переформировались во взводы, роты и батальоны), под командой — выбранных начальников, автоматически входящих в состав первой дружины.

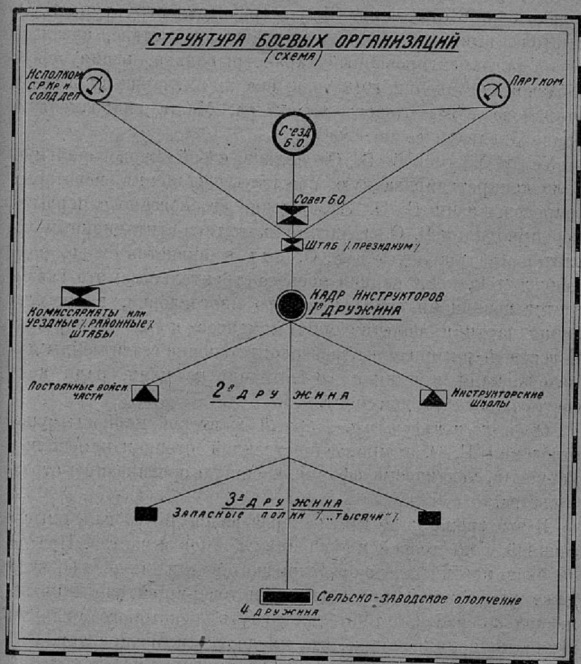
Отряды делились по специальностям на стрелков, разведчиков, гранадер, пулеметчиков, сапер, кавалеристов и артиллеристов, при чем никаких определенных штатов не существовало, и каждый отряд имел штаты, выработанные своей организацией, применительно к имеющимся на местах материальным средствам.

Крупные отряды имели свои уездные или заводские районные штабы Б. О., возглавляемые начальником штаба, имеющим командные функции; этот штаб подчинялся губернскому штабу, а последний — областному.

Штабы также не имели определенных штатов и выполняли, кроме оперативной работы, все обязанности военных комиссариатов.

Деятельностью мирной и боевой начальника штаба руководил Совет боевых организаций, выбираемый общим собранием 1 и 2 дружин (по пропорции 1 от 50). Совет Б. О. и

местный Исполком взаимно представлялись для правильного освещения политических и специальных вопросов. Губернский Совет Б. О. был подотчетен съезду Б. О. по всем вопросам, кроме оперативных. Во всей своей внутренней жизни

Б. О. были обособлены, однако этот факт ничем особым не сказывался в силу отсутствия регламентации и системы.

Начальник штаба, назначаемый на эту должность по указанию Комитета партии, был подотчетен последнему, а также и Совету Б. О., куда он входил равным членом.

Вообще надо заметить, что формы, структура, жизнь и быт Б. О. только начали складываться и не были уточнены, жизненно оформлены и регламентированы. Поэтому сейчас в этом исследовании, основываясь на ряде отдельных документов, указаний и сообщений, приходится высказывать только общие суждения. Например, общая структура Б. О. как она выявлена в ниже прилагаемом уставе, казалось имела регламентированный характер; однако, в силу своеобразной обстановки 1918 года, она не имела всюду и везде одинаково обязательного характера. Места видоизменяли, приравнивали ее по своему.

Устав Уфимской Б. О. являет собой первоначальную мало конкретизированную попытку обобщения некоторых вопросов жизни Б. О. Зарождение его связано с первыми мероприятиями Б. О., имевшим политико-агитационный характер. Отсюда — устав Б. О. был и является своего рода манифестом, декларацией боевого строительства; это сказывается в наличии революционного многословия, в преобладании партийно-политических моментов и многом другом. Известный риторизм и фразеология вполне естественны для того времени, принимая во внимание те цели, ради коих составлялся этот документ.

Обучение и подготовка. Первый и второй периоды существования Б. О. в преимущественной степени наметили и углубили, тактически оформили общую организацию строительства.

В это время мало кто интересовался в строгом смысле военной подготовкой и обучением бойцов и частей. Правда, необходимость владеть оружием заставляли каждого боевика, даже до Октября, при содействии товарищей, упражняться несколько часов, чтобы достигнуть некоторого умения в этом отношении; однако, это имело частный характер.

После второго Съезда, когда на практике некоторых действий (подавление восстаний) выявились отрицательные черты военного невежества бойцов и дружин — вопрос подготовки и обучения встал во всей полноте.

В этом отношении в разрешении его наметилось следующее:

1) 1-я дружина, составляясь из членов Совета Б. О., работников штабов, начальников отрядов и частей, районных представителей и инструкторов—являя по существу управляющий аппарат, была занята текущей работой, не могла уделить времени на самообразование и совершенствование в процессе своей деятельности.

2) 2-ая дружина, являясь боевой частью на казарменном положении (под ружьем), должна была проходить курс обучения под руководством своих начальников и инструкторов. Программа этого обучения была невелика. Она исчерпывалась особой инструкцией, составленной штабом Б. О., при чем в основу обучения была положена самостоятельность дружинника. (Инструкция ниже прилагается). Главное внимание обращалось на пристрелку, умение владеть винтовкой, револьвером, пулеметом. Шагистика и муштра были отменены.

3) Обучение 3-й дружины намечалось вести по заводам и деревням под руководством инструкторов из 1 дружины—по 2 часа в день. Оно имело подготовить резерв для комплектования частей на случай большой мобилизации. В полном виде 3-й дружины весной 1918 года не развернулось, обучение их не было осуществлено; однако пробный опыт был проведен в Уфе в виде 1 и 2 тысяч народного вооружения (позже 1 и 2 полки). Программа и методы обучения этих тысяч, подготовка маршевых частей на различные фронты—была аналогичной применявшимся в запасных полках старой армии, однако, со многими упрощениями и проблемами.

4) Наконец, острая потребность в знающем командном или как тогда называли „инструкторском“ составе, в начале весны 1918 года заставила руководителей Б. О. развернуть губернские инструкторские школы с курсом приблизительно бывших учебных команд. Они делились по специальности: на пехотную, кавалерийскую и артиллерийскую. Это были едва ли не первые пролетарские школы комсостава во всей Советской Республике (в то время такие курсы создавались лишь в Туркестане). Однако, эти школы, имея отборный состав (по выборам от 50) рабочих курсан-

тов, очень быстро усваивавших военные знания, находились в весьма плохом состоянии, за отсутствием квалифицированных руководителей. Надо заметить, что Б. О. строго до конца проводили свои принципы классового отбора и не допускали в свои ряды бывших офицеров, хотя среди первой дружины и были отдельные партийные товарищи с военной подготовкой. Поэтому состояние школ в специальном отношении было плохо; инспекция Подвойского, осматривая их 29-го марта 1918 года, нашла весьма большую политическую сознательность, революционную готовность погибнуть — и весьма мало технических знаний, военного умения.

Эти школы по существу являли собой обычные учебные команды, кадровые ударные войсковые части, к роли коих и свелась их позднейшая деятельность в условиях гражданской войны.

Таковы краткие штрихи о подготовке и обучении Б. О.

Тактика Б. О. была крайне своеобразна: она впитала в себя все приемы подпольных боевых дружин и импровизированных народно-революционных армий, какие существовали на протяжении последнего столетия.

Кратко ее идеология выражалась так: сомкнутые строи, длинные боевые порядки, действие массами являются следствием той иерархической системы принуждения, которая существовала в войсках, укомплектованных элементами различными по своему классовому составу, от того господствующего класса, который армию эту формирует.

Поэтому в Б. О. никаких сомкнутых строев не допускалось (§ 5 „инструкция для стрелка народного вооружения“ говорит следующее: „никаких ружейных приемов, никакой шагистики вам знать не надо“).

Походное движение совершалось небольшими группами в 3—5 человек, на расстоянии не менее 15 шагов группа от группы. Впереди, сбоку и сзади двигались небольшие дозоры. Кавалерия также небольшими соединениями двигалась самостоятельно, не равняясь с пехотой, впереди последней. Впрочем пехота в редких случаях двигалась пешком, как правило было движение на обывательских подво-

дах. Таким же образом возились пулеметы и патроны. Артиллерия двигалась при пехоте.

На отдых останавливались всегда в населенных пунктах, выставляя на угрожающих направлениях охрану, в виде постов в укрытых местах, не менее двух человек; причем широко применялось постам придавать пулеметы. При смене постов или караулов никаких паролей не применялось, сменялись всегда через лично известных товарищей.

В бою наступали цепью, стрелок от стрелка не ближе 5—7 шагов, но допускалась, как предельная норма, на открытой местности до 50 шагов, пользуясь всеми неровностями и закрытиями, стараясь быть всегда невидимыми для противника. При ведении боя в незнакомой местности рекомендовалось держаться всегда вдвоем, втроем, кучками. Окопы в бою применялись, как исключения, по причине того, что шанцевого инструмента не было, но на заблаговременно подготовленных пунктах окопы устраивались на 1—3 человека, при чем на ровной местности вся земля из окопа разбрасывалась вокруг так, что ни бруствера, ни гласиса не делалось. Широко пользовались местными закрытиями, рвами, канавами, заборами, насыпями и пр. Каждый стрелок должен был твердо знать боевую задачу своего десятка, сотни и отряда. Власть начальника в бою была безусловной и за неподчинение его приказанию он мог применять наивысшие меры воздействия (расстрел на месте). Комиссаров в отрядах не было. Большею частью боевые действия предпринимались ночью. Характерно то, что решающую роль в крупных боевых столкновениях играла не пехота, а кавалерия, причиной чего было отсутствие пштыков. Пехота хорошо оборонялась, но при наступлении она только огнем пулеметов и винтовок подготавливала решительный момент; когда же противник был поколеблен, изза пехоты выскакивала конница и завершала удар своим натиском, стремительностью и действием холодного оружия; поэтому в каждом бою можно было слышать крик стрелков: „кавалерия вперед“. 10—20 всадников решали бой, который вел отряд в 100—400 человек.

В заключение, чтобы полнее обрисовать внутреннее положение Б. О. весной 1918 года придется несколько слов сказать о их хозяйственном и бытовом состоянии.

Так как сами части и боевые единицы имели полуимпровизированный добровольческо-милиционный характер, а по той их существование можно было даже ставить под знаком сомнения, естественно, что хозяйственные органы и функции боевого строительства не были развернуты, организованы и имелись лишь в кустарном виде. Лишь у штабов, да отдельных единиц, перешедших на казарменное положение, имелось свое хозяйство. Снабжение частей и бойцов было весьма беспорядочное и случайное. Конфискация и реквизиция были чуть не единственным средством изыскания необходимого. Ни закупок, ни заготовок не применялось. В виду сравнительной незначительности боевых сил, рассредоточенных по широкому пространству (да еще в полумобилизованном виде) острой нужды в снабжении не возникало. Местные советы легко удовлетворяли несложные потребности бойцов, живущих большей частью на свой счет или на счет тех учреждений предприятий, где они раньше работали.

Гораздо сложнее и труднее обстояло дело с вооружением.

Вооружение Б. О. получали частью путем конфискации от жителей оружия, привезенного с западного фронта, от местной буржуазии и расформированных частей местных войск и полиции; частью с заводов—Ижевского, Пермского, Воткинского и других—Уральской области.

Таким же путем получались патроны, снаряды, седла и прочее снаряжение. Вооружение стрелков было разнообразно—винтовки Вердана, Гра, Винчестера, Ватерли; однако, преобладала русская 3-х линейная винтовка. Еще более были разнообразны револьверы, являвшиеся личной собственностью бойцов и начальников. Пулеметы в довольно большом количестве—Максим и Кольт.

Артиллерия — горная обр. 1909 г. и легкая — обр. 1902 и 1900 г.г.

Что касается обмундирования, то, согласно § 12 устава Б. О. Н. В., дружинники не имели права носить никаких

внешних отличий от других граждан. На том же основании дружинники не носили красноармейских значков и не имели знамен.

Конский состав комплектовался посредством частичных мобилизаций и реквизиций.

Финансировались Б. О. первоначально исключительно средствами партии, а затем кредитами, отпускавшимися Советским Правительством на добровольческую Красную армию.

Каждый дружинник получал ежемесячно 150 рублей на полном содержании, а в случае снятия с повседневных работ имел право от местных Советов на суточное довольствие в размере обычных ставок.

Дружинники, потерявшие трудоспособность в бою и семьи пострадавших или убитых, получали пенсию от местных Советов.

Внутренняя дисциплина Б. О. регламентировалась уставами и инструкциями, выработанными съездами Б. О. и была крайне сурова.

Касаясь всех мелочей повседневной казарменной жизни, инструкции возлагали ответственность за все имущество, имеющееся на руках дружинника, (оружие, патроны, снаряжение) материально и дисциплинарно, на обоюдное их поручительство друг за друга.

Дружинники, выходя из казармы, даже по частным делам, должны были быть всегда при оружии и патронах. За оставление поста, не дождавшись смены, за невыход к бою и уклонение от него, а также за мародерство, игру в карты и нетрезвое состояние в боевой обстановке полагалось высшее наказание (расстрел). Все взыскания налагались общим собранием дружины (чаще начальником); приговор приводился в исполнение немедленно.

Подчеркнутая строгость к самим себе и своим проступкам — весьма любопытная черта Б. О. Несомненно это объясняется партийным характером Б. О. Мы знаем массу примеров применения расстрела и других суровых наказаний налагавшихся общими собраниями и начальниками на провинившихся (дезертиров, грабителей, насильников и т. д.).

Несомненно это являлось своеобразным коррективом для разгульного духа революционной эпохи.

В силу многих причин состав Б. О. не походил на добровольческие красноармейские части, существовавшие в то же время в других областях. Преобладание рабочего и партийца делало Б. О. безукоризненными в политическом и этически-бытовом отношениях. Поэтому не чувствовалось и не было необходимости в существовании особых политических аппаратов для наблюдения за морально-политическим состоянием частей. Они начали возникать и развиваться позднее—с мая 1918 года, скорее как органы агитации среди населения, как вербовочно-пропагандистские центры, двигающиеся вместе с частями.

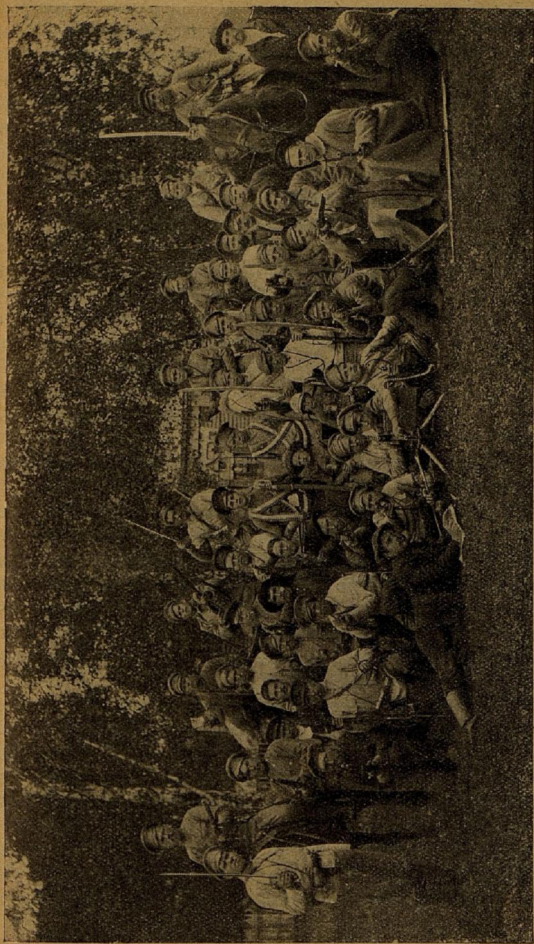
До этого же местные партийные комитеты выполняли непосредственно все функции позднейших политотделов.

Значение системы боевых организаций.

Боевые организации одна из своеобразнейших и оригинальнейших форм Рабочей Гвардии, получившей на Южном Урале такое развитие по целому ряду экономических и исторических причин.

Как говорит Ф. Анулов („Красная Армия“ № 18—19) „своеобразие условий классовой борьбы на Урале, оторванность от прочих пролетарских центров, органическая связь с деревней и мелкой собственностью, некоторая оседлость рабочих масс Урала, отсутствие текучести и видоизмененности в личном составе определили организационно-тактические формы Уральских боевых организаций, далеко отставшие от соответствующих форм Красной Гвардии Питера и даже Москвы. Политическая обстановка борьбы, географические и этнографические особенности Урала заставили Уральский пролетариат объединить под своими боевыми знаменами не только пролетарские, но и полупролетарские крестьянские элементы.

Однако будучи менее пролетарскими, чем боевые авангарды Питера и Москвы, Б. О. Н. В. Урала являлись в то же время более приспособленными к условиям полевой борьбы.

Одна из рабочих дружин Урала.

Влияние уральских хребтов, родной деревни, с которыми уральский пролетариат не терял связи, отразилось и на его тактической приспособленности и подготовленности. Если по социальному признаку пролетарий является борцом городов, а крестьянин — полей, то Уральский рабочий в этом подразделении занимает промежуточную станцию. Эта полупролетарская и в то же время полукрестьянская организация создала и соответствующие формы своих боевых организаций (в период октябрьского переворота)“.

Далее тот же автор, подробно разбирая устав Б. О. — отмечает:

„Стремление решать боевые задачи в неосуществимом общем масштабе, отсутствие конкретности и практичности в постановке основных положений устава и сугубая демократичность характеризуют отсталость организационных форм Б. О. Н. В. Идеалистическое представление об общенародной внеклассовой милиции, организующей не только военную силу, но и государство — лишь дополняет характер устава Б. О. Н. В.“.

Другой критик, один из первых историографов Красной Гвардии, В. Георгиевский, говорит, что

„БОНВ, как одна из разновидностей Красной Гвардии, были необходимы и хороши во время обострения классовых борьбы; когда же пролетариат победил и начал строительство своего государства, эта импровизированная армия оказалась, по меткому выражению одного из деятельных участников ее неудачных операций, палочкой в руках великана, палочкой, которой нельзя бороться с капиталом всего мира“ („Очерки по истории Красной Гвардии“).

С отрицательной оценкой Георгиевского нельзя согласиться потому, что Б.О.Н.В. не следует и нельзя рассматривать, как совершенную форму военной организации пролетарских масс, а лишь, как систему вооружения переходного типа, рассчитанную на полупролетарские элементы, приспособленную к местным условиям и обстановке. Система БОНВ, как и вообще весь институт Красной Гвардии, являла первичную попытку оформить боевую революционную энергию трудовых масс в борьбе против контр-революции — она

являла примитивную стадию первоначального развития военных форм пролетариата на Урале. Б. О. были не более того, чем они являлись. Они были зародышевой формой, ветвью той же Красной Рабочей Армии в переходном состоянии, при чем эта форма при наличии крупнейших недостатков была близка к системе милиции и базировалась на революционном развитии масс. Георгиевский отмечает, что „когда борьба с регулярными чехо-словацкими и офицерскими частями становилась все труднее и труднее, в самой среде боевиков стало замечаться тяготение к переформированиям, некоторые отряды, сами перестраивались во взводы, роты и батальоны“... Очевидно революционное творчество масс, толкнутое в определенном направлении, в процессе жизненного опыта постепенно само изживало последовательность степеней своего развития и тем же опытным путем, практикой приходило к более сложным и совершенным формам военной организации.

Правда, при этом нужно указать уже выше отмеченный основной недостаток Б. О.—узко-партийный характер, партийную, а не государственную основу (идею) построения. Эта неправильность построения имела решающее значение для всего дела. Именно этой особенностью прославились и выделились Б. О. в ряду других форм Красной Гвардии (особенно в сравнении с Ленинградской организацией ¹⁾), имевших большую классовую выдержанность в своих формах и развитии.

¹⁾ Ленинградская Красная Гвардия по четкости и ясности своих задач и целей, принципов формирования и комплектования, по определенности схемы управления, обучения, отбора и подготовки состава, административно-боевого разделения боевых единиц, их территориальной зависимости от производственных базовых ячеек (заводов и фабрик)—была чисто классовой рабочей боевой организацией. Следующее по этому поводу говорит Ф. Анулов, оценивая структуру Ленинградской Красной Гвардии:

„Наиболее яркой и характерной особенностью Красной Гвардии Ленинграда является централизация оперативной и подготовительно-учебной работы. Статьи устава, где говорится о плановой подготовке дружин Красной Гвардии и централизованном оперативном руководстве можно лишь приписать той революционной боевой школе, которую в течение десятилетий проходил ленинградский пролетариат.

В сравнении с Ленинградом Уральские боевые организации являли более „мягкую“ и более неопределенную форму пролетарской военной организации. Две главнейшие особенности Б. О. получили от прошлого:

1. Безусловное преобладание партийности со всеми вытекающими отсюда последствиями и особенностями.

2. Своеобразный характер комплектования и внутренней организации—по типу замкнутого и самоуправляющегося дружинного строительства.

Эти особенности в прошлом играли крупную роль, ибо в обстановке подпольной борьбы с царизмом достигали

Кроме воспитательного влияния революционной боевой школы на ленинградский пролетариат, огромную роль сыграли коллективистически-организационные инстинкты, внедренные процессом индустриального труда. Труд фабрично-заводского пролетария его дисциплинирует, внутренне организывает и коллективистически воспитывает,— вот те причины, которые определили положительное строение боевого организма столичного пролетариата. Кроме того, показателем организационной зрелости ленинградского пролетариата и его авангарда Красной Гвардии является построение вооруженных сил по классовому признаку. В момент государственного переворота не должно быть вооруженной силы, сформированной из социально разнородного элемента; классовое восстание в городах требует политической спайки, выдержанности и решительности боевых действий. Этими качествами может обладать лишь боевая организация, составленная из однородно-классового элемента. В этом вопросе рабочие и Красная Гвардия Ленинграда ушли далеко от ошибок Парижской Коммуны 1871 года, имевшей в рядах Национальной Гвардии шатающуюся мелко-буржуазную массу, тормозящую и разлагающую молодую, если не младенческую, мощь парижского пролетариата. Не менее характерно для авангарда ленинградского пролетариата стремление к познанию основ военного дела. Организация инструкторского отдела при бюро ЦК с задачами общего обучения гвардейцев и подготовки комсостава указывают на ту дань уважения, какую отдавал красногвардеец Ленинграда военному обучению.

Что касается организационных форм в строении Красной Гвардии Ленинграда, то они чрезвычайно поучительны для организации вооруженной силы уличной борьбы, ибо десятичная система является наиболее простой и наиболее приспособленной формой в этих целях. Небезинтересным в гвардейском уставе является учет значения технических средств борьбы. Организация подрывных, самокатных, пулеметных и прочих команд говорит о высокой технической сознательности

задачу отбора, подготовки и сохранения военно-партийных кадров для грядущей революции. В массовом же революционном движении эти явления кружковщины были не нужны и не целесообразны.

По существу Б. О. представляли собой партийные военные братства, находившиеся в более тесной зависимости от своих комитетов, чем от Советов. В моменты боевой опасности партии (лев. эсеров и большевиков), мобилизуясь и переходя на казарменное положение, растворялись в Б. О., и последние приобретали все права партийных организаций.

ленинградского пролетариата. Необходимо также отметить применение третичной системы (три взвода составляют дружину, три дружины—батальон) с оставлением четырех десятков во взводе. Это построение заставляет видеть известную продуманность и систематичность организационных форм Красной Гвардии; но наиболее интересным является все же решение устава по вопросам подбора комсостава. Здесь ленинградский пролетариат не сумел еще отрешиться от противного всякой боевой действительности „демократизма“, определившегося в выборности комсостава. Хотя этому демократическому принципу уставом и ставятся рога, в виде контроля и проверки знаний комсостава инструкторским отделом Центральной Комендатуры, все же выборность была положена в принцип организации командного Корпуса Красной Гвардии, что несомненно нужно приписать слабой подготовленности руководящих центров, отсутствию учета и наличия военно-профессиональных сил в рядах столичного пролетариата. Однако, ленинградский устав не может определяться, как „демократический“. Если в вопросах подбора комсостава ленинградская Красная Гвардия не была достаточно подготовлена к выявлению действительной формы пролетарской организации, то в комплектовании Гвардии рядовыми бойцами всякая демократичность уже отброшена. Показателем служит применение рабочих масс для образования Красной Армии. Еще до государственного переворота в октябре 1917 года фабрично-заводские комитеты и коллективы Ленинграда обязали всех рабочих встать под ружье для защиты интересов рабочего класса. Это была первая мобилизация пролетариата в гражданской войне в России.

Стихийно выявленный ленинградским пролетариатом в до-октябрьские дни принцип принуждения более отсталых и пассивных групп рабочего класса к вооруженной борьбе указывает на правильный подход руководящих рабочих кругов к вопросам организации личного состава классового боевого авангарда“.

В такие моменты сами Б. О. являлись военно-агитационным кадром, вокруг которого происходило сплочение Советских сил и сосредоточение революционных бойцов. Они служили инструкторским кадром в классовой мобилизации и возглавляли движение масс в борьбе с буржуазией. Борьба с буржуазией на Южном Урале велась преимущественно Б. О.; отсюда их исключительное значение и главенствующая роль во всех событиях революционной истории Южного Урала 1918 года.

Первый период этой борьбы, обильный многими неудачами и ошибками, в военном отношении всецело протекал под знаменем Б. О. Несомненно поэтому обывательское сознание и умы многих очевидцев, не вникавших в сущность вещей, так легко и грубо отождествили эти неудачи и темные стороны борьбы Южно-Уральского пролетариата с именем Боевых Организаций. У многих и доныне с воспоминаниями о Б. О. связывается представление о беспорядочном периоде пролетарской борьбы, когда в силу неумения наладить организацию военного отпора буржуазии, погибли бесцельно тысячи товарищей и приостановилась творческая работа социалистического строительства.

Это обусловлено не боевыми организациями, а общим положением, — тем что пролетариат Урала имел краткие сроки для самоорганизации в государственном и военном отношении.

Пролетариат был захвачен врасплох; не подготовленный, в периоде начальных попыток военного совершенствования; по недостатку времени и в силу бессознательной наивности своих вождей, он не успел овладеть верхними ступенями этой военной организации — трудности последних ему пришлось преодолевать уже в процессе самой борьбы.

Боевые Организации были необходимым явлением в свое время и сослужили громадную службу пролетариату; существование их диктовалось потребностями момента и обуславливалось теми непреложными законами бытия, действиями которых порождена была и сама Революция. Это был *передовой отряд*, который в разгаре революционной дезорганизации и классовой неготовности, принял на себя

первые удары буржуазии и ответными военными методами начал выбивать ее из насиженных мест и экономических питей.

Б. О. выпала почетная роль Гвардии Революции на Урале — благодаря их упорному героизму успешно был выдержан первый период борьбы. Если и были ошибки, неудачи, темные пятна в этой борьбе — все они являлись неизбежными в ходе исторического развития. Нигде более так не применима фраза Маркса — „вам придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов не только, чтобы изменить общественный строй, но чтобы изменить и самих себя и сделаться способными к политическому управлению“.

Возможные ошибки пролетариата, были ступенями его совершенствования и наша задача — задача позднейших поколений не забывать того, что *Красная Гвардия на своих костях вынесла первый этап пролетарской борьбы*. Под неистовый вой буржуазии, не взирая на рои лжи, массовых инсинуаций и страхов обывательщины, она, наведя панику, ликвидировала первые попытки буржуазии к восстанию.

Красногвардейцы творили великое классовое дело, были пионерами нового мира и первыми могильщиками буржуазии. Причем Уральским боевикам, как в 1905—6 г.г., так и в 1917—18 г.г., выпала доля быть авангардом в русском боевом рабочем движении.

Оглядывая теперь весь путь проведенной борьбы в целом, безошибочно можно сказать, что первый удачный опыт вооружения этих революционных сил был произведен на Урале. Как раз в борьбе Урала, при всем его сепаратизме и оригинально-революционном развитии, прежде всего пролетариатом изжита была дезорганизованность, усвоены военные уроки революции и добыты первые военные классовые победы над буржуазией.

Бойцы Б. О., закалившиеся в разнообразных боях по Уралу, в конце концов ранее других смогли образовать две лучших образцовых по своему времени Советских Армий — вторую и третью. В них, как наследии рабочего Урала, их славных традициях и боевых действиях, ставших основой

нового Советского военного строительства, должно преемственно видеть труды и организационный опыт Б. О. Н. В.

Примирительными словами упоминавшегося строгого критика Б. О.—Георгиевского, отождествлявшего их с Красной Гвардией, мы закончим настоящий обзор их развития: „Теперь, когда Красная Армия, достигшая наивысшей ступени своего развития, закончила свои операции на всех фронтах, когда с нею стали считаться, как с реальной вооруженной силой, когда она насчитывает уже 4 года своего существования, можно сделать справедливую оценку исторической роли вооруженной силы, из которой родилась наша Красная Армия. Такой вооруженной силой Советской России была Красная Гвардия, т.-е. революционные рабочие вооруженные в боевые отряды. Под защитой Красной Гвардии началось формирование Красной Армии. Она внесла в Красную Армию дух закаленных бойцов революции. Она послужила канвой для нарождающейся Красной Армии, она внесла в ряды нашей новой вооруженной силы суровую революционную дисциплину и вдумчивое отношение к делу“. („Очерки по истории Красной Гвардии“).

ЧАСТЬ II.

ГРАЖДАНСКАЯ БОРЬБА НА УРАЛЕ.

Боевая деятельность Южно-Уральских рабочих отрядов.

Урал перед гражданской войной.

(Политическое и экономическое состояние весной 1918 года).

История развития политических отношений на Урале весной 1918 года характеризуется сложностью и многообразием изменчивых факторов. Судя по экономическо-географическому характеру края, иного нельзя было и ожидать.

1. Октябрьская революция, всколыхнув рабочие массы на заводах, в деревне, наоборот, некоторое время вызвала лишь недоумение. Зимой 1917—18 г.г. южно-уральская деревня жила слухами и всевозможными страхами, насаждаемыми темной агитацией сельской и городской интеллигенции. Деревня в разгорающемся революционном процессе была неизвестной темной силой, не проявившей себя и не сказавшей последнего слова. По отчетам делегатов 3-го Уфимского губернского Съезда Советов (30/XI—4/XII 1917 года) выясняется, что „деревня не затронута революцией, деревня спит, крестьянство слабо разбирается в происходящих событиях и не осведомлено о них, декреты последнего времени и даже такой жизненный декрет, как о земле неизвестен; советы, как органы власти, на местах пока не образованы или не приняли определенного курса. Продорганы и земельные комитеты не проявляют согласованной и планомерной работы“. Деревня раскачивалась медленно: пока

она отзывалась на происходящие события отдельными, стихийными, однако, не лишенными логики, порывами темного порядка. Таковы были погромы имений, избяние прод-агентов, базарные беспорядки.

Причиной политической бесформенности деревни являлись: первое — отсутствие всего активного молодого элемента, находившегося на фронте, второе — отсутствие конкретных для мужицкого сознания поводов к общественной борьбе. Земля, хлеб, мануфактура, железо — все эти реальности, за обладание коими нужно непосредственно бороться — начинают тревожить уральского мужика только с наступлением весны 1918 года. Когда начались первые реквизиции и твердые закупки сельских продуктов, когда в городе и деревне исчезли товары, была закрыта частная торговля, когда, наконец, деревня сделалась ареной темных слухов, известий, погромных ожиданий — мужицкая масса зашаталась. Величайший продовольственный нажим весной 1918 года вызвал крупнейшие волнения по всей Уфимской губернии. Как известно, Уфимская губерния для спасения голодающего центра дала несколько миллионов пудов хлеба; сбор и реквизиция этих миллионов породили десятки волнений. Этот же хлеб произвел первую трещину в расслоении деревни. Слабость революционно-бедняцкого элемента в этот период способствовала перевесу кулацких настроений. Деревня весной 1918 года выражала резкое недовольство курсом „социализации земли, хлеба и торговли“. Революционная лихорадка начала трепать уральскую деревню только летом с уходом большевиков, заложивших семена классовых обострений. Только к осени 1918 года в сознании крестьянства лишь уроками учредилловщины определялся перелом в сторону Советской власти и большевиков. До этого мужик в февральских, апрельских (хлебных и противоторговых) и майских и июньских земельных волнениях выявил тяжелую полосу колебаний и недовольств.

2. В другой форме выразилось углубление революции на Урале среди рабочих масс. Октябрьский переворот, воспринятый сочувственно, произвел резкие изменения в производственной жизни южно-уральских заводов.

Первое — удаление хозяев и управляющих, введение 8-ми часового дня — ослабило заводы в отношении организации, сырья, денег.

Второе — рабочие мобилизации для борьбы с Дутовым и крестьянскими восстаниями выдернули с заводов наиболее активный большевистский элемент.

Третье — продовольственный голод, проявившийся в резкой форме на уральских заводах, способствовал внесению в рабочие массы обывательских настроений и меньшевистских тенденций.

Под влиянием всех этих причин южно-уральские заводы 1918 г. отличаются политической неустойчивостью (показательной и странной для тех, кто не знает, что они представляют собой крестьянские посадки).

Так — Куса дает революционный отряд на борьбу с крестьянским бунтом; через три недели та же Куса производит крупнейшее восстание по всей округе. Громадный Златоустовский завод считается революционным оплотом Урала — тот же завод в момент разгорающейся борьбы с Дутовым и чехо-словаками, при приезде Н. И. Подвойского выносит меньшевистские резолюции. Белорецкий завод с начала Октябрьской революции проявляет величайшую революционную инициативу в разделе земель, в борьбе с казаками; белорецкие дружины и полки избородили весь Урал, стоя на защите Советской власти — однако, все мероприятия белорецкого комиссара большевика Точического встречались на заводе глухим недовольством, в конце концов породившим его убийство.

Двигающими стимулами для южно-уральского рабочего являлись производство и земля одновременно. Южно-уральский рабочий ненавидел управляющего заводом, как представителя хозяина-капиталиста и помещика „бардина“. Эта сосредоточенность противопомещичьих и антибуржуазных стремлений повышала революционность рабочих масс, направленную на уничтожение пережитков крепостнических отношений и производственной земельно-рабской зависимости.

Особым моментом, внесшим свои оттенки в политическо-экономические переживания края — был национальный во-

прос. Правда, национальные обострения и развитие башкирских движений не являлись крупным фактором, но отнимали все же много революционной энергии и внимания, затрачиваемых на их ликвидацию. Главной причиной башкирских движений являлись земельные междоусобицы с русскими крестьянами, а в брожениях башкиро-татарской интеллигенции — буржуазно-националистические мотивы. Благодаря этому, в гражданской борьбе часть башкир играла активную роль в борьбе с Советской властью, отождествляемой ими по недоразумению с обрусительной политикой царизма. Башкирский Курултай в Оренбурге связался с Дутовым и в течение всего 1918 года направлял башкирские массы против русских Советов. Ликвидация в Уфе мусульманского национального собрания в начале 1918 года окончательно толкнула большинство мусульманской интеллигенции в контр-революцию.

Таковы три основных слоя южно-уральского населения. скрещением политических тенденций коих создавалась и менялась революционная ситуация момента.

3. Политические партии в их стремлениях и тактике явились выражением этих низовых проявлений. Так, правые эсеры возглавляли кулацкий элемент деревни, сельскую и городскую интеллигенцию и обывательщину. (На выборах в Учредительное Собрание получили 1 место). Левые эсеры — колеблющееся мелкое и среднее крестьянство (на выборах — 4 места); большевики (коммунисты), представлявшие рабочую часть населения, получили 1 место. Национальные татаро-башкирские, чувашские и прочие группировки шатались между правыми и левыми эсерами (получили 3 места); кадеты, трудовые и домохозяйственные объединения представляли немногочисленную буржуазию, игравшую очень малую роль в жизни края.

Ни одна из партий не имела и не могла создать себе большинства. Это одно характеризует Южный Урал.

Еще более характерна другая особенность:

На выборах в Учредительное Собрание Оренбургская и Самарская губернии провели несколько представителей буржуазии (например, от Оренбургской губернии — Дутов).

Это заставляло тревожно наблюдать за окраинами. Действительно южно-уральская окраина раньше всего заволновалась. Оренбургские и Самарские движения положили начало гражданской борьбе. На самом же Южном Урале в силу преобладания в нем середняцких крестьянских хозяйств, решительное столкновение враждебных политических сил могло развернуться только в деревне и то с опозданием, причем местная буржуазия не имела сил и средств для выступления против большевиков. Она ждала спасения со стороны. Спасителями на время действительно явились — пришедшая сила — чехо-словаки и казаки. Лишь с приближением их буржуазия и ее приспешники — правые эсеры, руководя саботирующей интеллигенцией, начали повсеместно „мутить население“ и взяли курс на подготовку свержения большевиков — т. е. широкими восстаниями и бунтами положили начало гражданской борьбе.

В этот момент подготовки и начала всеобщего восстания буржуазии, главенствующую роль в политике края играли левые эсеры, коих было до 7—8 тысяч и большевики (коммунисты), имевшие до 4—5 тысяч членов. (В некоторых съездовских отчетах обеих партий имеются иные сведения, устанавливающие численность левых эсеров 15—20 тысяч, а большевиков в 10.379 человек, — но эти цифры раздуты и не соответствуют действительности). Остальные партии и политические группы в это время сошли на нет. Мусульманские левые группы тянулись в хвосте правительственных партий. Правительственные партии в своих политических действиях и тактике в этот момент стояли в зависимости от рабоче-крестьянских групп населения, их поддерживавших, отражая заостренные тенденции и настроения населения. Крестьянское недовольство и бунтарские протесты на разверстку и реквизиции выливалось в истерическом поведении левых эсеров (на съездах, заседаниях и совещаниях). Обособление и бунтарская демагогия левых эсеров, отражавших политическую неустойчивость края, разложила общий фронт двух партий и явилась решающей помехой образования крепкой советской власти на Урале, а также предопределила многие неудачи первоначального

процесса борьбы с контр-революцией. Обостренная борьба во всех правительственных органах левых эсеров и коммунистов, убивая энергию на внутреннее взаимоотношения, ослабляла авторитет советских органов и настораживала рабоче-крестьянские слои населения, побуждая их к выжиданию и неопределенной политике. Для активной контр-революции это было крупнейшим условием успеха восстания, ибо при величайшей вулканической наэлектризованности населения разложение органов советской власти давало наилучшую обстановку для широчайшего развития контр-революции.

Таковы в целом условия, предварившие процесс гражданской борьбы на Урале.

Начало гражданской борьбы на Урале.

„Все величие и все оправдание гражданской войны, войны политической, состоит в сознании бойцов, которые являются не только солдатами, но и живыми идеями — такую войну нельзя вести, как войну против иноземного вторжения“.

В этих словах Артура Арну, героя Парижской Коммуны, заключается лучший апофеоз, когда-либо сказанный в отношении борцов революции. Эти слова особенно применимы к уральским рабочим-боевикам. Их боевая деятельность началась еще до Октябрьской революции: разоружение дезорганизованных солдатских масс, ликвидация стихийно возникавших массовых погромов, боевое обеспечение авторитета советов — все это непосредственно лежало на боевиках еще в период власти Временного Правительства, когда сами боевые организации скрытно таились в рабочих массах, формируясь и существуя в полулегальных формах.

Процесс безболезненного перехода власти на Урале от Временного Правительства в руки советов прошел исключительно благодаря нормальной и активной боевой поддержке боевых организаций.

Переход власти к советам определил новую эру в жизни Б. О. Они начали открыто комплектоваться на заводах, ста-

новьясь правительственной вооруженной силой. Задания их всецело стали определяться курсом правительственной политики и потребностями момента (как разоружение солдатских эшелонов, следовавших с запада в Сибирь, ликвидация крупных погромных движений приуральского крестьянства и т. д.). Однако, эти задания не представляли большой трудности, и выполнение их со стороны Б. О. не вызвало особого напряжения, не вносило в их жизнь боевых моментов.

Погромы помещичьих усадеб в первые дни Октябрьской революции представляли собой стихийное явление: развивались они на почве народной темноты, ликвидация их проходила весьма успешно, так как население при первых соответствующих разъяснениях само способствовало умиротворению.

Несколько более сложной и затруднительной являлась задача разоружения эшелонов, проходивших с запада в Сибирь. Острая потребность в оружии и стремление обеспечить себя от всяких неожиданностей со стороны вооруженной солдатской массы, заставляли настойчиво и решительно проводить это мероприятие. Уфимский штаб разработал целый план планомерного и согласованного проведения этой операции. Из Самары специальные агенты заблаговременно сообщали о движении эшелонов, их состоянии; в зависимости от чего Штаб намечал место и способ их разоружения. По пути до Уфы в отношении их устанавливалась известная изоляция и проводились те или другие действия. Активные и буйные эшелоны разоружались в Уфе или Миньяре, где и место и наличие сил позволяли удобно проводить подобные операции, снабжавшие Б. О. оружием и приучавшие их к организованному выполнению на первых порах этих примитивных действий, имевших военно-полицейский характер.

Борьба с дутовщиной.

Первое политическое осложнение, которое произошло на Урале после Октябрьского переворота и потребовало участия вооруженной силы для своего изживания явилось в виде

агрессивных действий казачества против Челябинска в ноябре 1917 года.

В виду непосредственной угрозы в лице казачьих отрядов, скопившихся под Челябинском, в последнем затормозилось установление Советской Власти. Власть в Челябинске долгое время находилась в руках соглашательского „Комитета общественной безопасности“. Челябинский Совет находился в полулегальном положении и, поддерживая связь с Уфой, Екатеринбургом, Самарой, Омском, требовал от них поддержки. В виду этого, почти одновременно, в конце ноября в Челябинск начали прибывать Советские войска из центра (Петрограда) Северный летучий отряд Павлова в составе 17 Сиб. пех. полка и 400 человек матросов, из Самары — пехотная часть с 8-орудийной батареей, из Уфы — дружина, от Томска — 2 пулеметных команды, из Омска и Екатеринбурга — пехотные отряды. Казачья угроза была устранена, в Челябинске был организован Ревком, и 7 декабря провозглашена власть Советов. Это решающим образом повлияло на соседний Троицк, находившийся до сего в неопределенном политическом положении. Для рассеяния реакционной атмосферы в Челябинском и Троицком отделах и ликвидации казачьих группировок и скоплений — в Троицк был направлен 17 Сиб. полк, а по отделам особо организованные летучие части. Проведение этого плана совпало с началом востания атамана Дутова, поднявшего против советской власти Оренбургское казачество южных отделов и захватившего в первой половине декабря 1917 года Оренбург.

Оренбургский переворот, как гром в ясный майский день, всколыхнул все Приуралье. При неустойчивости общей конъюнктуры состояния Южного Урала, он грозил непосредственно Уфе, Самаре и Челябинску. Поэтому по всему Приуралью с 8 декабря началась деятельная политическая и военная мобилизация сил на борьбу с Дутовской опасностью. Два направления были наиболее угрожающими: Верхне-Уральск — Челябинск и Оренбург — Самара. Отсюда родилась идея движения с двух сторон от Челябинска и Самары (а также и с Туркестана), чтобы взять в клещи

Дутовское восстание. Поэтому в этих двух направлениях и стали стягиваться советские силы: в первом части Челябинского гарнизона и 17 Сиб. полк, имевшие двинуться на юг для ликвидации повстанческого движения Оренбургского казачества; во втором — различные сборные части, присланные из разных городов в Бузулук (таковы — отряд матросов Павлова из Челябинска, отряд Гавриленко из Самары, Уфимский отряд, отряд анархистов и т. д.). Последние сборные части, собранные на-спех, были в самом хаотическом состоянии, необученные элементарным правилам военного дела, действовавшие без связи и согласования друг с другом. Общего руководства не было. Они выдвинулись вперед, в эшелонах, в район ст. Платовка и бездействовали около 2-х недель. А между тем: „грозный город черной реакции“, Оренбург, был фактически безоружным; его „командующий войсками“ Дутов не имел в своем распоряжении ни одной организованной части. Реакция до 25 декабря (начало наступления красных) переживала период митингования и оформления — развернуты были лишь некоторые органы, как „Комитет спасения родины и Революции“, Союз Офицеров и другие. Бездействие советских отрядов в Бузулуке и Платовке объясняется непониманием положения и полнейшею небоеспособностью их. Наступление красных началось 23 декабря, а к этому времени Дутов сумел уже выдвинуть по жел. дороге на ст. Кургала небольшой отряд офицерского состава в несколько сот человек. До этого Оренбург никем не охранялся. Столкновение произошло под ст. Кургала. Обе стороны действовали вяло, беспорядочно, ведя ружейно-пулеметный огонь с дальних дистанций. К вечеру у красных, неприученных к огневому напряжению, произошла паника, и они отступили в эшелонах обратно в Платовку. Белый отряд продвинулся за ними. Это небольшое столкновение произвело впечатление на обе стороны: у красных — началась новая мобилизация общественного мнения и подтягивания сил; у белых — разложение и уход из частей казаков и офицеров, не желавших вести гражданскую войну. В начале января красные отряды, усиленные вновь присланными частями из Уфы

и Самары, были переданы под командование Кобозева и начали новое наступление. После первых стычек белые отступили. В бою под ст. Сырт отряд белых в составе 300 бойцов после упорной обороны потерпел решительное поражение и в панике прибыл в Оренбург. Одновременно обнаружилось наступление красных со стороны Ташкента. Оборонять Оренбург было нечем. Началось массовое бегство белых из города. 18 января Дутов с отрядом в 300 бойцов покинул Оренбург и двинулся в северные отдели (в г. Верхне-Уральск). Другая группа белых отошла в Уральск, где расформировалась. Войска Кобозева заняли город 19 января 1918 года. Таков был заключительный финал 1-ой авантюры Дутова.

В отношении всей этой шумной „Дутовской“ истории нужно, во-первых, указать, что она носила агитационный характер, обе стороны были слабо организованы не только в военном, но даже и в политическом отношении. Отсюда борьба имела раздутый темп и развитие. Население в очень слабой степени отозвалось на призывы по мобилизации, из многомиллионной массы Южно-Уральского населения едва выявилось 1½—2 тысячи добровольцев с обеих сторон для проведения первых столкновений гражданской борьбы. Однако нужно отметить одну ценную особенность. Организация этой кампании советской властью обнаруживает много положительных моментов. Во-первых — в ней выявляется тесная спайка и солидарность различных приуральских городов (советов), которые, держа телеграфную связь, оказывают во имя общих и частных интересов друг другу помощь, во-вторых, в связи с этой кампанией произошло напряжение широкой политической активности советов. Первая авантюра Дутова несомненно значительно оживила и усилила деятельность и организацию Советской власти на Урале.

Вторая эпопея Дутовщины началась в феврале 1918 года и развернулась в Зауралье, охватив Верхнеуральский, Троицкий отдели. Дутов, перебросившись в Верхнеуральский отдел, расстреливая рабочих и разгоняя советы, приступил к мобилизации казачества и формированию частей.

Он имел в своем распоряжении пушки, снаряды, пулеметы и много другого военного имущества из средств местных казачьих arsenалов. В изобилии оружие имело и само население. Агентура Дутова распространилась повсюду, волнующая местное население на почве политических обострений и вербуя сторонников для борьбы против большевизма. В движении Дутова добровольными участниками и союзниками явились собственники-башкиры горного района, волновавшиеся в это время из-за земельных обострений с заводами и русскими поселенцами. На Урале в этот момент в острой форме переживался вопрос „мусульманской диктатуры“. Мусульманские национальные органы в Уфе и Оренбурге, в виде Национального Собрания, Управления и Военного Совета, в течении зимы, опираясь на мусульманские полки и население, категорически выдвинули проблему передачи власти в руки мусульман. Под флагом мусульманской диктатуры выдвигалась и работала местная буржуазия и контр-революция. Агитация и национальное возбуждение в связи с этим проникали во все далекие углы края и в особенной степени накопились в глухих горных районах где происходило углубление экономических обострений. В феврале, в Уфе и Оренбурге, в результате искусного маневрирования Советов, удалось разоружить местные мусульманские полки, на поддержке которых лелеялись национальные идеалы мусульманской буржуазии. После этого боевой характер движения резко пошел на убыль и растворился в настроениях населения. Дутов всемерно старался использовать эти настроения и объединить башкир и казаков против Советов. Это создавало опасную угрозу взрыва национальной борьбы в Приуралье. Кроме того, по сведениям от перебежчиков, разносивших панические слухи во всех направлениях, у Дутова назревал план — ворваться в линию заводов, захватить Катав-Ивановский завод, Белорецкую узкоколейку и перерезать Самаро-Златоустовскую жел. дорогу, чтобы преградить подвоз хлеба в рабочие районы. Такая непосредственная угроза со стороны контр-революции центрам и очагам южно-уральского производства создала сильное боевое и революционное оживление в ра-

бочих массах (особенно на заводах угрожаемой линии Кага—Белорецк — Тирляц — Катав-Ивановск).

Если при ликвидации первого Дутовского выступления уфимский штаб, объявляя мобилизацию боевых сил губернии, ограничился высылкой нескольких малых отрядов с ближайших заводов (Миньяр, Аша-Балашевская, Уфа),—то в процессе второй кампании были подняты все заводские дружины и двинуты в район Верхне-Уральска. За отсутствием точных данных мы не можем определить общий состав этих сил, ибо они выбрасывались последовательными эшелонами. Однако, можно указать, что в этом выделении сил приняли участие Уфа, Миньяр, Симский, Катав-Ивановский, Юрезанский, Белорецкий, Тирлянский, Богоявленский, Архангельский заводы и т. д. Первоначальным пунктом сосредоточения уфимских отрядов явился Белорецкий завод. На время этой борьбы Белорецк стал центром рабочего вооружения. Однако, стояние в нем было не продолжительным. Один из уфимских отрядов (первый из прибывших) под командой Чевырева в составе 225 бойцов, на подводах, с помощью местных перебежчиков, неожиданным ночным налетом захватил базу Дутовской авантюры, город Верхне-Уральск, пользуясь отвлечением главных сил казаков на север в направлении Челябинска и Троицка. При захвате Верхне-Уральска прервана была производившаяся казачья мобилизация, рассеяны сформированные части, уничтожен местный казачий штаб. Через некоторое время в район Верхне-Уральска подтянулись главные силы уфимских отрядов с М. Кадомцевым во главе, и положение здесь было упрочено. В это же время, в начале апреля, в районе Челябинска были сосредоточены Екатеринбургские и Челябинские части под командой Блюхера, выдвинутого Екатеринбургом в качестве руководителя борьбы против Дутова. Блюхер, объединяя действия нескольких разнородных отрядов (Цыркунова, Малышева и др.) общей численностью до 2.000 совершил несколько попыток наступать на юг в Троицку, чтобы освободить его от контр-революционного окружения и к Верхне-Уральску, на подступах к коему с севера находилась наиболее реакционная полоса казачьих

поселений. Однако, наступление Блюхера оказывалось безуспешным, ибо разбивалось искусным маневрированием конных отрядов Дутова, державшего главные силы на севере. Дутов имел до 2.000 конницы, сведенной в небольшие конные единицы, при надобности быстро пополнявшиеся добровольцами из местных станиц и поселков. Дутов упорно держался в треугольнике Челябинск, Троицк, Верхне-Уральск и, сосредоточивая свои силы, наносил отдельные поражения несогласованно действовавшим советским войскам. Таковы были поражения на Черной речке (отряды Блюхера) и под Кассельской (отряды Кадомцева). Неудачи советских отрядов, обложивших кольцом казаков, обуславливались разрозненностью их действий, а также плохой боеспособностью. Правда, отряды были хорошо вооружены, имели артиллерию, пулеметы, связь и т. д., но за то плохо владели оружием и не умели вести бой, ибо большинство рабочих боевиков имело лишь двухнедельную подготовку. Все это весьма показательно выявляется в воспоминаниях участников. В качестве характерной иллюстрации приводим заметку И. Опарина о бое под Кассельской.

„В первых числах апреля красные отряды пошли на станицу „Кассельскую“ в наступление. Из Верхне-Уральска выступили в 12 час. ночи с расчетом на рассвете подойти к неприятелю вплотную, но тут не обошлось без провокации. Когда отряды выступили из города, подводчики (казаки) сознательно направили обоз по двум направлениям, т.е. часть пехоты и батареи следовали по направлению Кассельской, а вторая половина и весь обоз со снарядами был направлен южнее, совершенно в противоположную сторону. Ночь была темная, но передовые части догадались скоро, что обозы отстали назад. Была выслана разведка, которая помогла выйти из трудного положения. Но время было упущено. Красным не представилось возможности скрытно и своевременно занять позиции: неприятель скоро расшифровал действия красных. На большом расстоянии от позиции неприятель начал обстрел в тот момент, когда отряды еще не были развернуты. Уже светало; быстро рассыпались в цепь по намеченному отряды, затрещали пуле-

меты, загремели пушки. Враг стал отступать к своим подготовленным позициям. Казаки стреляли без промаха, метко: станица Кассельская была кругом ограждена кавалерией, вплотную к ней подойти не было никакой возможности.

Бой продолжался приблизительно до 11 часов дня. Снаряды у красных истощались, их было только 160 шт. Орудия перестали греметь. Пулеметная и винтовочная стрельба, как тех, так и других, затихла. Около часа стрельбы не было. Во время передышки удалось подтащить в цепь патроны и набить пулеметные ленты. Казаки тоже не дремали: посылали гонцов в окрестные деревни и угрозой оружия собирали подкрепления. Дутов сам метался по станицам, выгоняя из помещений казаков. После этой передышки получилось нечто ужасное. Левому флангу, неизвестно кем-то, было сделано распоряжение отступить. Неприятель это скоро заметил и повел бешеное наступление по всему фронту. Создалась неимоверная паника. Отряды бросились бежать к обозу, ссылаясь, что у них нет патронов и снарядов. Четыре последних заряда были выпущены, дабы отбить, казачью атаку. Все чрезвычайно были переутомлены, некоторые даже были не в состоянии владеть винтовкой, бросая последнюю и бежали к обозу, нагоняя еще большую панику. Но как ни тяжело было рассеять эту панику—привести бежавших в порядок все-таки удалось. Боевики быстро опомнились и стали отступать организованно. Несмотря на атаки флангов, все-же к вечеру добрались до своих окопов, около г. Верхне-Уральска. При отступлении артиллеристы побросали пушки без замков. Командир батареи под страхом расстрела вернулся и забрал орудия. По прибытии красных частей в город обнаружилось, что телефонная связь была с окопов снята, так как отступления не предполагалось вовсе. Город в эту ночь совершенно замер: обыватели не выходили из своих домов, боясь, что вот-вот будет бой. В эту ночь красные подчитали свои потери. Они были следующие: было брошено 13 штук пулеметов, убито около 20 человек, много раненых и несколько попало в плен. (Революционное прошлое. Сборник Башпест-

парта № 1). Совершенно аналогичное происходило в бою красно-гвардейских отрядов Блюхера на Черной речке (панника, потеря орудий, отступление). Советские необученные, незакаленные отряды не могли выдержать огня, наступления и маневра регулярных казачьих частей.

Однако, полтора месяца борьба в одном и том же, сравнительно небольшом районе, военные тяготы и материальные лишения, реквизиции и карательные меры с обеих сторон должны были сказаться на настроении населения и отразиться на состоянии казачьих частей. Надо заметить, что эта гражданская война, сопровождалась процессом жестокой внутренней борьбы взволновавшегося населения Зауральского района. Зауральский район не случайно оказался благодатной ареной действий Дутова. Здесь в весьма резкой форме имелось классовое разделение, особенно, в отношении земельного обеспечения. С одной стороны—беднота, поселенцы и батраки, работающие на чужой земле, на хуторах и поселках, с другой—богачейшие казачьи станицы, владельцы крупных земельных угодий. Первые стекались в отряды Блюхера, в Троицкий и Верхне-Уральский отряды, вторые—в части Дутова. Обобщенное ожесточение выявлялось в очень разрушительных для хозяйства формах. Особенно страдали казачьи хозяйства от действий отрядов, чужих, пришедших со стороны (Уфимских и Екатеринбургских). Несомненно, этот факт, наряду с общей усталостью от войны, к концу апреля уменьшил приток добровольцев к Дутову и ослабил его связи с населением. Советские же отряды все усиливались. Все крупные пункты и направления были заняты красными. Дутов начал терпеть поражения и от Блюхера и от Кадомцева. Такими, например, явились неудачи Дутова под Верхне-Уральской и Магнитной. Дутов стал утрачивать свои наиболее поддерживавшие его районы. Неудачи ослабили его силы. Об этом моменте сохранилось любопытное донесение Начальника Штаба Уфимских боевых организаций, адресованное в Москву: „Военарком Троцкому, Подвойскому, Склянскому“.

„Донесу об успехах уфимского народного вооружения в борьбе с Дутовым. Главные силы шли на Верхне-Уральск

через Вязовую, Запрудовку (Белорецк — Верхнеуральск). Обходное движение: Богоявленский зав., Авзяно-Петровка — Магнитная. На Верхне-Уральск пошли дружины заводов Сямского, Катавского и Белорецкого округов с Уфимскими отрядами под командой большевика каторжанина Мих. Кадомцева. На Магнитную пошли — Богоявленский и Авзяно-Петровский округ под командой Калмыкова. Первые бои были под Верхне-Уральском. Казаки хорошо одеты, вооружены, с большим числом офицеров: в боевые линии меньше тысячи не высылали, боевого припаса всегда имели в излишке. До решительного перевеса боевых успехов на нашу сторону масса казачества стояла на стороне Дутова. Одиночки-бедняки переходили все время на нашу сторону. Разведка в некоторых станицах была почти невозможна.

Район Магнитной станицы, где из-за Магнитной горы все время шла тяжба между казаками и капиталистами Белорецкого округа, был под особенным нашим вниманием, как фактическая база контр-революции. Вторая база контр-революционного казачества — Нагайбаки под наше влияние взяты не были. Последний бой был для нас удачен, благодаря длительной упорной подготовке, правильно-выработанного плана и умелого командования т. т. Кадомцева и Калмыкова. Главный удар был нами нанесен в семи часовом бою под Верхне-Уральском, а окончательно надломлены Дутовцы в момент их отступления неожиданным нападением Богоявленских отрядов из под Магнитной. Фронт простирался до 20-ти верст, казаков в бою участвовало до 5-ти тысяч, у нас убитых 30, раненых 186, без вести пропавших 3. На нашем фронте дутовцы надломлены; для ликвидации их нужна длительная война. У нас нет денег и боевого припаса. Формирование мобилизационного аппарата закончили; в губернском масштабе в лице нашей губернской 3-й дружины, имеем, так сказать, запасный полк. По получении денег и материальной части приступим к формированию боевых единиц и в первую очередь пехотного полка № 2507. Начальник Губернского Штаба, Военный Комиссар Округа Эразм Кадомцев". (Донесение помещено в Уфимской газете „Вперед“ в № 85 от 28-го апреля 1918 г. Приведенная теле-

грамма в свое время предназначалась для печати и широких масс—ныне кажется несколько общей и официозной, для обстановки переживаний 1918 года она была вполне естественной и обычной).

В результате крупных неудач, выявивших полную невозможность справиться в открытом столкновении с многочисленными красными отрядами, Дутов резко меняет свою тактику: он распускает казаков по домам и, ускользнув от красных с небольшим конным отрядом открывает партизанскую войну по всей линии Оренбургских станиц, от Омска до Челябинска.

Вся эта Дутовская кампания была своего рода прообразом позднейшей Махновщины или Антоновщины, развернувшихся в таком совершенстве в 1920—21 г. г. Дутов был неуловим. Все стремления Блюхера, Каширина и других красных вождей настичь его, окружить или застать врасплох оказывались безуспешными. Дутов применял тактику кавалерийских партизанских действий, избегал затяжных боев; при содействии местного населения, скрытно передвигался и неожиданно нападал; в случае надобности распылял свой отряд и быстро собирал; при необходимости уходил в степь. Окруженный в начале мая со всех сторон красными отрядами между Верхне-Уральском и Троицком он сумел пробиться и уйти из опасного кольца. Однако, во время этой охоты он неоднократно был потрепан. Бесперывное преследование красных, особенно конной частью Каширина (в середине мая) заставило его бросить казачий район и скрыться в Тургайскую степь. Разлив рек и дальность расстояний воспрепятствовали преследованию. Эта война налетного характера, с быстрым передвижением (в повозках) оказала известное воспитывающее влияние на рабочие отряды—мелкие действия отряды начали совершать блестяще, бойцы и начальники приучились к проявлению риска, сообразительности и скрытности в совершении операций. В позднейших боевых испытаниях—в борьбе с чехо-словаками, этот первоначальный опыт сыграл большую роль. После ухода Дутова в Тургай боевая острота спада. Борьба с мелкими группами и анти-советскими эксцессами приняла затяжной характер. Часть

северных сил начала перебрасываться к домам. Однако, назревающие события в Западном Приуралье помешали полному успокоению казачьих районов и вскоре вновь обострили борьбу.

Борьба с крестьянскими восстаниями.

Одновременно с Дутовщиной, волновавшей восточную и южную часть Урала, боевыми переживаниями изобиловали и другие районы. Крестьянство Приуралья весной 1918 года развернуло целую серию восстаний и брожений, потребовавших усиленного проявления активности боевых рабочих отрядов. На протяжении сравнительно короткого периода времени, судя по отчетам и деятельности уфимских Б. О., мы находим целый ряд сосредоточений и боевых перебросок, обусловленных:

- 1) волнениями солдатского гарнизона. Бугульмы;
- 2) подавлением Дуван Тастубинского восстания;
- 3) перевозками Николая II и его семейства в Тобольск (позже в Екатеринбург);
- 4) ликвидацией башкиро-татарских движений;
- 5) максималистским восстанием в Самаре и Бузулуке;
- 6) контр-революционным брожением казачества в Оренбургской губернии.

Во всех этих случаях действенность, революционная энергия и стойкость рабочих отрядов, призванных выполнить классовый долг, выявились в полной мере: они с честью выдержали шумную кампанию многочисленных усмирений, они явились блестящей опорой революции, моральной и военной силой, о физическое воздействие коей разбиты первые удары буржуазии. Однако, эта необходимость повсеместной борьбы заставила разбросать, рассредоточить рабочие силы мелкими группами по всему Приуралью. Она выявила весьма большую потребность в бойцах; заводы и крупные рабочие центры произвели неоднократное выделение боевых единиц в ущерб производительной деятельности советского хозяйственного строительства.

Таким образом, весной 1918 года большая часть активного рабочего элемента Южного Урала была оторвана от

производства и уже вовлечена в процесс борьбы. Незначительное революционное ядро рабочих Южного Урала сдерживало напор реакции на всем пространстве от Волги до сибирских степей. Этот факт рисует особенно ярко напряжение и значительность революционной энергии, выброшенной пролетариатом Урала в период первоначального зарождения гражданской войны.

Осеобщий взрыв гражданской войны на Урале начался в конце мая 1918 года выступлением чехо-словаков и одновременной волной белогвардейских местных восстаний. С прибытием чехо-словаков и сосредоточенным наплывом буржуазии и офицерства из центральной России и Поволжья на Урале начался новый период гражданской борьбы — период реакционного перевеса и пролетарской дезорганизации. Буржуазия, расплывшись в деревне и имея там агентов в лице кулаков и богатеев, а также эсеровских элементов (кооперация, сельская интеллигенция), используя недовольство реквизиционно-продовольственной политикой, подняла крестьянство против советов. К тому времени рабочие дружины были разбросаны по всем окраинам и направлениям Южного Урала, в виде мелких отрядов, занятых подавлением брожений и эксцессов. Боевые дружины были охвачены кольцом поднимающихся враждебных сил, они оказались в окружении буржуазной стихии, стремящейся к полнейшему искоренению большевизма.

Взрыв крестьянских движений получил массовое распространение на всем Южном Урале и Поволжье.

„Деревня за деревней выходила с ружьями, с вилами, возникли крестьянские штабы, руководившие восстанием, появилась знаменитая крестьянская конница, вооруженная одними косами, но смело выступившая против винтовок и пулеметов и вооружавшаяся потом захваченным в бою оружием“ (Шмелев). Крестьянство поднималось обычно восстанием сразу целых десятков волостей с каким-либо крупным контр-революционным гнездом в центре, под руководством кулаков, духовенства и местных офицеров. После разгрома советов и ликвидации местных красных частей, объединенным с'ездом волостей объявлялась всеобщая гражданская

мобилизация от 18 до 45 лет, деятельно рылись окопы вокруг деревень и прилагались старания к расширению восстания.

Таковыми восстаниями весной и летом 1918 года была охвачена Самарская губерния, Красноуфимский, Шадринский уезды Пермской губ., часть Бирского, Уфимского и Златоустовского уездов Уфимской губ., вся северная часть Оренбургской губернии. Волна надвинувшейся черной реакции совпала с распадом общего организационного управления Б. О., с переформированием их центрального штаба в г. Уфе.

С утратой этого областного объединения дружины и заводские отряды на различных фронтах лишились последнего фактора, связывавшего их в единое целое и координировавшего сосредоточение их боевых усилий. Несвоевременность и нецелесообразность этого переформирования в такую ответственную минуту всего яснее обрисовывается на фоне оперативно-боевой обстановки момента. В данном случае мы видим пример, когда разрыв организационной связи (ликвидация центрального органа Б. О.), сыграли историческую роль. Рабочие отряды с того времени целиком уходят в стихию местных переживаний и одиночной партизанской борьбы; отступая из крестьянских районов, под напором буржуазии, они стягиваются к своим заводам или крупным узлам. В этот решающий момент стихийный инстинкт и сознание грозной опасности вновь принудили их начать сливаться с широкими рабочими массами, из коих они вышли, и растворяться среди последних в качестве военно-организационного кадра и политически связывающего элемента. На подьем буржуазии и крестьянства революционные заводы ответили рабочей мобилизацией: центры промышленности сделались центрами пролетарской самообороны. Здесь происходило формирование и сплочение новых рабочих отрядов. Правда, заводское население в своем отношении к совершающимся событиям раздвоилось: ее меншанский элемент целиком поддался мелко-буржуазным настроениям, зато подлинно рабочая масса и бедняцкие крестьянские элементы с величайшим воодушевлением, необычайным героизмом поднялись на защиту революции. Это красочно подчеркивается одним

из участников Уральских событий: „Чехо-словацкое восстание, всеобщий под'ем буржуазии и кулацкого крестьянства разнo сказались на настроении заводских рабочих масс. Как искры, стали вспыхивать и расти рабочие дружины, как пламя, разлилось массовое одушевление и пробуждение по всем заводам Урала. Величайший под'ем и наплыв рабочих в дружины Б. О. сделал их подлинно революционно классовыми организациями и превратил в небывалый источник энтузиазма и героизма. Вместе с молодежью, сыновьями, поднимались старики и вступали в дружины, видя в них единственную защиту рабочих прав и опору революции. Отчаяние, классовая ненависть возбуждали на борьбу самых мирных угольщиков и лесных дровосеков“. (Ямбулатов).

Это был период необычайной романтики, проявления беспримерно возвышенного идеализма, духовного под'ема. Распылив свои силы, для организационных работ среди населения, пролетариат не мог их быстро и своевременно мобилизовать, не нарушая хозяйственного аппарата и государственного управления (концентрировать и организовать для гражданской войны). Естественно, застигнутый врасплох, он прибегнул к защитно-оборонительной тактике. Он принужден был отступать, в огне гражданской борьбы производить сосредоточение, обучение и развертывание своих сил, одновременно занимаясь деятельной подготовкой политических условий своего господства.

Лето 1918 года на Урале—период наивысшего напряжения революционной борьбы. Последняя расплеснулась брызгами по всему Уралу. Она выразилась в многообразном и беспорядочно всеохватывающем движении восставшего населения, наплывших отрядов офицерства, казаков, чехов; учесть их, особенно подробно, не представляется возможным. Никаких официальных документов и письменных памятных, исключая воспоминаний и живых участников этих событий, эта пора гражданской войны не сохранила. Очевидно лишь позднейшие времена осветят этот смутный период и дадут подробное описание его событий. Мы в порядке нижеследующего изложения можем отметить только в общих чертах более характерные черты этого периода.

Чехо-словацкий бунт.

(Действия чехо-словаков на южном Урале).

Чехо-словацкое движение, самая история выступления чехо-словаков против Советской власти, их дальнейшее двухлетнее участие в гражданской войне не является исторической случайностью или прискорбным недоразумением, не предотвращенным чисто по оплошности. Раньше или позже, ближе к центру или дальше на окраине, чехо-словаки должны были выступить и не могли не участвовать в разгорающейся гражданской борьбе русского народа. Уже одна их зависимость от Антанты, или наличие 20% русского элемента в составе чехо-словацкого корпуса (к маю 1918 года), теснейшая связь чешских политических руководителей и верхушки командования с буржуазными кругами русского общества, начавшими борьбу с большевизмом,—все это неизбежным образом должно было сорвать позицию нейтралитета.

Гражданский пожар на Урале, в Сибири, в Архангельском крае летом 1918 года был неотвратим. Чехи не могли в нем не участвовать. Решение отделения чехо-словацкой рады, скрыто заседавшей 16—20 мая 1918 г. в Челябинске, говорит о необходимости срочного передвижения во Владивосток, с другой стороны в нем выявляется определенное убеждение неизбежности боевого столкновения с большевиками и дается инструкция активнейшего характера командованию в этом отношении. Уже одно принятие и признание необходимости сосредоточить разбросанно двигающиеся чехо-словацкие силы, захватить главные узлы и жел. дор. магистрали, чуть ли не от Пензы до Владивостока, обезоружить красно-гвардейские силы и воздействовать на советы на громаднейшем пространстве, одна заблаговременная разработка и согласованное составление плана для проведения и осуществления всего этого — разве все это не показывает разительнейшим образом, что здесь частные дела и средства превышали и нарушали общую цель (пробраться до Владивостока), что здесь в этом стремлении и решении момента история вкладывала боль-

шую сознательность и содержание, чем хотели действующие лица.

Установив единство и сговорившись в отношении руководства предстоящих действий, чехо-словацкие вожди входившие в состав ново-избранного комитета (Чечек, Войцеховский и Гайда), прибыв к своим группам, почти одновременно приступают к выполнению принятого плана: Войцеховский захватывает Челябинск 26 мая, Гайда начинает в Сибири 25/V и 26/V, а Чечек — в Сызрани и Пензе 28/V).

К истории Уральских переживаний имеют непосредственное отношение действия чехо-словацких сил Челябинской (Войцеховский) и Пензенской (позднее Самарской) групп. Состав этих групп исчислялся:

Пензенской: 1 полк—2.800 штыков; 4 полк — 3.500 шт., 1 запасный полк—1.300, 1 артбригада—200, техн. рота—150, всего до 8.000 бойцов.

Челябинской: 2 полк—2.500, 3 полк—2.800, запасный—1.000, 6 полк (9 рот)—2.000, ударная рота—150, 1 батарея, 2 бронепоезда, всего до 8.750 бойцов.

Эти две группы оказались по своему положению на открытых флангах Урала, своим наступлением они открыли и возглавили общий напор реакционных сил против Советов и рабочей власти Урала.

Последовательность этого наступления была такова:

Первой задачей чехо-словаков, занимавших Челябинский и Сызранский уезды, было установить связь между собой, овладеть железной дорогой Самара — Уфа — Златоуст.

Челябинская группа Войцеховского, обезопасив себя со стороны Екатеринбурга и Златоуста заслонами, свои главные силы направила в Сибирь, на Омск, для установления связи с группой Гайда, разбросанной на значительных пространствах великой Сибирской магистрали. По захвате Омска 7/VI и соединения с частями Сибирской группы 10/VI, главные силы чехо-словаков перебрасываются на Урал и начинают наступление в направлении Екатеринбурга.

Занятие Южного Урала фактически выпало на долю Пензенской группы.

Последняя, после 2-х боев заняв Самару, выдвинула отряд в составе 3-х батальонов и 8 орудий против отряда Гузакова — на Бузулук и организуя, собирая белогвардейские силы, (офицерство, кулаков, интеллигенцию), в течение июня медленно наступает одним полком на Уфу. Отступающий впереди чехов уфимский отряд Блохина не оказывает сопротивления. Чехи при своем движении в стороны выделяют мелкие части (роты и команды) для занятия опорных пунктов края (в Сергиевск, Бугульму, Бирск, Бузулук, Стерлитамак), Уфа занимает без боя, так как Уфимский исполком со своими частями отошел вниз по р. Белой к северу и расположился в с. Н.-Березовка (на Каме).

По занятии Уфы 5/VII чехо-словацкий авангардный эшелон 8/VII под Златоустом связывается с Челябинскими частями. Основная задача была выполнена — железнодорожная магистраль захвачена и укреплена, началась эпопея захвата края. На юг чехо-словаки очень мало уделяют сил, предоставляя борьбу с красными казачеству и белогвардейским новосформированным частям. На Екатеринбург, где идет жестокая гражданская борьба, выдвигаются главные силы. Часть резервных сил передвигается в район Самары.

На южном Урале небольшие части двигаются в Троицк, на Верхне-Уральск, на Саткинский, Тирлянский, Юрюзанский заводы (в каждом направлении по 1—2 роты) Здесь процесс очищения имеет характер увеселительных прогулок, ибо он находит поддержку в местном кулацком населении.

Действия и успешные передвижения чехо-словаков сопровождаются необычайно быстрым развертыванием разнообразных белогвардейских органов и объединений, чехо-словацкие войска обростают, пополняются и усиливаются белогвардейскими силами, в виде офицерских, добровольческих, казачьих, башкирских частей.

На Урале и в Поволжье — процесс формирования белогвардейских сил и органов реакции протекал ускоренно, ибо он был подготовлен местными событиями зимы и весны 1918 г. Учредительщина на основе Самарского и Уральского крестьянства, Оренбургское казачье правительство, на-

циональные органы татар и башкир, выросли как грибы после дождя, ибо все они были готовы, находясь раньше в скрытом зародышевом состоянии. В сравнении с этим, самые действия чешских частей по захвату Урала (он занят на целых два месяца) кажутся излишне замедленными и вялыми; эта медлительность оправдывалась состоянием сил реакции и положением борющихся сторон, требовавших длительной организационной и боевой подготовки.

Она представляла весьма много выгод для действий красной стороны.

Действия советских сил южного Урала.

(Июнь—август 1918 года).

Действия красных войск на южном Урале с началом чехо-словацкого восстания, явившегося сигналом для массовых местных выступлений буржуазии, крестьянства и казачества, недавно усмирённого — имели весьма неорганизованный, разрозненный характер.

Во всех перипетиях борьбы с Дутовщиной, при большой военно-технической неподготовленности и слабости советских сил, было заметно проявление продуманной плановой цельности, оперативно-боевой и политической ударности задач и мероприятий. Имелась на лицо дружная согласованность различных городов и советов в стремлении уничтожить врага. В период чехо-словацкого восстания все совершается иным порядком. Здесь революционное единство дробится, теряется под ударами одновременно надвинувшейся изнутри и извне реакции; южный Урал распадается на отдельные районы, оперативно-боевые центры (узлы), ведущие самостоятельную борьбу с контр-революцией. Перед лицом непосредственной боевой опасности со стороны вооруженной огнем и мечом организованной контр-революции города и советы, как административно-хозяйственные и политическо-гражданские объединения, отходят на второй план. Военные органы и военная организация получают широкое распро-

странение. Хозяйственно-административная жизнь последовательно нарушается и резко заменяется тревожным порядком боевого положения. Всюду объявляются партийные и добровольческие мобилизации. Однако, для успеха неожиданной всеобщей военной мобилизации советских сил южный Урал в целом и отдельные его районы в частности—не имел никакой подготовки и благоприятствующих оснований.

В мае 1918 года мы видим возникновение ряда „фронт“ и штабов в качестве военных управляющих центров. Таковы „Урало-Оренбургский фронт“, штаб коего находился в Самаре (Командующий Яковлев), „Уфимский полевой штаб“ в г. Уфе, Верхне-Уральский и Челябинский „фронты“, Оренбургский (Зиновьев), Самарский (Кадомцев) „фронты“ и т. д.

Однако, все эти объединения являлись громкими названиями и по существу за собой, кроме отдельных отрядов, ничего не имели,—они были фактически не развернуты и не организованы. Таким образом, в создавшейся конкретной обстановке войны Советы и Ревкомы по всему Уралу не нашли прочной военной базы, военной организации, на которую можно было бы опереться. Все попытки в процессе борьбы наладить и разрешить этот вопрос, сколотить на практике единство разнородных и разбросанных советских сил Урала, навязать им в условиях меняющейся ситуации известное подобие системы—разбивались бурным потоком событий. Даже усилия представителей и организаторов Центральной Советской власти—в лице Н. И. Подвойского и позднее Муравьева, командующего восточным фронтом,—не привели ни к чему. Вся их энергия и старания свелись к установлению пассивного сопротивления чехо-словацкому движению, к сосредоточению и накоплению в определенных пунктах частей и отрядов. Однако, колебания революционной обстановки быстро меняли положение и разрушали их расчеты. Главной причиной, вызывавшей это—была неустойчивость, небоеспособность частей и отсутствие общей элементарной военной организованности. Попытка Подвойского задержать продвижение чехов, отбросить их в исход-

ное положение, образовав два *упора*, два *боевых барьера* в форме Самарского укрепленного района и Златоуст-Челябинского фронта, куда было в начале июня стянуто множество отрядов из Приуралья, потерпела неудачу после разгрома войск Кадомцева под Самарой и сдачи последней 8/VI. Правда, Златоуст-Челябинская группа под руководством Малышева в течение месяца прикрывала Челябинское направление, но она, не получая подкреплений со стороны Уфы, в конце июня была окружена волной местных восстаний, вспыхнувших в Саткинском районе, в Тундуше, в Кусинском заводе, в Месягутове и т. д. Борьба с этими восстаниями и усилившееся наступление чехо-словаков (от Миасс) истощили эту группу. Гибель руководителя ее Малышева и расстройство управления вскоре совершенно деморализовали ее. Она в начале июля рассыпалась веером, по-отрядно, в юго-западном и северо-западном направлениях. Большая часть пробралась мимо Кусинского завода на Нязе-Петровск и образовала левый фланг Екатеринбургского фронта. Другая часть отошла в направлении южноуральских заводов и влилась в Белорецкую боевую группу.

Активность Уфимского центра (губвоенкомата, штаба) в течение этого времени оказалась парализованной состоянием внутреннего разложения, агонией форм и настроений. Несмотря на то, что Уфа выдвинула очень много сил на окраины (в это время ее отряды были в Верхнеуральске, Оренбурге, под Самарой и Златоустом), она могла без особого напряжения произвести широкие мобилизации и запрудить живой человеческой силой опасные районы и направления. Оружие и хозяйственные возможности для этого имелись достаточные. Уфа имела в этот момент очень много готовых сил; во-первых, мобилизованные парт-организации коммунистов и левых эсеров по 400—500 человек, 2 пехотных красноармейских полка до 2 тыс., инструкторскую школу 300 человек, две или три боевых дружины до 500 человек, наконец, различные команды и части мелкого назначения. По уездам—в каждом было разбросано по 1½ тысячи дружинников и красногвардейцев, стоявших мелкими группами в крупных центрах (торговых и волостных селах).

Таким количеством сил при умелом и организованном подходе и использовании можно было сделать многое. К сожалению, в Уфе не оказалось в то время сильных военных организаторов и руководителей. К тому же волевое ее напряжение ослаблялось партийным раздором большевиков и левых эсеров. А организационные военные возможности были недостаточны, чтобы мобилизовать и спаять широкие массы.

Политически-руководящая верхушка основных работников Уфы, чувствуя приближение чехов с обеих сторон и внутреннюю неустойчивость состояния губернии, пришла к мысли о необходимости очищения Уфы и временного отхода на север „на время продвижения чехов“, делая наивные иллюзорные представления о совершающихся событиях. Приезд Муравьева в конце июня и приказ его *защитить Уфу во что бы то ни стало* несколько приподнял настроение и оживил военную подготовку. Но оставленные Муравьевым в качестве руководителей Махин и Харченко не сумели продолжить эту вспышку активности и не хотели этого сделать (позднее они перебежали к белым). В это время посылки Уфой на фронт отдельных отрядов носили редкий и случайный характер. Наоборот, заметно было стремление подтянуть, вызвать свои отряды с окраин (в частности с Оренбургского фронта); однако, никакого крупного и решительного использования этих сил не было. В состоянии известной боевой бездеятельности Уфа дотянула до того момента, когда начала распадаться златоустовская группа, когда с другой стороны чехи подошли к ст. Чишмы и произошло паническое бегство 2 красных полков, сосредоточенных на оборонительной позиции у этой станции. 3/VII Уфимский совет со всеми частями и учреждениями в числе до 3 тысяч человек эвакуировался на пароходах по р. Белой в район Сарапул-Николо-Верезовка.

Дальнейшие действия этой группы составляют цепь Прикамских операций 2 армии.

Несколько иным порядком протекали события в Оренбургском районе. Здесь с мая месяца началась усиленная мелкая партизанская война по станицам 1-го Оренбургского

отдела. Это движение охватило особенно в сильной степени полосу Илецк — Бузулук. Порча железных дорог, захват станций, налеты на Оренбург, Илецк, внутренние взрывы и брожения получили настолько широкое развитие, что создавалась опасность новой утраты Оренбурга и разрыва связи с Туркестаном, питавшим республику сырьем. В виду этого к Оренбургу, в середине мая, особенно под впечатлением двух событий — временного захвата казаками 9/V предместья Оренбурга — Форштадта и гибели председателя Оренбургского Ревкома и вождя Цвиллинга (при подавлении одного из восстаний), было двинуто несколько красных отрядов из Орска, Верхнеуральска и Туркестана (Каширина, Блюхера, Калмыкова, Зиновьева, Сангурского). Прибывшие отряды (в конце мая) рассеяли партизанские скопления и гнезда и через некоторое время освободили Оренбург от казачьего обложения.

В течение первого периода чехо-словацкого движения, Оренбургские отряды были заняты ликвидацией казачьих движений и предотвращением возможности новой дутовской кампании, о которой сеялись всюду слухи и получались определенные сведения. Такое отвлечение сил в Оренбургский район, хотя и оправдывалось состоянием последнего, не было целесообразным с точки зрения событий, разыгравшихся в Челябинском и Самарском районах. В Оренбурге вожди и руководители пролетарских отрядов это поняли позже, когда чехо-словацкая опасность обнаружилась во всей полноте — когда пала Самара, Бугуруслан, Бузулук, и наметилось падение Уфы. В это время и Дутов с 6—7 сотнями казаков прорвался из Тургайских степей между Актюбинском и Орском, стал производить мобилизацию и открыл фронт против Оренбурга. Тогда на объединенном совещании у Зиновьева 28/VI начальников отрядов встал вопрос о дальнейших действиях. Блюхер, Каширин, Калмыков и другие уфимские и екатеринбургские работники выдвинули план движения к северу, на Уфу или Екатеринбург, чтобы войти в связь с советскими войсками. Зиновьев, Сангурский, местные работники и туркестанцы выдвигали целесообразность отхода в Туркестан. Совещание подтвердило

нецелесообразность в данных условиях обороны Оренбурга, но не дало определенных указаний о путях отхода отрядов. После этого отряды Блюхера и Каширина отошли к северу к Красной Мечети; сводный Оренбургский отряд направился в Орск, другие отряды Зиновьев направил к Актюбинску. Оренбург был эвакуирован 30/VI. 3/VII он был занят 1-м Оренбургским казачьим полком Дутова.

Возвращаясь к рассмотрению общего состояния Южного Урала в этот момент, нужно отметить, что все решающие пункты и направления были захвачены противником. Железнодорожный треугольник Челябинск — Уфа — Самара — Оренбург был теперь целиком в его руках. Разнородность реакционных сил ничем не отражалась на общем положении, ибо объединяющим стимулом реакции являлось наличие единой цели — уничтожить большевизм. Общее положение обеих сторон к 20/VII характеризовалось следующим.

На севере крупные Советские силы обороняли Екатеринбург от наступающих из Сибири и Челябинска чехословаков (3-я армия). На Каме по линии Сарапул — Мензелинск — Елабуга формировались отдельные красные отряды, готовясь к общему наступлению на юг, в Уфимскую губернию (2-я армия). В Казани развертывался штаб Восточного Фронта. Из центральной России к Волге сосредоточивались отдельные полки и отряды для наступления на Сызрань — Самара. (1-я армия). Саратов и Симбирск были заняты красными частями. В треугольнике Самара — Саратов — Уральск происходила ожесточенная крестьянская борьба (между многочисленным кулацким и батрацким элементом). При такой общей ситуации на самом Южном Урале красные отряды оставались только в гористой части, в районе Кага — Белорецк — Бояговленск — Архангельск. Это были отряды, собравшиеся с разных концов Южного Урала, отошедшие в горы под давлением противника и объединившиеся в Рабочую Армию.

История образования этой армии и ее последующая судьба имеет важное значение в гражданской борьбе Урала и подлежит особому рассмотрению.

Действия Южно-Уральских отрядов Блюхера и Каширина.

(Июль—сентябрь 1918 года).

Эпопея южно-уральской борьбы 1918 года изобилует героическими эпизодами и событиями. Одним из наиболее ярких таких исторических моментов являются действия южно-уральских рабочих отрядов под управлением Блюхера и Каширина. История их такова.

В половине июня 1918 года чехи по завершении операций в западной Сибири, сосредоточив крупные силы в районе Челябинска, повели наступление на Троицк. Троицкий гарнизон, имея несколько сотен казачьей кавалерии, 17 пехотный Сибирский полк, 2 красногвардейские дружины и одну 6-ти орудийную батарею — отбил первое наступление чехов. Вторичное наступление оказалось неожиданным, и город был взят врасплох. Троицкий гарнизон под руководством Н. Томина отошел на Верхнеуральск. В Верхнеуральске в это время формировался отряд Ивана Каширина, имевший до полуторы тысячи бойцов.

После объединенного совещания коместава обоих отрядов 24 июня Верхнеуральский и Троицкий отряды произвели наступление на Троицк, которое окончилось неудачей. Чехи и казачьи части повели контр-наступление на Верхнеуральск. После непродолжительной обороны последний 7 июля был оставлен. Отряды Каширина и Томина 7/VIII отступили в горы, в Белорецкий завод. В Белоречье стоял рабочий Белорецкий полк, сформированный из местных рабочих и крестьян. Он имел до тысячи бойцов. Командир его был Пирожников. Почти в то же время в Белоречье со стороны Златоуста прибыли остатки Катав-Ивановского, Тирлянского, Симского отрядов, а также бойцы из состава Златоуст - Челябинской группы. Они были выбиты чехо-белогвардейскими частями, занявшими железнодорогу Уфа—Златоуст. Одновременно с другой стороны из Уфимской губернии горами подошел Стерлитамакский отряд, а с юга Баймакский, Преображенский и другие отряды. Все эти отряды были небольшой численности, но с запасами сна-

ржения и деньгами. Эти отряды расположились в Белорецком заводе. Образовано было примитивное управление, в виде совещания всего комсостава и военного совета куда входили начальники отрядов. До половины июня эта группа ограничилась небольшими действиями в направлении г. Верхнеуральск. 18—20 июля из Оренбурга прибыли крупнейшие отряды Блюхера и Николая Каширина с некоторыми запасами оружия и снабжения. Блюхер и Каширин, как наиболее видные вожди, фактически стали руководителями всех, собравшихся с разных концов отрядов. На первом же военном совете, где собрались виднейшие командиры, как Каширины, Томин, Русяев, Карташев, Павлицев, Пирожников, Кононов, Глинский и другие, командующим выбран Николай Каширин, помощником — Блюхер. Отряды были перестроены. Причем определилась следующая группировка.

1. Отряд Блюхера—1-й Уральский полк, Уральская сотня и батарея, всего 1200 штыков, 150 сабель, 4 орудия.

2. Троицкий отряд—17 пехотный полк, кавалерийский Разина полк, батарея,—1000 штыков, 800 сабель, 6 орудий.

3. Верхнеуральский отряд—Ивана Каширина—1-й стрелковый Верхнеуральский полк, 1-й Верхнеуральский казачий полк, батарея—до 2-тысяч бойцов.

4. Белорецкий отряд—Белорецкий полк и кавсотня—до 1500 бойцов.

Все мелкие отряды, как Стерлитамакский, Баймакский влились в одну из перечисленных групп. По сосредоточении этих отрядов они были перестроены и усилены оружием. Затем, по инициативе Каширина, часть сил была двинута на Верхнеуральск и Тирлянский завод. Здесь были небольшие бои. Чехи и белогвардейцы упорно сопротивлялись, но принуждены были к отходу. Однако, большая концентрация белогвардейских сил, сошедшихся с разных направлений, помешала Каширину успешно развить действия до линии Верхнеуральск—Троицк. Наоборот, непрерывный подход белых сил с Оренбургского, Челябинск - Троицкого и Златоуст Челябинского направлений и атаки их заставили командование объединенных красных отрядов поставить во-

прос об уходе из Белорецкого горного округа. Отсутствие продовольствия, патронов и снарядов говорили за необходимость этого. На совещаниях военного совета поэтому поводу выявились две точки зрения: 1) Каширины стояли за движение всех сил на Верхнеуральск — Троицк, в казачий район, и потом на Екатеринбург для соединения с имевшимися там войсками (о падении Екатеринбурга никто не знал). Каширины, тяготея к казачьему району, рассчитывали поднять там восстание и прогнать белых.

2) Блюхер настаивал на движении Уфа-Бирск, к берегам Камы.

Большинством совета был принят первый план. В исполнение его командующий Н. Каширин, обеспечив за собой фланговые (Тирлянокское и с. Магнитная) направления, двинул главные силы на Верхнеуральск.

После упорных боев у горы Березовой, Вязового хутора, у горы Извоз, Верхнеуральск 30 июля был взят красными. Однако, дальнейшее движение красных отрядов было задержано вспыхнувшей волной контр-революционных восстаний и большими скопищами казачьих войск, поведшими наступление с трех сторон на Верхнеуральск. План Каширина потерпел крах. Сам он был ранен. Прорваться через контр-революционный казачий район и затем занятый чехо-словаками Челябинский узел—было невозможно. Части отошли опять в Белорецк. В командование вступил Блюхер. На новом совещании встал вновь вопрос—куда отходить. После неудач похода на Верхнеуральск Каширины выдвинули идею отхода на юг, в Туркестан, мотивируя опять возможностью мобилизации красного казачества и наличием больших запасов хлеба и фуража. Блюхер, Томин и другие стояли за отход на север. В это время была установлена связь с отрядом Калмыкова, занимавшего Богоявленский район под Уфой. По телеграфу было запрошено мнение последнего. Калмыков высказался за необходимость отходить по линии реки Белой на север (под прикрытием лесов и гор.) Калмыков сообщил о занятии чехами Екатеринбурга. На совещании подробно обсуждены были обе точки зрения. После долгих споров был принят план Блюхера.

5-го августа, отбив наступление казаков, ночью, под прикрытием Троицкого отряда, красные части двинулись в поход на Серменево-Узянский, Петровский заводы, Макарово, Петровское, Богоявленский завод. В авангарде двигался Уральский пехотный полк. Затем шел Иван Каширин со всей кавалерией и обозы. Замыкал колонну Троицкий отряд (Томин). Казачьи части потянулись следом за красными, атакуя их при всех остановках. Во время похода в селе Макарово произошло новое совещание, решившее вопрос о дальнейшем движении. Было два варианта движения:

1. На Стерлитамак — Белебей — Казань, форсируя реки Белая, Кама, продвигаясь открытым пространством с опасностью удара со стороны Уфы и Самары;

2. На Богоявленский, Архангельский заводы, Иглино, Байки, Красноуфимск (имея слева р. Белая и справа гористый хребет).

Выбрано было второе направление, как более укрытое и безопасное. К Стерлитамаку был выдвинут 1-й Уральский полк, который 11—12 августа, выдержав у села Петровское длительный бой, отбросил белых, двигавшихся навстречу южно-уральским отрядам из Стерлитамака. Белый Стерлитамакский отряд, имевший до 600 добровольцев и одну роту чехо-словаков, в беспорядке отошел на Стерлитамак. 15/VIII южно-уральские отряды вышли в Богоявленский район. Здесь Богоявленский отряд Калмыкова имел до 1.200 чел. пехоты, 200 сабель и 2 горных орудия. Кроме того, Богоявленский отряд имел небольшой запас вооружения, полученный из Уфы, в виде 3.000 винтовок, 100.000 патронов, 100 гранат, 850 трех-дюймовых снарядов. Этот запас был распределен между всеми отрядами, израсходовавшими в предыдущих боях свои средства. В Богоявленском районе отряды отдыхали больше недели, переформировываясь и пополняясь. Здесь разрозненные бесформенные отряды были перестроены в полки, организованы штабы, введена отчетность, приказы, установлена дисциплина и т. д. Получилось пять пехотных полков, два кавалерийских и несколько батарей (18 орудий)—всего до девяти тысяч бойцов. При

этом был большой общий обоз в несколько тысяч повозок, с двумя—тремя тысячами эвакуирующихся советских семейств.

На военном совете 14/VIII намечен был путь дальнейшего движения: Зилим - Архангельский завод—Иглино. Против Уфы решено было послать для демонстрации сводный отряд. Желание некоторых командиров занять Уфу было оставлено: хотя и было точно известно, что Уфа не имеет достаточных сил для обороны, но зато Уфа не имела боевых запасов и могла втянуть в большие бои и опасное положение рабочую армию.

В поход выступили 15-го августа в следующем порядке:

Авангард—Иван Каширин с двумя кавалерийскими полками (Стеньки Раина и Верхнеуральский казачий)—2¹/₂ тысячи сабель, за ним двигался Троицкий отряд под командой Томина до 2 тысяч пехоты и кавалерии. Главные силы Уральский и Белорецкий полк и прочие части шли под командой Блюхера.

Арьергард—Богоявленский и Архангельский полки под командой Калмыкова имели 2¹/₂ тысячи штыков, 800 сабель. Арьергард выступил 16/VIII. При отходе из Богоявленска утром он был обстрелян кавалерией противника, которая была отбита. При дальнейшем движении арьергард выдержал трехдневный бой в районе Зилим. На арьергардный полк наседали башкирские, казачьи и русские части, высланные из Уфы и Стерлитамака. После двух упорных боев эти белогвардейские отряды были разбиты и в беспорядке прибежали в Уфу. Выдерживая эти удары 19—21 августа арьергард выполнял строгие приказы Блюхера, давая возможность наладить переправы через реку Сим, строящиеся авангардом. Передовые части в это время имели удачные бои: 1) в районе Ирныкши (19—20), 2) у Бердиной Поляны,—22/VIII и 3) 24/VIII—у деревни Александровская, 4) 25/VIII—у дер. Кольтовка.

В этих боях последовательно были отбиты нападения частей, высланных из Уфы против наступающих красных войск. Бои эти выявили слабость уфимских, чешских, башкирских и русских частей, наступавших мобилизованных, необу-

ченных и необстрелянных. В сравнении с ними красные части бились упорно и решительно, прокладывая себе дорогу на север. Наиболее интересные по результатам бои были: в Ирныкшах, где был уничтожен Башкирский полк, у Бердиной Поляны и Иглино, где уничтожен чехо-словацкий батальон, на реке Уфимке, где кавполки Каширина ликвидировали белогвардейскую группу, пытавшуюся захватить переправы красных отрядов (захвачено 4 орудия, 400 пленных).

Форсировав Уфимку и переправив все обозы, южно-уральские отряды двинулись на Бирск, но подходя к нему, свернули по тракту на село Аскин, где разбили белогвардейский гарнизон (12 сентября) и имели трехдневную остановку, после чего передвинулись на Красноуфимск, где вошли в связь с 5-й Уральской дивизией из состава 3 советской армии. Здесь южно-уральские рабочие отряды в течение недели отдыхали, а потом, переформировавшись в дивизию, пошли в атаку против наступающих белогвардейских сил в районе Кунгура. Дальнейшие действия этих отрядов уже связываются с именем 30-й Уральской дивизии, составляя славную эпопею в истории гражданской борьбы Среднего Урала.

Борьба оренбургских отрядов.

Действия Оренбургских отрядов после разрыва их связи с южно-уральскими, хотя и развертывались в степной полосе на отлете, но были тесно связаны с общим ходом южно-уральской борьбы и играли в ней очень большую роль. Оренбургские отряды представляли собой бедное мящанское население городов, рабочих железной дороги и фабрик, батраков и поселенцев степного края, враждовавших с коренными жителями-казаками, захватившими лучшие земли и привилегии. Именно противоречие этого богатого казачьего населения с переселенцами, мящанами и рабочими дали стимул борьбы и заострили ее. Эта борьба очень рано началась в Оренбургском крае, развертываясь, главным образом, по старой казачьей линии Троицк—Верх-

неуральск — Орск — Оренбург — Илецкая защита. Сначала она началась в Оренбургском районе, потом перебросилась на Верхнеуральский и Троицкий отделы. Зимой 1918 года эта гражданская борьба в Оренбургском районе отвлекла очень много сил с Урала. Зато позже, когда Урал был захвачен, Оренбургские отряды, ведя упорную борьбу с казачеством, нейтрализовали его, не дали ему возможности в 1918 году выдвинуть резервы под Самару или на Уфу. В виду внутренней опасности основные силы контр-революционного казачества не выходили из треугольника Оренбург — Орск — Актюбинск.

В мае 1918 года, по ликвидации дутовщины в северных отделах (Троицк, Верхнеуральск), отряды Каширина, Блюхера и Калмыкова до 3 тысяч спустились на юг, в Оренбургский район, где в это время происходили казачьи восстания и разгоралась ожесточенная гражданская борьба.

На подавление восстания из Туркестана прибыло несколько отрядов под командой Зиновьева, а из Орска первый Орский полк под командой Малишевского. Началась дружная борьба с казачьими восстаниями. Однако, весна (разлив рек и освобождение от снегов степей) благоприятствовала развитию казачьей партизанской борьбы и образованию неуправляемых казачьих фронтов вокруг Оренбурга. Фактически красные отряды явились гарнизонами отдельных пунктов и районов, имевших крупное значение. Безрезультатная борьба продолжалась два месяца. Восстание чехо-словаков и захват южного Урала решающе повлияли на ход событий в Оренбургском крае. Казачество начало подниматься целыми районами, выставляя батальоны, полки и дивизии на борьбу с „красной гольтьбой“. Дутов, учитывая нарастающее движение, с 600 бойцов при пяти пулеметах, в конце июня выступил из Тургайских степей и, пройдя между гор. Орском и Актюбинском, 1/УП захватил станцию Кувандык и развернул штаб восстания. Красные отряды оказались окруженными повстанчеством, среди враждебного населения, в поголовно восставшем краю.

На военном совещании 29—30 июля в Оренбурге командование красных отрядов решило очистить край и вывести

войска по трём направлениям: 1) Блюхер и Каширин со своими отрядами решили двигаться на север, в район Верхнеуральска, откуда они прибыли, 2) Орские полки—по железной дороге в Орск, 3) отряды Зиновьева—на Туркестан в Актюбинск.

Падение города Бузулука 30 июня и прибытие в Оренбург отряда Потанова, его защищавшего, ускорило отступление красных сил. 1—2 июля начался их одновременный отход. 3 июля Оренбург уже был занят 1-м казачьим полком: 4-го в него торжественно въехал Дутов. Дутов быстро организовал главный штаб казачьих войск, местное краевое управление, объединил и переформировал повстанческие отряды и двинул их вслед за красными на Актюбинск, на Орск и против Каширина и Блюхера, занимавших район Красной Мечети.

Из последующих событий наибольшее внимание заслуживает борьба Орского отряда, оборонявшего город в течение двух месяцев от казачьих полчищ. Эта оборона города Орска составляет славнейшую кампанию в истории Оренбургской борьбы.

Гарнизон Орска составил из Орского пехотного полка и Орского кавалерийского полка, прибывших 3 го июля из Оренбурга и отбивших первые атаки преследовавших их казачьих частей.

15 июля на подкрепление Орского гарнизона из Актюбинска прибыл отряд Левашова из двух пехотных полков, арtdивизиона и двух броне-автомобилей. Вместе с этим подкреплением гарнизон гор. Орска возрос до 3 тысяч бойцов при 9 орудиях. Командование им принял Левашов. Орск окопался со всех сторон и организовал правильную оборону.

Казачьи силы, окружавшие Орск, состояли из 10, 14, 15, 16 кавалерийских Оренбургских полков, пластунского батальона, отдельных сотен и двух батарей, всего до 3 тысяч кавалерии, 250 пштыков, 7 орудий. Командовал ими полковник Карнаузов.

Город был окружен цепью казачьих постов и наблюдателей. Однако, красные имели свободу маневра и могли

держат конную связь с Актюбинском, где стоял штаб Туркестанской армии (командарм Зиновьев). После неудачи первых атак казаки решили взять город на измор; они на 5—6 верст кругом сожгли весь фураж и продовольствие. На город же производили мелкие налеты. Осада города походила на своеобразное древне-русское „сиденье“ со всеми его особенностями: вылазками, тревогами и т. д.

Настойчивые требования Дутова о необходимости скорейшего занятия Орска неоднократно побуждали казаков на атаки, которые кончались неудачей. Особенно крупные наступления были 20 августа и 11 сентября, когда казаки двинули все свои силы для захвата города. Но после упорного боя на его окраинах должны были отступить.

В половине сентября произошли некоторые изменения в ходе борьбы. Туркестанская армия успела переформироваться и решила начать наступление на Оренбург, чтобы оттянуть внимание казачьих сил от Самары, где разгорались в это время решающие бои. Наступать должны были Орский и Актюбинский отряды. Заблаговременно в Орске и Актюбинске проведены были мобилизации, пополнены полки и сформированы новые части.

Во исполнение приказа по Туркестанской армии в ночь на 27/IX Орский отряд, оставив в городе два полка, выступил двумя колоннами в поход: правая—уральский стрелковый полк и эскадрон в направлении станция Сара—Кувандык; левая—Оренбургский рабочий полк по реке Уралу. Полки должны были соединиться на линии Кувандык—Ильинская. Туда же должен был двинуться и Актюбинский отряд. Первые дни наступления были успешны, но 29 сентября правая колонна у станции Сара была окружена крупной конницей противника и лишь после тяжелого боя, с большими потерями, израсходовав все огнестрельные припасы, пробилась на станицу Ильинская к левой колонне.

Актюбинская группа заоздала в своем выступлении, поэтому дальнейшее наступление Орского отряда на Оренбург не сулило успеха. Орская группа отошла на Актюбинск.

Оставшиеся в Орске Оренбургский пехотный полк, 2-й Орский Советский полк и 1-й Орский кавалерийский

полк (два эскадрона) и батарея 27 сентября отбили атаку противника, пытавшегося захватить ослабленный город. Последняя атака показала упорство противника и бессилие гарнизона. Перевес казачьих сил делал дальнейшую оборону невозможной и сопряженной с большим риском. Поэтому ночью 28/IX Орский гарнизон с огромным обозом до 1000 повозок отступил тайно от противника в направлении Актюбинска. Утром казаки, обнаружив отход, выдвинули свою кавалерию, которая преследовала красных до поселка Вистюбинского (35 верст от Орска). Орский отряд благополучно вышел в район Актюбинска и расположился в Нижне-Павловке. Здесь, как реакция после тяжелой упорной борьбы, началось некоторое разложение. Бойцы унали духом и покинули отряд. Однако, вскоре взятие Самары подняло настроение. Отступление кончилось. Вся Туркестанская армия в октябре повела решительное наступление на Оренбург и начала наступательные бои за ликвидацию казачьего господства в Оренбургском крае...

Итак, как видно из сказанного, безусловный перевес врагов, отсутствие оружия и продовольствия, явная беспечность дальнейшей борьбы с окружающим кольцом противника, опасность отдельной гибели и сознание необходимости присоединиться к центральным Советским войскам—заставили красных начать выход из окружения и покинуть Урал. Этот выход из окружения, как видно из предыдущих описаний, сопровождался рядом своеобразных маневров. Любопытны пути отхода и самый характер этого движения. Ни вправо, ни влево в сторону богатого и контр-революционного Сибирского и Самарского крестьянства двинуться было нельзя, ибо ни пробиться, ни пополнить своих сил и средств здесь не удалось бы. Инстинктивно, движением по линии наименьшего сопротивления, изыскивая опорные пункты и надежных союзников в борьбе с наседающей реакцией, выбирается единственно политически и стратегически правильный и целесообразный путь и направление отхода—на север, по линии рабочих и бедных крестьянских районов и на юго-

восток в сторону революционной степи. Эта особенность иллюстрируется в движении отрядов Блюхера-Каширина, как нельзя более удачно, ибо ряд попыток пробиваться в направлении Верхне-Уральск — Челябинск — Екатеринбург, по линии в революционном отношении мертвых районов, оказался безрезультатным.

В целом и по существу вся задача отхода Советских сил Южного Урала была разрешена весьма удачно. Отрядам, отошедшим, с одной стороны последовательными частями на северо-запад, к берегам Камы, в прикрытие лесов и населявшего их бедного инородческого крестьянства, с другой — на юго-восток, к Туркестану (Орск — Актюбинск) под защиту забытых старым строем степных народностей, — удалось укрепиться и начать подготовку новых решительных кампаний.

Здесь на новых местах, с новых позиций, связавшись с центром и перестроившись под его идейным и организационным руководством в организованные армии, уральский пролетариат вскоре повел энергичное ударное наступление на своих врагов. Первые повели обратное наступление степные группы, тыл коих — Туркестан — был вполне обеспечен, на Оренбург, против войск Дутова, выполняя свою Ганнибалову клятву и оттягивая внимание казачьих сил — в направлении степи, от Самаро-Казанских событий. С ликвидацией Казани, взятием Самары, а также Ижевска, с прибытием крупных резервов из центральной Советской России, началось ударное наступление северо-западных Прикамских групп, занимавшихся до сего времени ликвидацией местных крестьянских движений и упрочением своего положения.

В этих боях затяжной новой войны рабочие Урала получили окончательный боевой и нравственный пролетарский закал, а вместе с ним и право господства над производством, право самоуправления своей жизни. Но это уже составляет период позднейшей борьбы, описание коего не входит в пределы настоящего очерка.

Отдельные бои и операции.

Лучшим средством уяснения особенности и характера гражданской борьбы Южного Урала является тактический анализ операций и боев. В них наглядно отражаются политические и боевые настроения момента, психика воюющих войск и бойцов, степень военной организованности и материальной обеспеченности, характер и особенности боевых столкновений. Идея, человек, форма и обстановка борьбы — вот основные вехи боевых действий гражданской войны. В отношении оперативного замысла они не представляют ничего сложного и сводятся к немногочисленным типовым формам:

- 1) Оборона определенного пункта или направления.
- 2) Атака населенного пункта, или наступление в известном направлении.
- 3) Прорыв и отход с боями.
- 4) Налеты и обходные действия.

Такой примитивный характер военных действий обусловливается милиционным характером войск и штабов, военной малограмотностью комсостава и политическим характером борьбы. Попробуем иллюстрировать это примерами.

Бой под Миассом.

После разгона и ликвидации чехо-словацкого эшелона под Тундушом все рабочие отряды ближайших заводов стянуты были в Златоуст и двинуты за отступавшим чешским эшеломом на станцию Миасс. Ультиматум Совнаркома, переданный чешскому командованию, а также требования о пропуске продовольственных эшелонов из Сибири для голодающих заводов, не дали результатов. Любопытно в этом отношении отметить отдельные штрихи. По словам Берзина „население Златоуста оставалось инертным по отношению к защите революции и даже приветствовало мятеж чехо-словаков“. Такое же настроение было и в Челябинске. Рабочая железнодорожная делегация, прибывшая 1-го июня

из Челябинска для выяснения положения, в беседе с Подвойским вел себя довольно уклончиво и неопределенно. С другой стороны, говорит Берзин, в составе Высшей Военной Инспекции „у всех было одно мнение, что удастся уладить вопрос мирным путем, все считали, что это недоразумение“. Наоборот, „все местные власти, военные и советские, не пытались вступить в переговоры с чехословаками, а сразу после столкновения, произошедшего около Златоуста, начали боевые действия“... Мнение Высшей Военной Инспекции изменилось только тогда, когда был пойман перебежчик чехословак с документами (приказ о выступлении против Советской власти), определенно говорившими о том, что чехословацкий мятеж не случайность. После этого Высшая Военная Инспекция начала принимать решительные меры по подготовке обороны и наступления на Миасс—Челябинск. Во исполнение этого рабочие отряды к 1-му июня заняли станцию Уржумка и разъезд Тургояк. Сюда же прибыл из Златоуста и штаб Подвойского. Главная организация военного сопротивления чехословацкому движению находилась в руках Подвойского. Наиболее видными местными работниками являлись Малышев, Хлебников, Тарасов. Состав рабочих сил, мобилизованных для борьбы, был крайне разнохарактерен.

„К 1-му июля 1918 года под Миассом было сосредоточено около 13 отрядов, имевших от 20—50 до 250 человек, общей численностью до 1.105 бойцов (Р. Берзин. Этапы строительства Красной Армии)“. Подробный состав отрядов был таков:

Мясоегудский	66	стрелков	1	пулемет.	Начальник Яковлев.
Дуванский	24	"	"	"	Гиршанов.
Айлинский	22	"	"	"	Мехоношин.
Ильезинский	23	"	"	"	Айзенштед.
Симско-рудничный	39	"	1	пулемет.	Летания, (мл. ун. оф.).
Канкомудовский	21	"	"	"	Самойлов.
Катавский	39	"	2	пулемета.	Ергунов.
Вакальский	18	"	"	"	Кринченко.
Тастубинский	9	конных.	"	"	Логинов.
Бердяшский	18	(1 конный)	1	пулемет.	Чиглянец.

Пермский:

2-я рота	120	штыков;	
3-я "	100	"	
6-я "	200	"	
Сводная рота	130	"	при 4 пулем. Начальник поруч. Гилин. (10 конных).

Саткинский	53	стрелка	1 пулемет.	"	Шмелев.
Юрезанский	250	стрелков.		"	Проскиров.

Было еще 2 орудия без упряжи и лошадей.

„Это были, главным образом, рабочие из заводов соответствующих отряду названий; элемент, безусловно хороший, сознательный, но совершенно неподготовленный к военному делу, без внутренней организации, средств передвижения, питания и связи. Начальники отрядов и начальники штаба каждого отряда, за исключением одного, все были также рабочие, не знающие военного дела и элементарных сведений об управлении войсками в бою. (Р. Берзин)“.

Совершенная необученность, разнородная боевая и численная ценность этих отрядов, наличие множества отдельных начальников, слабо уяснявших и даже мало признававших какую-либо систему взаимоподчинения и согласования действий, — вот основные моменты, обуславливавшие небоеспособность этих отрядов. Первые наступления 31-го мая и 1-го июня не дали никаких результатов и обнаружили панический характер состояния рабочих отрядов. После неудавшегося и страшно беспорядочного наступления на Миасс 1-го июня, Подвойским были приняты решительные меры (вплоть до расстрела) для реорганизации и упорядочения этих отрядов; в частности — Пермский отряд был реформирован, остальные сведены, начальником всех отрядов был назначен Малышев и к нему военрук. 1-го июня штаб Подвойского решил перейти в наступление и занять Миасс; по разработанному плану силы были разбиты на две наступающие колонны, был издан следующий приказ:

„Войскам Златоустовского района. 1-го июня 1 час ночи.
Раз'езд Тургояк. № 116.

Чехо-словаки занимают район ст. Миасс, выставив сторожевое охранение в 3-х верстах от указанной станции.

Задача отряда — захват станции и завода Миасса. Решение: главный удар нанести на левый фланг. Чехо-словаки, отходя в направлении завода Миасс. Второстепенный удар нанести фронту на ст. Миасс по направлению полотна жел. дороги, для чего, во-первых, Пермскому батальону под командой тов. Гилина при всех родах оружия в составе 400 человек пермяков и Миасскому отряду в составе 100 человек, при 4-х пулеметах и команде конных разведчиков в составе 12 человек с тов. Логиновым во главе в 3 часа выступить из раз'езда Тургояк, вдоль ручья, выйти на почтовый тракт и наступать в направлении отрога Черной и завода Миасс — выйти на жел.-дорожное полотно у ст. Миасс и закрепиться. 2-му отряду тов. Тарасова общей численностью в 530 человек при 8 пулеметах, 3 легких орудиях, 8-ми конных разведчиков в 3 часа выступить с раз'езда Тургояк и, наступая вдоль железнодорожной линии, захватить станцию Миасс, в полной мере использовать артиллерию, которая движется на платформе вслед за наступающей цепью. Общий резерв — отряд тов. Нагорного в раз'езде Тургояк. Штаб полка остается на раз'езде Тургояк, куда посылать донесения с известиями о развитии операций. Штаб будет подвигаться за наступающими войсками по жел. дороге. Комиссар Малышев и Военный руководитель генштаба Пахомов". По свидетельству Берзина в Миассе в это время находились части двух чехо-словацких полков (2-го и 3-го). По словам же Белицкого численность чехов исчерпывалась всего составом одного эшелона, т.е. 4—5 сотнями бойцов при пулеметах. Зная общую численность челябинской группы от полковника Войцеховского, имевшего до трех с половиною полков и одну батарею, всего 8.560 штыков — можно предположить, что в Миасс 1-го июня уже прибыли подкрепления из Челябинска для обеспечения этого важного направления (чехи имели достаточно определенные сведения о движении советских отрядов из Златоуста).

Утром 2-го июня красные повели наступление, в нем рельефно выявились все отрицательные особенности неорганизованного состояния советских войск, о чем ярко говорит Берзин.

„Когда был отдан приказ занять несколькими отрядами боевой участок, выставить сторожевую охрану, держать связь по фронту и в глубину, то оказалось, что обо всем этом дружинники и понятия не имели. Шли кучками вперед, при малейшем шорохе или своем же выстреле, гденибудь справа или слева, сразу же открывали беспорядочный огонь, стреляя без цели, не видя противника, а соседи, не имея связи, воображали, что идет наступление врага, который уже их обошел, и начинали отступать... Под Миассом 2-го июня нам пришлось буквально расставлять каждого солдата, разъяснять, как двигаться вперед, как держать себя во время наступления или перестрелки“...

Бой длился всего около часу и вылился фактически в перестрелку. По существу это была беспорядочная „огневая паника“, как говорит один из участников (Ямбулатов). Распоряжения начальников не доходили до бойцов. Действия разных отрядов были несогласованы и неосведомлены друг о друге. Левый не был уверен в действиях правого — и наоборот. Чехи развернули свои цепи перед Миассом и кое-где произвели слабое контр-наступление. Никогда не бывавшие в боях рабочие отряды почти с первого же момента не выдержали и побежали. Конкретная причина отступления приводится следующая: на правом участке одна из частей в период наступления слишком выдвинулась вперед, была принята за чехов и обстреляна своими. Она хлынула назад и увлекла за собой весь правый участок. На левом участке части дошли до станции Миасс, но, не имея поддержки сзади, отошли назад. Бронепоезд почти не принимал никакого участия в наступлении. После боя все части собрались на станции Тургояк. В бою было до 2—3 десятков убитых и небольшое число раненых. Потеряно несколько пулеметов.

Таков характер и результат первого боя, в коем миллионные рабочие отряды встретились в открытом бою с регулярными частями в лице чехов. Следствием его явилось снижение психологического настроения бойцов и уяснение крайней необходимости боевого перестроения и тщательного обучения военному делу.

Оборона Самары.

Выступление чехо-словаков по всему пути их движения произошло не одновременно. Пензенская группа сознательно запоздала. Лишь 29-го мая она разогнала Советы в Пензе и Сызрани и заняла эти жел.- дорожные узлы. 30-го мая, под давлением Советских войск, она очищает Пензу, стягивает эшелоны в Сызрань и продвигается через Сызранский мост в направлении Самары. Сызранский мост на Волге охранялся небольшой сборной командой, которая была застигнута чехами врасплох. Сбивши свои эшелоны в один сплошной состав, их группа пробивалась на Урал на соединение с Челябинской группой. Она состояла: из 1-го полка—2.800 штыков, 4-го полка—3.500 штыков, 1-го запасного полка и отдельного запасного полу-батальона—1.300 штыков, 1-й арт. бригады—200 чел., технической роты 150 чел., пекарни 1-й дивизии—50 чел., всего до 8.000 тыс. штыков. Командовал ею поручик Чечек. Группа эта при движении не встречала сопротивления. Самара должна была явиться первым барьером для чехо-словаков.

Самара — крупный областной советский центр Поволжья, богатый — партийно-политическими и военными силами. За две недели до чехо-словацкого восстания в Самаре произошло максималистское движение, на ликвидацию коего с Дуговского фронта было подтянуто несколько рабочих отрядов. Все эти отряды, находившиеся под командой Михаила Кадомцева, стояли в Самаре. Здесь же в Самаре стоял Штаб Главнокомандующего Урало-Оренбургским фронтом Яковлева (Мячина). Последний фактически бездействовал, изображая высшую военную инстанцию. Примерно в то же время в Самаре имела пребывание и Высшая Военная Инспекция во главе с Н. И. Подвойским, который в качестве Наркомвоена оказывал сильное воздействие на происходившие события. Наконец, третьей инстанцией, которая имела крупное значение, являлся Самарский Исполком и назначенный им партийный Штаб, задачей коего первоначально была мобилизация партийных сил, а позже руководство всей

обороной города. Таким образом, было несколько органов, от действия которых зависела судьба Самары.

Захват Сызранского моста и бегство отряда, стоявшего там на охране, внесли первое смятение в Самаре. Штаб Яковлева перешел в Кинель; руководство Самарскими силами на правах коменданта города и Помощника Главкома принял Кадомцев. В самом городе была атмосфера неопределенности и тревожности.

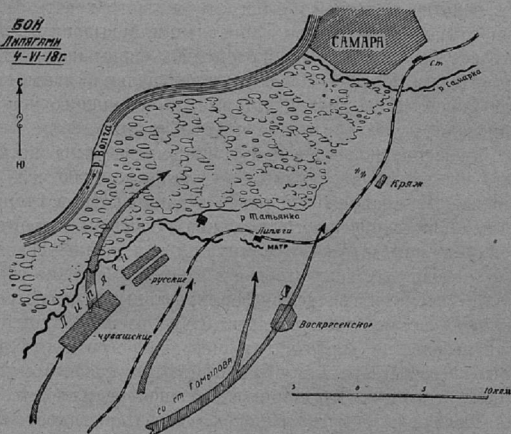
Любопытно в этом отношении наблюдение очевидца. „Город заметно нервничал. Усиленно сновали авто то в том, то в другом направлении. Нестройными рядами двигались слабо вооруженные красногвардейцы. Торопливо сновали чумазы рабочие, наполовину вооруженные, в солдатских ботинках и обмотках, а если взглянуть в толпу бесконечно двигающегося народа, можно было заметить, неизвестно откуда взявшихся старых офицеров всех родов оружия и возраста. Еще неделю назад их почти не было видно, а теперь мысль дополняла их новенькие ненашенные шинели и френчи царскими погонами—и становилось не совсем хорошо на душе...“ (А. Рязанов. Оборона Самары от чехов. „Красная Бель“ № 1).

В Самаре происходили митинги, секретные заседания, выпускались листовки и приказы — проводилась спешная мобилизация и подготовка. Характер этой военной подготовки выявляет другой очевидец Трайнин: „Сам Командующий советским отрядом не особенно ясно представлял себе создавшееся положение. Он, правда, проявил необычайную энергию и расторопность, но разменивался больше на мелочи, чем на то, чтобы составить общий план обороны Самары. Не имея помощников, могущих его заменить, тов. Кадомцев должен был сам поспевать повсюду. Он старался сам организовать на месте разрозненные отряды, приходившие к нему из Самары, сам заботился о продовольствии для них, сам бегал в поисках артиллеристов, которых почти не было, сам разыскивал по вагонам снаряды, так как большинство присланных не подходило к орудиям, сам занимался всякой мелочью, чувствуя, что никто за него не сумеет ничего сделать, ни отдать необходимого приказа“ (Трой-

пни „Июльский переворот“. „Сборник 4 месяца Учредилщины“).

Линию основной обороны Кадомцев выбрал в районе ст. Липяги по берегу реки Татьяна, в 16 верстах от Самары. Позиция была крайне неудобна и невыгодна. По фронту она имела несколько верст. Справа была луговая долина, занятая разливом р. Волги, впереди в 35 шагах избы и строения деревни Русские Липяги, слева—припод-

БОК
ПОД ЛИПЯГАМИ
4-VI-18г.

нятая местность к селу Воскресенскому. Сзади по скату р. Татьяна, небольшой лес и завод... Сама позиция состояла из одной линии одиночных и групповых окопов с загнутыми флангами. Влево за жел. дорогу линия окопов не простиралась. Ни обзора, ни обстрела позиция не имела. Даже для бивака она была мало пригодна, хотя все отряды и были стянуты в этот пункт и располагались лагерем по берегу р. Татьянки. Выбор такой позиции,—по некоторым данным, обуславливался желанием—наличием реки и раз-

лива за спиной бойцов придать им упорство, а также дать возможность действовать коннице, которой, по опыту борьбы с Дутовым, Кадомцев сильно увлекался. Несмотря на очевидную невыгодность позиций, Кадомцев проявлял большой оптимизм. По сведениям от разведчиков, которые ездили в Иващенково за вагонами, и по обывательским слухам было известно, что чехи предполагают действовать обходом. По словам Трайнина, Кадомцев не боялся этой возможности и, в обеспечение своего положения, лишь приказал: 1) взорвать полотно железной дороги, чтобы застраховать себя от ночного нападения в этом направлении, 2) выдвинуть отряд матросов на левый фланг и соорудить окопы перед ст. Липяги. Таким образом, Кадомцев имел целью создать своего рода укрепленный район, который по его мнению мог быть непроходимым барьером для чехов (Трайнин).

Общая численность войск у Кадомцева была не менее 2.000 чел. (в районе Самары всего было до 5.000 чел.). Состав их был крайне разнороден в национальном, территориальном и техническом отношении. Здесь были партийно-мобилизованные дружины коммунистов и левых эсеров, отряды рабочих местных заводов и фабрик, Уфимские отряды, в лице нескольких свежесформированных и необстрелянных рот, составленных исключительно из инородцев, затем были небольшие отряды латышей, матросов и т. д. Были части из состава развернутых в Самаре красноармейских полков, был отряд кавалерии небольшой численности, который стоял в селе Воскресенском, две батареи, кое-как сколоченные на последних днях, располагавшиеся на позиции у ст. Кряж. Часть из местного инженерного батальона и некоторые крестьянские отряды, прибывшие из ближайших сел и деревень, дополняли этот разнородный войсковой состав. Никакой внутренней спаянности, подготовленности здесь не было. Обучения не велось, части около недели жили на позиции, устраивали лишь митинги да глушили бомбами рыбу в реке Татьянке. Части в силу своей сборности и необученности были совершенно небоеспособны. У них было много революционного энтузиазма, но не было командного состава, организации и знания.

Чехи от Сызрани к Самаре двигались очень медленно; под напором советских войск они очистили Сызрань, жел. дорожный мост, и к 3-му июня втянулись в количестве 30 эшелонов на ст. Иващенко — Томылово. Здесь в это время они выдержали под ст. Безенчуком бой с советским отрядом Попова, наступавшем из Сызрани. Из залпроса перебежчиков буржуазного происхождения они получили точные и полные сведения о положении в Самаре. Поэтому их действия были осторожны, но решительны. Разведав 3-го дня позицию под Лицагами, они утром 4-го двинули отдельные пехотные отряды в обход справа по лесу и слева по возвышенностям на Воскресенское. По жел. дороге двигался бронепоезд и небольшие пехотные цепи с пулеметами. К полудню, когда красные обнаружили это наступление, сильный ружейно-пулеметный огонь почти перекрестил с 3-х сторон боевой порядок Кадомцева. Огонь с флангов и в тылу внес панику. Толпы бойцов бросились в панике к лесу и к реке Татьянке. Линия обороны была сорвана. Лишь небольшие кучки борцов, да отряд матросов более стойко держались у жел. дороги. Артиллерийской стрельбы почти не было. Ружейная стрельба была усиленная, но беспорядочная. В этом бою много погибло не столько от пуль чехов, сколько утонуло в воде. Сам Кадомцев с несколькими кавалеристами пробовал пробиться сквозь огонь чехов, но погиб вместе с другими. В этом бою отмечается — героизм нескольких женщин — коммунисток, погибших с оружием в руках. Более подробных и точных сведений о ходе боя не имеется.

Этот бой предрешил участь Самары. Он характерен во многих отношениях. При организации проведения его были допущены следующие грубейшие ошибки: 1) незаняты и необеспечены возвышенности на левом фланге перед селом Воскресенским, 2) не велось наблюдение по берегу Волги, 3) не было подготовлено достаточное число переправ и путей отхода к Самаре по всему фронту позиции, 4) необеспечено внутреннее спокойствие в самой Самаре, полной буржуазии и контр-революционных элементов. Неудачный выбор позиции и неустроенность тыла сыграли решающую

роль, кроме того, в процессе обороны выявились два крупных факта: 1) незнание противника, 2) неустойчивость отряда. Нужно отметить то, что все знали заранее о возможности обхода левого фланга. Это заранее воспринятое сознание в момент боя весьма помогло панике.

Секрет верного успеха чехов в бою под Липягами заключался в том, что они хорошо знали противника и положение его сил. Последнее им было получено от Самарского подпольного комитета с. р. и меньшевиков. В „Вестнике Комитета Членов Учредительного Собрания“ № 49 Брушвита, один из деятельных организаторов этого подпольного комитета, ярко вскрывает завесу этих взаимоотношений и причины победоносности чехов. „Чехи, по словам Брушвита, недоверчиво относились к попыткам Комитета завязать связь, но когда в Сызрани к Брушвиту явился мальчик и принес подробные сведения о расположении большевистских войск, чехо-словаки стали убеждаться, что в Самаре имеется надежная организация. Еще большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана полковника Галкина „Как взять Самару“. На этих данных и был построен план боя под Липягами, а также последующее занятие Самары.

После боя 4-го июня наступил 3-х дневный перерыв. Во время его Самарский Ревком и его партийный Штаб мобилизовали до 2.000 чел. Вновь намечена была линия обороны на окраине города, по правому берегу реки Самара. В течение 3-х суток деятельно собирали бойцов, сколачивали их в отряды, располагали на участках, разыскивали орудия, снаряды, специалистов военного дела, налаживали связь. Чехи заняли Липяги и не двигались дальше. Они были задержаны наступлением Советских войск в тылу. Лишь у ст. Кряж была небольшая перестрелка разведчиков, окончившаяся в пользу самарцев. Это ускорило подготовку обороны. По берегу были вырыты окопы, укреплены переправы, развернуты на позиции орудия. В эти дни некоторое смятение было внесено эвакуацией города Самары. Однако, категорические приказы Троцкого и Подвойского оборонять Самару ликвидировали это смятение.

и заставили всех деятельно приняться за организацию обороны. Но результаты ее оказались весьма плачевны. В ночь 7—8 июня чехи неожиданно бронепоездом и пехотой атаковали жел.-дорожный мост через Самарку и отбили его у Уфимской мусульманской роты, которая слабо его охраняла.

Одновременно выдвинутые цепи начали обстрел окопов по берегу Самарки; поднялась сильная артиллерийская и ружейно-пулеметная стрельба. Чехи переправились через Самарку и стали продвигаться к вокзалу. Одновременно, тоже сделали и на устье р. Самарки и стали охватывать правый фланг. В городе начались обстрелы из домов и углов, внося панику среди красноармейцев. Связь обороняющихся участков была порвана или не действовала. Орудия плохо стреляли, снаряды не годились, артиллеристы не знали наводки. Никакого управления и единства не было. Пулеметный и ружейный огонь длился несколько часов. Стреляли до последней ленты и патрона, хотя и сознавали беспечность этого. „Стреляли даже вразброд, как и куда попало. Руки конвульсивно охватывали винтовку, патроны валились из рук, руки жглись немилосердно о раскаленное дуло, во всем теле что-то ломало, ноги не повиновались, во рту сохлось до того, что на небе образовались кровавые мешки и лип язык“. (Рязанов). С началом стрельбы в городе началась паническая эвакуация. Одновременно, части стали отходить под обстрелом чехов. Город чехами был занят ранним утром. Красные отошли на пароходах в северу и по Самаро-Златоустовской жел. дороге на Кинель, оставив все техническое имущество и богатейшие склады запасов в руки чехов.

Оборона Самары представляет собою пример наиболее беспардонных действий, какие видела гражданская война. В этом отношении ее можно только сравнить с такой же обороной Мюнхена немецкими коммунистами в 1919 году. Оправданием обоих событий может служить лишь то, что они относятся к периоду первых попыток пролетариата организовать свои военные силы.

Бой под Нязе-Петровском.

После сдачи Златоуста и бегства из Кусинского завода, часть остатков рабочих отрядов Златоустовского направления собралась в Нязе-Петровском заводе (по Западно-Уральской жел. дороге) и вошла в подчинение Екатеринбургской армии. Они были приведены в порядок и подкреплены поддержкой, высланной из Екатеринбурга; им была поставлена задача — „прикрыть подступы к Екатеринбургскому Западнo-Уральской жел. дороге и держать, во что бы то ни стало, под страхом расстрела Нязе-Петровск“. Наличие сил Нязе-Петровского отряда было таково: 4-й Московский полк (Жилин, Бахтин, Борщевский) формировался в Екатеринбурге и Нязе-Петровске из московских и алопаевских рабочих — имел всего около 350 человек; в его состав входила Белорецкая дружина — 250 человек. Отряд мадьяр — 150 человек, эстонский полк до 900 человек, самодельный бронепоезд — 1 батарея легкая. Общее командование группой лежало на командире Эстонского полка Пальвадре. Состояние частей было переходное: они изживали партизанско-отрядный период и были уже переформированы в полки и роты; деморализованные отходом, они в течение продолжительной стоянки (до 2-х недель) уже оправились; снабжение продовольствием и запасами было удовлетворительно. Чехи долгое время не наступали, — они заняли Кусинский завод и мобилизовывали местные белогвардейские силы, выжидая исхода боев в средней Сибири и на восточных подступах к Екатеринбургскому заводу. Красные части имели время подготовиться к обороне. Настроение завода и местного населения было неопределенное.

Решающий бой произошел в середине июля. Заблаговременно осмотренные и намеченные позиции были разбиты на отрядные участки, причем части располагались на предгорьях, по опушке леса. Противник подошел неожиданно, незамеченным, и в 12 часов дня завязал перестрелку с заставой Белорецкой дружины. Последняя панически отошла,

остальные части быстро развернулись в боевой порядок; причем справа был Эстонский батальон, затем Московский полк, наконец, отряд мадьяр и китайцы. Два эстонских батальона находились в центре—в резерве. Чехи сразу большими развернутыми цепями показали из-за перевалов по всему фронту; по ним с больших расстояний был открыт ружейно-артиллерийский огонь. Чехи двигались медленно и несли крупные поражения; они задерживались, ложились, на отдельных участках, отходили и, оправившись, вновь вели наступление и огонь. Несколько раз на фронте Московского полка чешские цепи на полуверстном расстоянии рассеивались сильным огнем и отбрасывались за перевал. Красным сильнейший ущерб наносил меткий ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь чехов, так как они были плохо укрыты и маскированы (у чехов было организовано очень хорошее наблюдение за полем боя, на вагорьях была заметна даже сигнализация с тылу). В середине боя обнаружился маневр чехов, их обход справа Московского полка и Эстонского батальона (на правом фланге красных). Московский полк, стремясь прикрыть фланг, растянулся на 2-х верстное расстояние, резерв же был выслан на помощь Эстонскому батальону. После 2-х часов упорного боя чехи заняли первую позицию, отряды, проведя ряд контр-атак, отошли на вторую. К этому времени большинство пулеметов в частях выбыло из строя, однако, технику в данном случае заменял героизм рабочих. Здесь нужно подчеркнуть эту особенность, рабочие упорнее всех держались на позиции, отходя последними. О прекрасном моменте рассказывают очевидцы; одна из рот Московского полка была укомплектована исключительно двумя патриархальными семьями из алопаевского или, какого-то мелкого, ближайшего завода и состояла из Кабаковых и Глухих (3—4 поколения)—дед, отцы, сыновья и внуки. Эта группа, занявши лесную опушку, особенно твердо и стойко отражала наступление; чехи, ведя сосредоточенное наступление, били сильным артиллерийско-ружейным огнем по этому участку, на глазах отцов от разрывов бомб гнездами гибли и выбывали сыновья, состоявшие при пулеметах. Од-

нако, остающиеся еще с большей решимостью продолжали бой. Последним погиб седой широкоплечий патриарх Кабаков, отстреливаясь из пулемета.

После срыва первой позиции и отхода частей командование красных растерялось, в штабе и на станции создалась паника; были получены сведения, что население в Нязе-Петровском зашевелилось и готовит контр-революционный взрыв; поэтому была послана телеграмма в Екатеринбург об оставлении завода. Однако, после того, как части упорно осели на вторых позициях и задержались на них, паника прошла; начался второй период боя. Чехи тремя цепями одна за другой на близких дистанциях шли в атаку, в то же время на правом фланге опять начало производиться скопление, угрожающее обходом. Эстонцы вновь просили Московский полк растянуть свой правый фланг, но полк, занимая 3-х верстную позицию, этого сделать не мог. В результате нового обхода чехов на правом фланге получалось полное окружение красных и оставался только один путь отхода—на Нижний Уфалей. Однако, несмотря на окружение, бой продолжался до 6-ти часов вечера, после этого было отдано распоряжение об отходе. Чехи, заняв вторую позицию, остановились и не продолжали преследования. Красные части отходили весьма беспорядочно, в виде каких-то кучек, остатков бывших боевых единиц. Однако, внутреннее состояние бойцов было устойчивое, при отходе не бросали пулеметов, винтовок и раненых, лишь порченное имущество побросали в пруд.

Крупнейшими особенностями, выявленными в этом бою, по словам участников, являлись:

1. Отсутствие сторожевого охранения, разведки и агентуры.
2. Плохая маскировка позиций и связь во время боя.
3. Отсутствие хороших командиров, способных использовать героизм и упорство частей и своим руководящим воздействием обеспечить победу. Отсутствие маневра—части лежали на одном месте и неподвижным упорством хотели добыть победу.

Весь бой обуславливался всецело энергией и упорством рабочих. Здесь в процессе его выявилось характерное отно-

шение рабочих, их привычность к техническому оружию, в виде пулеметов; с другой стороны—в периоде боя наблюдались моменты озверения, крайней жестокости и экзальтации.

В общем, это был один из тех боев, где в массах в военном отношении уже определялся благоприятный перелом. Они накопили боевую сплоченность и устойчивость, в самом бою выявляли известную решительность и боевую спаянность.

Наступление на Бугульму.

Все Уфимские отряды и учреждения по эвакуации из Уфы сосредоточились 10-го июля в Николо-Березовке на Каме (в 40 верстах от Сарапула). Здесь произошло переформирование частей и расширение политическо-агитационной работы. Уфимский отряд вошел в состав 11-й армии, штаб которой (Командарм Блохин) развернулся в Сарапуле. Отряд начал деятельно готовиться к наступлению обратно в Уфимскую губернию, разгружался от беженских элементов и панических настроений, навеянных бегством. Отряд был составлен на половину из рабочих-железнодорожников, на половину из мещанско-городского населения г. Уфы. Оружия на трехтысячный состав отряда было достаточно, обмундирования и продовольствия тоже. Быстро развернулись и начали работать хозяйственные и всякие тыловые учреждения; благодаря большому количеству интеллигентных сил, управление и быт быстро упорядочились. Части вели обучение и пополнялись мобилизуемыми людьми. Отряд стоял на месте в лагере под Николо-Березовской до 25-го июля. К этому времени чехи распространились и заняли всю Самарскую, Уфимскую и Екатеринбургскую губернии. Заняли Симбирск и Екатеринбург и в разных направлениях выходили на линию Камы. Для предотвращения опасности Казани и Камскому бассейну, на котором оперировали отряды 2-й армии, главнокомандующий приказал 1-й армии атаковать Симбирск, 2-й наступать на линию Самаро-Златоустовской и Бугульминской жел. дорог, 3-й продолжать активное действие на Екатеринбург. Во исполнение этого Командарм 2 Блохин разработал следующую операцию:

1) Полтавский полк тов. Головкин наступает из Чистополя на ст. Нурлад и разрушает жел. дорогу.

2) Уфимский сводно-партийный отряд из Набережные Челны наступает к Бугульме и разрушает жел. дорогу. Отряд Мензелинского Уездвоенкома Лямина движется через Бакалы тоже к железной дороге и производит соответствующее разрушение. Отряд Чевырева из Дюртюлли, распространяясь к Бирску, обеспечивает свое направление. 5) Из Сарапула через Байки на Минияр выдвигается Сарапульский батальон с аналогичными целями. При этом правый фланг армии связывается с 1-м латышским полком в Спасске, левый — держит связь с группой Угрюмова, находящейся в районе Красноуфимска. Все отряды 2-й армии оставляют на местах тяжелый обоз и продовольственные базы, выступают в поход налегке, используя широко местный транспорт. Всем отрядам приказано было держать между собой конную и телеграфную связь. Всю организацию идейную и административно-хозяйственную взял на себя лично Командарм 2 Блохин.

24-го июля Уфимский отряд в Николо-Березовке получил следующую телеграмму: „Командующему отрядом Князеву, копия Губштáб Полянкину. Ревком. Сарапул. 24 июля 2 часа. Согласно приказа Главкома Вацетиса приказываю с получением сего изготовить весь партийно-сводный отряд к выступлению в поход, имея при себе на людях только 2-х дневный запас продовольствия и огнестрельных припасов из расчета не менее 120 патронов на человека, при пулеметных и парковых двуколках, без прочего обоза и запаса. Вслед высылаю подробный приказ и инструкцию. Постараюсь немедленно выехать к Вам лично. № 399

Весь отряд 25-го июля снялся с лагеря и водным путем Блохин“.

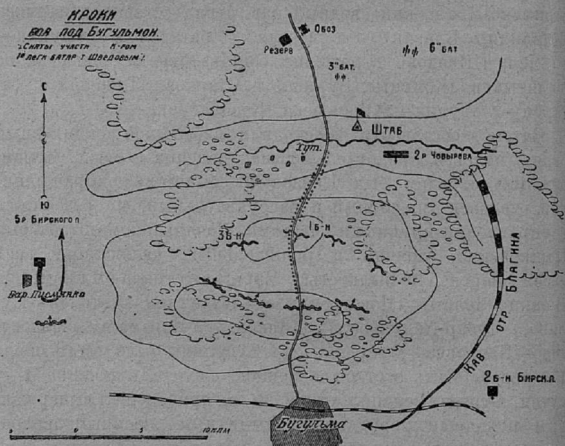
27-го прибыл в Набережные Челны. Здесь по выгрузке произошла 2-х дневная задержка, которая была вынуждена неготовностью Чистопольского отряда. 28-го вечером в Челны прибыл Командарм Блохин, устроил широкое общее совещание комсостава и дал указания и советы для похода. Из этих указаний было ясно, что отряду ставилась

решительная и краткосрочная задача—быстрым налетом захватить Бугульму и произвести разрушение жел. дороги. Вечером был разработан план движения на Бугульму и издан первый приказ для похода. Состав сил отряда, участвующих в операции, к этому времени был таков:

1-й лево-эсеровский батальон—1-я, 2-я и 3-я сотни—270 человек, 5 пулеметов (Комбат Жиров). 3-й коммунистический батальон 1-я и 3-я сотни—122 чел. 6 пул. (Комбат Сычев). Бирский Советский полк в составе 2-х батальонов и 5 рот—600 человек, 6 пулеметов (Комполк Купчунас). Уфимско-Уральский сводный кав. отряд—2 эскадрона 140 ч. (Командир Благин). 1-я легкая 3" батарея в 4 орудия—80 чел. (Шведов) 2 роты из состава отряда Чевырева по 60 штыков (Комроты: Буриков и Старков). Тяжелая 6" батарея—2 орудия—54 человека (Косолапов).

Затем в состав отряда входили небольшой санитарный отряд, полевой продотдел, обозная колонна и связь. Командующим отрядом был Князев из бывших подпоручиков, человек спокойный и рассудительный, но без опыта в управлении крупными частями. Начальником штаба был Пашковский, горячий и решительный, увлекавший всех своей энергией и пылкостью. Маршрут отряда был намечен: Нижние Челны, — Новотроицкое — Клянчино, — Альмед — Мулина, Чубар-Абдулово, — Александро-Карамалы, Мясогутово — Павловка — Бугульма. До Бугульмы было всего около 170 верст. Путь этот было решено сделать в течение 4—5 суток. Отряд выступил утром 30-го, причем шел выдержанным походным порядком ротными и батальонными колоннами с наличием справа и слева походного охранения. Впереди на переход двигался конный отряд, обоз сплошной многоверстной колонной шел сзади по главной дороге непосредственно за главными силами. Несмотря на категорическое распоряжение все мелкие части забрали полностью из Николо-Березовки свое имущество и повозки. Поэтому отряд представлял очень громоздкое малоподвижное соединение. Во время движения было дано две дневки. Движение было весьма медленно и давало возможность противнику своевременно подготовиться. Эта медленность движения

противоречила характеру задачи. Учитывая замедленность наступления, на общем совещании командиров в Александро-Карамалах решено было выдвинуть вперед на два перехода кавалерию и небольшой подвижной пехотный отряд из двух разведочных команд 1-го и 3-го батальона, всего около 100 штыков. Задачей отряда было выдвинуться к Бугульме и на линии Карабашева — Дмитровка — Бугриха установить завесу, прикрывающую движение главных сил. Отряд этот

2-го августа вечером выдвинулся на указанную линию и установил сторожевое охранение. При движении отряда все местные помещики, кулаки и торговцы убегали в Бугульму. Бугульма имела точные сведения о наступлении красных. На телеграфных станциях была найдена масса телеграмм, коими об этом наступлении местные жители сообщали в Бугульму. Например, из Павловки 2-го помещиком Никули-

ным была подана следующая телеграмма „Бугульма, Нач-гарнизона Павловке — красные. Прошу выслать отряд Никулин“. Убегали и уезжали также телеграфисты, сельская интеллигенция и т. д. Вечером 3-го августа и утром 4-го из Бугульмы была выслана в разных направлениях мелкими партиями конная и пешая разведка. Эта разведка была обстреляна красными караулами и отошла назад. По сведениям от местных жителей в Бугульме было очень мало белых войск. Там была одна рота чехов и формировался местный батальон из гимназистов, офицеров, интеллигенции и т. д. Передовой разведочный отряд, получив эти сведения, решил было начать наступление на Бугульму, но из главных сил прибыло категорическое распоряжение до подхода всего отряда не производить никаких активных действий. 4-го августа вечером в Дмитровку прибыли главные силы. Передовой отряд свернул свое сторожевое охранение и отошел на правый фланг в деревню Письмянка. Здесь, после небольшой перестрелки с разведывательной партией чехов, он заночевал. Главные силы, сделав небольшую передышку в Дмитровке, вечером 4-го двинулись вперед и заночевали в лесу верстах в 10-ти от Бугульмы. Утром с 5 часов началось дальнейшее движение по тракту на Бугульму. Надо заметить некоторые особенности движения отряда: хотя вправо и влево на $\frac{3}{4}$ версты и двигались фланговые части и конная разведка, однако, сам отряд, несмотря на близость противника, находился в беспорядочном состоянии. Перестрелка ночью 4-го августа в лесу чрезвычайно встревожила всех. Части были перемешаны, обоз не менее 1000 подвод шел вместе с пехотой и артиллерией и не был оставлен сзади. Впереди пехотной колонны не было выдвинуто разведки. Общая организация наступления была такова: Главные силы отряда наступали прямо по тракту на Бугульму. Вправо были выдвинуты 5 я рота Бирского полка и разведочные команды, влево 2-й батальон Бирского полка и кавалерийский отряд Благина, которые должны были обойти Бугульму слева.

События развернулись следующим порядком: когда передовые роты главных сил вышли из лесу на перевал в

2-х верстах от Бугульмы, они были неожиданно встречены огнем чехо-белогвардейской цепи. 1-й и 3-й батальоны развернулись по гребню на полутораверстном пространстве и открыли огонь по противнику. К ним подошла и развернулась артиллерия и начала обстрел города. Это было в 7 час. утра. В это время положение остальных частей было таково: обоз и штаб главных сил подошли и расположились в полуверсте от цепей, разведочная часть находилась в 7 верстах вправо в дер. Письмянка, 5 я рота Бирского полка вела бой в 3-х верстах в дер. Барская Письмянка, 2-й батальон Бирекого полка вышел на жел. дорогу левее Бугульмы и производил разрушение ее.

Кавалерийский отряд Благина находился где-то близ Бугульмы. Таким образом, во всем ходе наступления видно сильное раздробление сил. Почти половина сил была где-то вправо и влево. Решающий бой на главном направлении вели только два батальона. А у противника здесь были сосредоточены все силы—местный батальон, чешские роты. В самом ведении боя отмечается очень много недостатков управления и организации. Батареи разместились чуть-ли не среди повозок обоза. Почти весь командный состав отряда вместе со штабом сосредоточился в ложбине в 400 шагах от цепей. Передовые цепи управлялись лишь взводными и отделенными командирами, самый процесс боя исключительно протекал за счет инициативы самих бойцов. Эти бойцы в составе 5 рот и вели бой в жаркой солнечный день с 7 час. утра до 1 дня. В бою участвовало со стороны красных до 10 пулеметов. У белых было 3—4 пулемета. Белые совершали перебежки, передвижения и во время боя проявляли активность; Красные роты лежали неподвижно все время на одном гребне, который был демаскирован и представлял удобную цель для противника. К 11 час. дня фронт сблизился на 200 саж. и на этом обе стороны задержались. Все 6 часов боя шла непрерывная усиленная стрельба, к 12 час., несмотря на полный разгар боя, Штаб имел в резерве не менее 3—4 рот. Штаб ничего не предпринял, чтобы повлиять на нерешительный ход боя. Он все ждал результатов от обходящих частей и надеялся,

главным образом, на них. Он даже в предпоследний момент пытался было направить две роты для обходного движения вправо, но ввиду полученных некоторых сведений, этого не пришлось сделать. Сведения от обходящих частей были получены, но они не дали особых результатов: например, начальник кав. раз'езда из состава отряда Благина тов. Ломанов прислал записку следующего содержания: „тов. Князев, немедленно вышлите артиллерию и пехоту, наша разведка осмотрела город, обстрела не было. Мы в 2-х верстах. Ломанов“. Как было выяснено после, кав. раз'езды в'ехали в гор. Бугульму и расположились отдыхать, пить чай на окраине, не зная, что делать и ожидая подхода главных сил.

2-й батальон Бирского полка прислал записку о том, что он занят разрушением жел.-дорожного пути, что за отсутствием технического инструмента и специалистов представляет не мало хлопот.

Сведения справа от 5-й роты Бирского полка говорили, что она потерпела неудачу и отошла в Письмянку, полуразбитая в ночном и утреннем бою. Разведочные команды к 12 час. дня подтянулись к главным силам и поступили в распоряжение штаба. Штаб после выяснения результатов обходных частей, наконец, решил обратить действительное внимание на происходивший впереди бой. Однако, было уже поздно, в это время бойцы передовой линии, полурасстроенные, без командного состава, задыхаясь от жары и от последних усилий, напрягали остатки энергии в бою. Последние патроны расстреливались, чувствовалось отсутствие руководящей и сдерживающей воли. За патронами бросились было в обоз, но опоздали. Бойцы, расстреляв все патроны, воспаленные, с запекшимся ртом и затуманенным сознанием, начали пачками отходить назад. Бой кончился неожиданно. Цепи всколыхнулись, встали и хлынули назад. Резерв, лежавший в тылу, двинулся было вперед (по приказу), но смешался с нахлынувшей толпой бойцов и заразился общей паникой; артиллерия резко сорвалась с места и на виду толпы бойцов на рысках начала отходить в тыл, обоз в диком беспорядке рванулся за ней

по широкому полю. Все это усилило психологическую панику. Стремления командиров задержать бегущих бойцов и расположить их цепями не привели ни к чему. Толпа была во власти паники и оказывалась неспособной вести бой. Панические слухи о противнике и его кавалерии, совершающей обход, подгоняли и наэлектризовывали всех. Происходило фактически сплошное бегство красных частей, такое же, какое было под Миассом, в Нязе-Петровском заводе и т. д. Энергичными стараниями отдельных лиц удалось собрать небольшую группу, которая, отходя последней, прикрывала бегство. Части бежали до Дмитровки и Никулино, где уже организованно разместились на подводы и двинулись дальше в обратный поход к реке Кама. Между тем противник не преследовал; как оказалось позднее, напуганный действиями справа и слева и упорным наступлением в центре, он, не имея больших сил, в свою очередь спешно эвакуировался и одновременно с красными произвел отход войск с позиций. Резкое прекращение боя было им принято, как передышка для перехода в новое наступление; поэтому он ею воспользовался и отошел на 12 верст к югу от г. Бугульма. Лишь через сутки белые поняли свою ошибку и вернулись в Бугульму. В это время красные на рысях отходили к Каме. Во время дороги ими было получено известие о взятии чехами Казани. Это усилило тревогу и заставляло торопиться в Челны. Обратный путь был сделан в 40 часов. 7-го утром весь отряд возвратился к пароходам и, совершив посадку, двинулся вверх по Каме в г. Сарапул. Этим и заканчивается Бугульминская операция.

Как характерные черты этой операции можно отметить: медлительность движений, плохую разведку, боязнь противника, неиспользование всех сил, необстрелянность отрядов, неопытность командования, малую боевую активность отдельных частей, несоответствие оперативных замыслов тактическому умению частей.

В целом вся эта операция имела известное значение в общем ходе борьбы в Приуралье, хотя остальные отряды 2-й армии и не выполнили своих задач. Лишь отряд Го-

ловко, выдвинув вперед конно-подрывной эскадрон под командой сапера Минеева, успел произвести ряд разрушений на ст. Нурлад. Отряд Дямина дальше села Бокалы не продвинулся и, митингуя, возвратился назад. Сарапульский батальон замитинговал в Камбарском заводе и совершенно не выступил в поход.

Бой под д. Дюртиюлями на р. Белая.

Бой под Дюртиюлями 25-го июля и 9 августа. После оставления Уфы, все Уфимские отряды водным путем сосредоточились в районе Николо-Березовка на реке Каме (40 верст южнее Сарапула). Здесь началось переформирование и деятельная подготовка отряда к переходу в наступление. Для обеспечения себя со стороны Уфы и Бирска, из состава отряда 10—12-го июля в район Дюртиюлли (пристань на р. Белой) был выдвинут небольшой отряд Чевырева, имевший 120 штыков, 15 сабель, 3 пулемета, 1—3" пушку, образца 1906 года, 1 маленький пароход и баржу. Дюртиюлли—крупный торговый пункт Нижне-Бельского бассейна с засильем торгово-мещанского элемента и торговым влиянием на окружающие села и деревни.

Отряду была поставлена задача разведывать направление Бирск—Уфа и оберегать Нижне-Бельский бассейн. От перебежчиков было известно, что в Бирске находится рота чехословаков, под командой штабс-капитана Блюмберга, там же формируются две добровольческие роты из местных офицеров, реалистов и интеллигенции. На подкрепление Бирску ожидаются части из Уфы.

Отряд, заняв Дюртиюлли, произвел мобилизационно-агитационную работу. Состав отряда весьма этому способствовал, ибо он состоял исключительно из партийной молодежи. Раздачей разных запасов и мануфактуры из складов местных богачей отряд приобрел широкую популярность среди бедняцкого населения, и оно охотно начало вступать в красные отряды. В материальном отношении положение отряда было

более чем хорошо. Однако, военная сторона незавидна. Отряд фактически бездействовал. Разведка велась очень редко и случайно, караульной службы и охранения почти не было. Несмотря на то, что весь отряд состоял из недавно мобилизованных, обучения никакого не производилось. Было какое-то, по выражению участника, „беспечное настроение“. В таком состоянии его застало наступление белых.

25-го июля вечером начальнику отряда донесли, что в 7 верстах к Дуртюльям из Бирска движется по тракту какая-то часть, численностью 2—3 роты. Спешно собранный отряд стал принимать оборонительное положение. 10 бойцов было оставлено на пароходе—для наблюдения за пристанью и охраной тыла, остальные разбиты на 3 группы по несколько десятков в каждой и направлены на окраину села, в центр и на фланги. Однако, время было потеряно, противник уже подходил к деревне. Поэтому центральная группа развернулась на конце деревни уже под обстрелом передовых неприятельских частей. Противник повел атаку по тракту в направлении на центр деревни. На флангах было спокойно. Охваченная с боков огнем обстрелом центральная группа, не имея никакого содействия от фланговых частей, не выдержала и начала отходить в центр села. Противник вошел в деревню и здесь у церкви на пристани начался беспорядочный полурукопашный бой. Обе стороны раздробились на группы по 3—5 человек и дрались без всякого плана. Белые стремились обойти по берегу реки и захватить пароход, положение коего они точно знали. Пароход ими обстреливался пулеметом. Во время боя центральная группа при отступлении потеряла связь с левым флагом, однако, правофланговая часть инициативно начала поддерживать центр и вливаться в его ряды. Продвижение противника, занявшего середину села, церковь и главные улицы, наступавшего на пристань, сдерживалось сильным пулеметным и ружейным огнем с парохода, из-за строений пристани. В этот момент красные решились на последнюю меру—выкатили с парохода орудие и открыли без прицела эффектный оглушительный огонь. Одновременно обходом из-за дворов произведена была неожиданная атака, в результате которой убито было

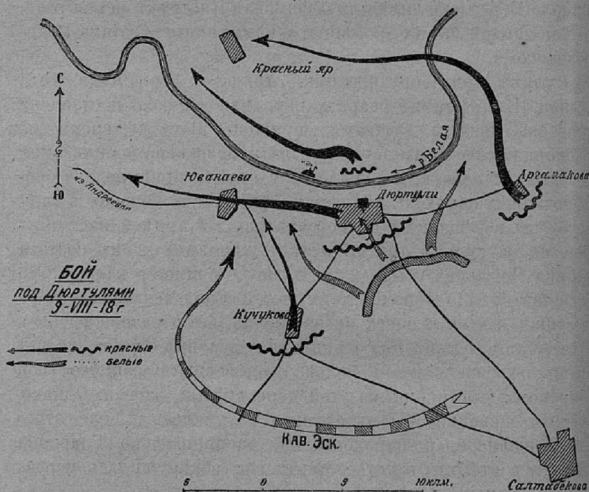
несколько офицеров и захвачен пулемет, наиболее наносивший вред. Этот эпизод оказал резкое влияние на ход боя, стрельба начала затихать, белые отступили, подобрав раненых и убитых, осталось лишь несколько трупов, среди них 2 офицера. Захвачено 3 человека пленных, потери красных — убито 7 человек, ранено до 10.

Бой 25-го июля встряхнул отряд. Он начал ускоренно перестраиваться, подгоняемый слухами о новом готовящемся наступлении белых. В то же время на усиление отряда из Николо-Березовки прибыла Уфимская Инструкторская рота, под командой бывшего офицера коммуниста Сулима-Грандовского.

Сулима взял организацию отряда в свои руки. Был создан Штаб, организована караульная служба, поставлена разведка, начали издаваться приказы. В то же время, по распоряжению Командарм 2, была произведена мобилизация соседних деревень. На поддержку отряда прибыло два бронированных парохода под командой Вабкина. Однако, в виду того, что в это время подготавливалось 2-й армией наступление на Бугульму, по приказу Командарма 2 из состава отряда Чевырева убыло 2 роты по 60 бойцов в каждой. Но мобилизацией и сбором мелких частей отряд Чевырева вскоре достиг 1½ тыс. человек (вооружение было разнообразное). В виду такого усиления отряд, для выяснения слухов, делает вылет по берегу реки Белой на деревню Казанцево (под Бирском). Противник из этой деревни был изгнан. Однако, точных сведений о нем получить не удалось. После этого 21-го июля бронепароходы по распоряжению Главкома Вацетиса отбыли в устье Камы, где обнаружилась угроза чехо-словаков.

4-го августа Чевыреву была дана задача, — не наступая на Бирск, очистить весь Нижне-Бельский район от мелких банд и кулацкого элемента, развернув широкую завесу в направлении Уфы и Бирска. Отряд, во исполнение этого, продвинулся широким фронтом к Бирску и выжидал событий. 5-го августа было получено известие о неудаче под Бугульмой главных сил Уфимского отряда. Одновременно было выяснено о сосредоточении сил белых в г. Бирске

(Уфимский добровольческий полк и чешские части неизвестного состава). Уфимское белое командование решило покончить с Дюртюлинской „язвой“. После небольшой перестрелки в дер. Казанцево, под давлением белых отряд Чевырева отошел обратно в Дюртюли. В это время он состоял из 1½ тыс. мобилизованных бойцов разбитых на роты, 16-ти пулеметов, 1 орудия, 80 сабель. Наступающий противник имел примерно такое же количество бойцов—Уфимский и Бирский добро-

вольческие полки, чешские роты, 1 батарея и кав. эскадрон. Первый бой завязался на окраине села Дюртюли, вечером 8-го августа. Красные части располагались также, как и в первый раз. Лишь центр был усилен, за центром стоял резерв (на окраине заранее были вырыты небольшие окопы). В центре находилась и инструкторская рота, как наиболее обученная и надежная часть. Вечерний натиск был отбит,

ибо белые наступали нерешительно, вяло. С утра 9-го августа началась новая атака.

Белые, главным образом, напирали в центр в направлении тракта. Причем, они очень сильно действовали метким ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. После продолжительного 3-х часового утреннего наступления, которое было отбито, наступило затишье. Красные, однако, в контратаку не перешли. По предыдущим—примерам, им казалось, что противник решил отходить. Однако, наблюдатели вскоре донесли, что противник крупной частью в развернутом виде опять начинает наступать по тракту. Вновь завязался бой. Противник попрежнему рвался в центр. По замыслу Красного Штаба, усиливались фланги, дабы нанести активный удар с двух сторон. В центр были посланы пулеметы. Фланговые деревни А Касланово и Султанберово удерживались красными. Решено было их очистить и начать окружение противника. Но в тот момент, когда эти части начали выдвигаться вперед для удара, центр оказался прорванным и панически побежал, белые ворвались следом; так как резерв был израсходован на усиление флангов и центра, то задержать наступление было не чем. Среди недавно мобилизованных татаро-башкир началась паника, которая сорвала всю дальнейшую оборону. Красные были разрезаны на две половины и притиснуты к реке. Часть бойцов сбежалась к пароходу и вместе с Чевыревым, панически обрубая причалы, отплыла по реке. Правый фланг и часть центральных групп, после этого, пробили себе дорогу по берегу реки на Андреевку. Лево-фланговая часть отошла вверх по реке, там переправилась и, совершив широкое обходное движение, присоединилась к остаткам в устье Белой. От 1½ тыс. человек едва осталось 700—800, да и те раздробились на несколько групп, почти все мобилизованные разбежались по своим домам. Убитых и раненых, несмотря на упорный бой, тянувшийся целый день, было не так много, зато много погибло в реке и в деревне. Было потеряно 1 орудие, несколько пулеметов и много винтовок.

Выводы из опыта гражданской войны Урала 1917—18 г.г.

Организация и управление.

Слабой стороной южно-уральского боевого движения в 1918 году были—организация и управление. Основной формой боевой единицы был—отряд или дружина. Крупный отряд дробился на роты, команды и взводы. Отряд большей частью имел все роды оружия: пехота, пулеметы, кавалерия, батареи, связь и разведка. Он в сущности в примитивной форме выполнил функции полка. Отряды были самостоятельны и сообразовали свои действия с соседями только в пределах общей целесообразности. Это и было основной ненормальностью построения вооруженной силы. Объясняется это тем, что отряды имели местное, территориальное происхождение и составлялись из заводских и сельских групп и добровольцев, имевших тенденции сохранять формы сельского или заводского товарищества и в боевой части. Во главе отряда был выбранный или назначенный начальник. (Среди них офицеры были редки). Начштабов и комиссары были в редких случаях, штабов не было—их функции выполняла маленькая канцелярия с одним—двумя писарями и ядро надежных, исполнительных бойцов, состоявших при командире и связанных с ним родственными или другими связями. Политработы, как она развилась позднее, не существовало. Единственной формой агитации был митинг и собрания.

Большую роль играли в отрядах парторганизации, через общие собрания, выявлявшие волю отряда.

Отряды большей частью состояли из мобилизованного и необученного элемента. Поэтому боевая его стойкость и крепость была незначительна. Но „главное“ зло заключалось в отсутствии объединяющего командования; разбитые на отдельные отряды, численностью от 20 человек до 400, они стремились к автономному исполнению операций, к пар-

тизанским действиям и не вполне подчинялись распоряжениям штабов (В. Георгиевский). Неоформленность отрядных объединений и отсутствие дисциплины усложняли общее положение.

Группа или „фронт“, объединявшие множество мелких отрядов, не могли управлять по военному подчиненными частями. Лишь популярный начальник несколько сдерживал и покрывал своим авторитетом центробежные стремления разнородных частей. Однако, разнородность организации имела не только в войсковой структуре, но и в высшем управляющем аппарате.

Тов. Берзин говорит: „Существовало много фронтов со многими командующими, как—Яковлев, Зиновьев, Блюхер, Елькин, Мясников, Уфимский Штаб; командовала и Высшая военная Инспекция, лучше сказать, тов. Подвойский, который вместе с военруком, бывшим генералом Николаевым,—хотели упорядочить оперативное управление на восточном фронте, создать единство в командовании, единство в использовании против чехо-словаков наших ничтожных тогда сил. Справиться с этой задачей было не только трудно, но почти невозможно, так как тогдашние главкомы не думали кому-либо подчиняться; считали себя вполне самостоятельными и независимыми; столь же самостоятельными и независимыми были и все Начальники отрядов, которые в свою очередь жили и оперировали по своему. Большинство этих Главкомов не имело почти никакого понятия о стратегии и тактике“...

„В то время у нас не существовало управления войсками в стратегическом и тактическом смысле. У нас не было в то время ни централизующего органа, ни единой воли полководца, могущего „обнять“ обстановку в целом и соответственно ей поставить цель операции и направление в ее развитии..... Все, кому не лень было, командовали или считались командующими, главнокомандующими или главкововерхами. Но почти никто из этих командующих не знал, где, сколько и какие у него войска; работали без плана, без системы, без связи—кто в лес, кто по дрова. Конечно, при таких условиях работы нельзя было ждать положитель-

ных результатов, тем более, что чехо-словаки действовали по строго намеченному плану". (Берзин—Этапы строительства Красной Армии).

Таким образом из откровенных признаний т. Берзина видно, что военная неготовность советской власти на Урале определялась не только в низовом аппарате, но в еще большей мере в верховных войсковых органах. Не было единого военно-политического плана и руководства, не было удовлетворительных штабов и опытных знающих вождей. Разбросанность сил, неустойчивость, боязнь тыла, отсутствие единства в действиях отрядов и перебои в целесообразной напряженности боевых операций всецело объясняются этим отсутствием единой воли командующего центра и хороших исполнителей.

Объясняется это следующим:

1) В. О. в своем организующем стремлении дошли только до создания окружных и губернских штабов. Причем, когда застиг их девятый вал гражданской борьбы, их развитие было прервано: с одной стороны—наступлением врагов, с другой—приказом центра, заставившего перестраиваться на новый лад под огнем вражеской атаки.

2) Назначенные же и присланные центром вожди не отвечали своему назначению, не знали местной обстановки и войск, не имели авторитета и такта во взаимоотношениях с местной властью.

3) Ввиду отсутствия управления, местная власть создавала от себя различные штабы и назначала командующих (как было в Уфе, Самаре). Это еще более увеличивало количество верховных органов, усложняло их взаимоотношения, порождало бездейственность и разлад. (Таковы отношения в Самаре, Оренбурге, в Зауральском районе).

4) Оперативно-тактическая неудовлетворительность „главкомов“ и штабов дополнялась военной неподготовленностью всего вообще состава Советских войск, не имевшего военного образования и опыта; состав состоял из парторганизаций и жил преимущественно политическими интересами части и обстановки, уделяя военно-техническому моменту мало внимания.

В дополнении сказанного необходимо упомянуть о слабости политического руководства во время борьбы.

Вследствие отсутствия опытных старых партработников, политическая обстановка оценивалась часто неверно и решения для военных органов ставились неправильно. Достаточно припомнить известную иллюзию, которая разделялась в свое время многими ответственными работниками, что „Чехи прокладывают путь своим эшелонам на восток, в Сибирь“, что „Нужно скорее очистить жел. дорогу, отойдя к северу и пропустить их, чтобы скорее все успокоилось“. Другой наивный взгляд оценивал события, как временное затруднение местной власти, неспособное изменить общего положения Советской власти на Урале. При таком оптимизме, конечно, не было, например, необходимости производить широкую массовую мобилизацию и заблаговременную военную подготовку населения. Действительно, мобилизаций не было, враг заставал неожиданно оптимистов, которые успевали отходить, а рабочие, боевики, советские работники и добровольные защитники уже самостоятельно стекались в группы, самоорганизовались и начинали действовать кустарно, партизански, без связи с центром.

Тактические особенности боевых действий.

Производственный уровень страны и состояние человеческого материала определяют тактику и организацию борьбы.

В борьбе южно-уральских рабочих масс можно отметить ряд моментов, подтверждающих эту зависимость.

Прежде всего формы борьбы.

Южноуральская окраина была издавна ареной степной борьбы казачества с инородцами. Налеты и отсиживание в крепостях—основные виды этой борьбы. Эти виды нужно отметить и в гражданской войне Южного Урала. Достаточно вспомнить приемы дутовских и каширинских отрядов с их налетами, быстрыми передвижениями и неожиданными атаками населенных пунктов, или оборону городов, узловых центров (в роде Троицка, Орска, Самары, Белорецка и т. д.), чтоб признать этот факт. Эти примитивные формы борьбы,

мало чем отличающиеся от прошлого, несомненно объясняются земледельческо-степным характером края и соответственной психикой его населения. Южноуральская борьба имела крестьянский характер и особенности, и казалась перенесенной с времен глубокой древности.

Любопытно, что отрядная разведка и связь совершалась также, как в пугачевском или разиновском бунтах, или в старых уральских волнениях—обряжали разведчиков в мужиков, которые на саях и на телегах раз'езжали по деревням, укрывались у верных людей, „вызнавали“ по слухам и передачам о том, что делается у противника. Другой факт выявлял ту же особенность. Город и завод вооружались казенным и войсковым оружием, получая его организованно из ближайших арсеналов, складов и оружейных заводов. Крестьянство вооружалось большей частью за счет своих средств: вилы, топоры, ножи, самодельные пики, наделанные спешно в сельских кузницах—вот основные виды оружия восставшего крестьянства. Лишь часть его имела казенное оружие: гранаты, винтовки, револьверы, вывезенные фронтовиками из действующей армии.

Основными формами крестьянской борьбы были:

- 1) защита села или района;
- 2) атака враждебного пункта (города, станции);
- 3) действия в лесах, горах;
- 4) налеты (партизанская война).

Крестьянство поднималось „валом“, проводило поголовные мобилизации восставших волостей и двигалось в направлении враждебного пункта массовыми волнами, точно также, как это было во времена пугачевщины. В этой крестьянской борьбе применялся целый ряд хитростей и уловок народного характера (движение частей под видом обоза, засады и т. д.).

Борьба велась преимущественно на дорогах и в селениях. Снабжение шло за счет населения.

Словом вся организация и тактика крестьянских движений имела самый примитивный характер.

Советские Рабоче-Крестьянские отряды, благодаря обилию оружия и обмундирования, имели более регулярный

характер; благодаря наличию рабочих были более организованы и устойчивы в боевом отношении.

Правда, то обстоятельство, что они были недавно мобилизованы, плохо обучены, не приспособились к войне, не имели хороших командиров,—ослабляло их боеспособность. Но идейная настроенность, революционный дух советских отрядов, окруженных врагами и принужденных обороняться при пробиваться, возмещали их военные недостатки.

Большой степенью организованности и военной грамотности в действиях гражданской борьбы отличались чехословаки—эти первые учителя советской армии. Чехословацкие регулярные части в ряде успешных боев дали ряд горьких уроков Уральским рабочим и крестьянам и глубоко воздействовали на сознание последних. Чехи применяли разнообразные формы борьбы. Наиболее применялась ими маневренность (обходы) и сосредоточенность удара. Технические средства у них не были особенно сильны.

Однако, легкие победы над рабочими неорганизованными отрядами развратили и ослабили чехов. Этому способствовал и ряд других причин—убыль кадра, распыление сил по всему Уралу, ослабление морального элемента и т. д. Позднейшие действия чехословаков имеют более вялый и неотчетливый характер.

Действия чехословацких сил 1918 года весьма сходны с действиями рейхсвера 1919—20 годов в Германии. Здесь и там мы видим ликвидацию организующихся рабочих отрядов, занятие городов, создание в них буржуазной опоры (органов власти и белогвардейских частей), организацию противобольшевистских восстаний и т. д.

Любопытно, что выводы опыта чехословацких и немецких генералов—о малочисленности штабов, управлений и обозов, о необходимости решительных операций, о маневренности, политической обоснованности действий и т. д.—весьма сходятся, не смотря на различие районов борьбы, характера ее, особенностей населения и быта. Это доказывает возможность обобщения и практических выводов в отношении общих особенностей ведения гражданской борьбы.

Основной особенностью боев 1918 года является их крайняя скоротечность. Они не могли быть продолжительными, ибо отряды того времени являли собой по существу милиционные толпы без всякой выдержки. Эта милиция 1918 года и технически и психологически не способна была развивать и выдерживать длительные бои по всем правилам воинского искусства. Она действовала под напряжением психологического порыва и массовой настроенности. Такая же настроенность была и у белогвардейских частей.

Массовая экзальтация под влиянием определенных моментов и фактов была возбудителем напряженной деятельности, требующейся обстановкой. В силу этого процесс самого боя протекал весьма примитивно и беспорядочно. Выявляя высочайший психологический подъем, бои 1918 г. зачастую были незакончены и сопровождались частыми психическими колебаниями. Паника в том или другом объеме была неперменной спутницей этих боев. Паника рождалась из неуверенности бойцов, их нервной неустойчивости, их непривычности к организованной вооруженной борьбе, ее неожиданностям, обходам, восстаниям в тылу и частым изменениям боевой обстановки; коллективная воинская спайка и мужественная устойчивость еще не были выработаны в процессе борьбы. Всякий полагался лишь на себя и свой инстинкт самосохранения.

Как характерные примеры паники, можно указать два момента, имевшие место при наступлении Уфимского отряда на Бугульму. Первый произошел в селе Александро-Карамолах. Отряд пришел туда ночью; причем 2 часа простоял под дождем у околицы, в целях выяснения слуха о чехах, будто бы находившихся в селе. На мобилизованные массы эта тревожная ночь должна была отразиться известным нервным ослаблением, предрасполагавшим к панике. Вясный полдень, когда весь отряд располагался на большой базарной площади, вокруг церкви, и шумел как ярмарка, неожиданно, по неосторожности какого-то боевика, оглушительно разорвалась ручная граната. Вся человеческая масса бросилась, кто куда — в переулки, под воза, дома, сараи и т. д. Это была короткая, но характерная паника. Другой

случай был под Бугульмой. Там после шестичасового боя расстроенные красные бойцы побежали. Командиры тщетно старались револьверами и угрозами удержать и уложить в цепь эту бегущую толпу. Обоз и артиллерия, видя отступление пехоты, с грохотом на глазах у всех рванулись назад. Во время этого бегства неожиданно кто-то крикнул: „неприятельская кавалерия“. „По кавалерии“. Тысячная толпа остановилась и посыпались беспорядочные залпы несмотря на то, что на пути стрельбы были десятки оставших бойцов и никакого противника не было видно. Спустя минуту все вновь всколыхнулось и побежало. Это паническое состояние Уфимского отряда, уходившего из под Бугульмы, продолжалось целые сутки.

Однако та же неустойчивая психика выявлялась и в положительных формах — в форме личного героизма, самопожертвования и доблести. Этот личный героизм, казалось, возмещал общие тяжелые неудачи. Действительно, самый характер действия рабочих отрядов выгодно отличался от их результатов и последствий. Пролетариат свою военную малограмотность стремился возместить доблестью бойцов. Вся борьба 1918 года на южном Урале в воспоминаниях участников облита колоритом возвышенного идеализма и необычайного духовного напряжения. „Романтика“, идеализм присущи вообще всему русскому революционному движению — в данном случае они выразились в особенно разительной полноте. Психика южно-уральского рабочего и крестьянина давала для этого благоприятную почву.

В обстановке частых поражений, неорганизованности и колебаний, больших духовных потрясений, этот идеализм был спасающим и двигающим моментом.

Не менее любопытен и другой факт, характеризующий психологическую устойчивость массы. Это разложение отрядов, измены и перебежки, уход к домам и случаи провокаторства. Подобных явлений было величайшее множество. После неудачных боев, во время переломного состояния отрядов, рабочие и крестьяне партиями расходились по домам, а мелкие отряды целиком рассеивались в разные стороны. В крупных центрах, в периоды надвигающихся ослож-

нений и решительных изменений обстановки, было много крупных и мелких провокаторов, переходивших к белым и игравших там видную роль (таковы Махин, Харченко, Яковлев и другие).

Все это весьма отчетливо характеризовало массу того времени и вытекало из ее политическо-психологической неустойчивости.

Человеческий материал.

При изучении причин побед и поражений Уральского пролетариата в борьбе 1918 года необходимо прежде всего рассмотреть состав красных сил, их комплектование, психику, быт масс и прочие особенности.

Южно-уральские отряды по социальному признаку составляли: 1) рабочие (заводские, железнодорожные, фабричные и мелких производств), 2) мещанский элемент из городов и крупных пунктов, 3) люмпен-пролетариат (из деревень, приисков, посадов, речных и лесных производств), 4) крестьяне, 5) казаки и 6) приуральские инородцы (башкиры и татары).

Рабочие, главным образом, были из Златоустовского, Симского, Саткинского, Белорецкого и Богоявленского округов. Казачество из Троицкого и Верхнеуральского отделов. Люмпен-пролетарский элемент из Зауральского района.

Социальный характер отряда обычно выявлялся в его названии (такая-то крестьянская дружина, такой-то рабочий отряд). Однако, разнородность состава отрядов была очень сильная. Большинство отрядов было смешанного состава, однако с преобладанием известной социальной категории. Это можно проследить просмотром состава любого южно-уральского отряда.

Так рабочая армия Блюхера и Каширина состояла из: 1) Троицких и Верхнеуральских казаков, 2) Екатеринбургских, Саткинских, Белорецких и Богоявленских рабочих, 3) Уфимских башкир, 4) Оренбургских и Уфимских русских крестьян, 5) батраков, лесорубов и угольщиков южно-уральского горного района.

Уфимский отряд имел: 1) жителей города Уфы, 2) рабочих Симского завода, 3) Уфимских крестьян, 4) мусульман.

Отряды Зиновьева — из бедняцко-мещанского элемента, Оренбурга, Орска, рабочих Ташкентской железной дороги а также крестьян, поселенцев Оренбургского края, обремененных землей и хозяйственными льготами.

Заводских рабочих в исследованных отрядах по общему подсчету участвовало не более 12—15 тысяч. Крестьян и казаков до 20 тысяч и прочих до 10 тысяч.

Разнохарактерность людского состава отрядов делала их своеобразными во многих отношениях — в военно-техническом, психологическом и бытовом.

Самая первая волна, первый набор наиболее ранних отрядов, словом, красногвардейцы первой пробы были неважны, ибо их выделила городская и сельская вольница, двинувшаяся служить в Красную Гвардию зачастую из личных мотивов. Эти первые „ломпен-пролетарские“ отряды выделялись резкостью действий и моральной распушенностью. Позднейший мобилизованный и добровольный состав дал более крепкий материал, более крепкую основу в моральном и военном отношении.

Рабочая масса в гражданской войне.

Упадок уральской промышленности в течение последних десятилетий, особенно отразившийся на южно-уральском производстве, застой заводов и рудников, техническое разрушение оборудования заводов во время мировой войны, наконец, массовый отлив с Урала квалифицированного рабочего элемента — все это естественно отразилось на классовом составе и внутреннем состоянии уральского пролетариата, усилив его психологическую деградацию в сторону крестьянства, из рядов которого он ежегодно получал массовые пополнения.

Двойственная природа, смешение рабочей и мелко-буржуазной идеологии, должно было известным образом отразиться в действиях рабочей массы, во-первых, некоторою

нечеткостью политического сознания и, во-вторых—известной культурно технической отсталостью.

Но даже и при наличии этих черт уральский рабочий-доброволец являл превосходнейший военный материал: здоровый, крепкий, сознательный и восприимчивый в боевом отношении—рабочий в своем производстве уже получил известную предварительную школу для своего военного состояния, он имел развитые навыки дисциплинированности и коллективной организации, технической выучки, привычки к решительным действиям. В процессе гражданской борьбы уральский рабочий скорее всего освоился с обстановкой и перестроился на военный лад. Он был основным самостоятельным революционным слоем населения края—тем „тончайшим слоем пролетариев“, который, как говорит Л. Д. Троцкий, дал основной кадр практических строителей, борцов и защитников революции. В гражданской борьбе в советских отрядах рабочий играл роль скрепляющего и связывающего цемента по отношению к остальной массе.

Когда-то казаки в старо-русских бунтах и волнениях смутного времени, в эпоху Разина и Пугачева, являлись организованной закваской, основным двигающим ядром крестьянских восстаний, именно такую же роль играла рабочая масса Урала в оформлении и регулировании крестьянских процессов 1918 года. Рабочие составляли основу, ядро, головку всякого отряда. Рабочие политически руководили краем, выпрямляя линию отдельных его районов и отрядов.

„Когда Уральские рабочие спускались со своих гор,—говорит активный большевик Уфимской губернии Б. М. Эльцин,—они выпрямляли линию поведения городского совета, они подымали его на революционную высоту и вдохновляли на революционные шаги“ (Пролетарская Революция № 10—11).

Рабочие являлись единственной надежной политической опорой Советской власти, были Гвардией Советского Правительства. Мобилизация рабочих масс для защиты революции происходила всего естественнее и скорее. Добровольный подъем их за Советы в разгаре гражданской войны

сыграл громадную роль, как в образовании краевой вооруженной силы, так и в затягивании успехов развития контр-революции. Как относились рабочие к Советской власти, как они отзывались на ее призывы в эту смутную годину, рисует характерный случай из истории рабочих Богоявленского завода.

Отряды Блюхера и Каширина, двигаясь из Белорецкого района, остановились в Богоявленском заводе. Здесь 14 августа перед уходом красных войск вечером в саду клуба было устроено общее собрание местных рабочих (до 800 человек). Выступивший Блюхер изложил обстановку трудного положения Советской власти на Урале. Кругом белогвардейские восстания—чехи, казаки, башкиры. Остаться в окружении нельзя. Без патронов и продовольствия можно погибнуть. Нужно идти на север, на помощь центру и для соединения с красными войсками, чтобы потом совместно ликвидировать белогвардейщину на Урале. Поход далекий и тяжелый, нельзя брать семейства и родных. Это лишняя обуза для войск. С ними не пробьешься и не сможешь воевать. Кто преданно стоит за революцию и Советы—должен без колебания оставить свою семью на риск, на белогвардейский произвол и идти на борьбу с контр-революцией.

После горячей речи Блюхер в напряженной атмосфере произвел голосование. „Кто за Советскую власть и идет ее защищать? Кто за то, чтобы оставить семьи?“ При свете луны, на фоне окружающих деревьев, поднялся целый единодушный лес рук. Острые лица и напряженные взоры. Ни одного сомнения и колебания. Через день все дружно выступили в поход.

Сознательная Уральская рабочая масса, подобно Ленинградскому или Московскому пролетариату, весьма охотно отзывалась на призывы Советской власти. В классовой борьбе южно-уральский пролетариат находил самого себя. Именно, он двигал и направлял процесс борьбы, который, как мы уже знаем, нарастал с низов, а не от центра и сверху.

Уральский рабочий установил дисциплину в этой борьбе. В этом отношении характерен один факт. Перед эвакуа-

цией из Уфы в первых числах июля рабочие-боевики инициативно посылали наряды на квартиры своих товарищей, имевших тенденцию остаться в городе. Это в то время, когда интеллигентные мещане провозглашали право личной свободы и недопустимость принуждения в революционном движении. Любопытно, что в дальнейшем эти принудительно мобилизованные рабочие не выделялись из других и были даже выше остальных в боевом отношении. Такие факты принудительной мобилизации, кроме Уфы, наблюдались в ряде заводов. Рабочая масса хотела воевать вместе, коллективом и призывала всеми средствами своих уклонившихся членов. Эта рабочая дисциплина выявилась в ряде других особенностей, имевших в боевой жизни большое значение. (В вопросе боевого подчинения начальнику, наказаниях за насилие, пьянство и т. д.). Смертью грозила масса всем нарушающим эти основные боевые устои. Пролетариат, борющийся за организацию своей государственной власти, в этом вопросе не мог иметь другого решения.

Весьма любопытно выделяются рабочие боевики в другом отношении—в обращении с оружием. Рабочие аккуратно, привычно и естественно обращались с оружием (здесь очевидно играли роль производственно-технические навыки). Они берегли его (чистили и смазывали) на bivাকে, в бою, в походе. Характерны случаи: раненый пулеметчик, падая при отступлении, просит товарища захватить пулемет. Бегущий в панике рабочий, сбрасывая на ходу для легкости башмаки и, увидев валяющийся пулеметный ствол, схватывает его и несет за десятки верст в свой отряд.

Заметно было кроме того у рабочих известное тяготение к пулеметам. Пулеметные части большей частью комплектовались из рабочих.

Все это определенно говорит за то, что рабочая масса, будучи основой современной промышленно-хозяйственной жизни страны, дает наилучший и благодарнейший человеческий материал для комплектования современных армий. Рабочая часть, как на стороне революции, так и против

нее (Ижевские отряды) отличалась сплоченностью, ударностью и боевой стойкостью.

Уральская рабочая масса весьма определенно заявила себя в гражданской борьбе. Действия ее достаточно удовлетворительны в сравнении с тем политическим и военно-организационным состоянием, в каком она тогда находилась. В этой борьбе она дала образы характерные, как для нее самой, так и для тех условий, коими определялась ее жизнь и переживания края.

Русская гражданская борьба вообще дает много случаев и примеров взаимосвязи, внутренней зависимости между составом борющихся сил и характером их действий.

Сплоченная, хотя и небольшая количественно масса рабочих одного из промышленных Кавказских городов, в 1918 году, например, несколько недель успешно отбивается от напора казачьих полчищ, проводя ряд оборонительных сооружений и даже технических мероприятий вокруг города в целях успеха обороны. Она держалась до тех пор, пока осаждавшая масса не развалилась сама под влиянием политических условий.

Нечто подобное переживает в Орске—маленьком степном городишке—с июля по сентябрь 1918 года сборный Оренбургский отряд, одухотворенный идеей борьбы с контр-революционным казачеством.

На том же Кавказе, в борьбе с тем же казачеством громаднейшие революционные массы крестьянского элемента Кубани и Терека с их расплывчатой политической идеологией и шатанием не нашли иного исхода, как бросить свои поля и земли и уйти в горы Большого Кавказа, в Прикаспийские пустыни, чтобы там погибнуть в большинстве, не дождавшись времен обетованных. Царицын и Луганск, в лице своих рабочих военных заводов, а также Ленинград дали в свое время образы определенной и сознательно-напряженной борьбы; в то же время расплывчатая крестьянская Украина, при множестве больших центров, как Киев, Одесса, Харьков и т. д., дает картину *рассеянной* борьбы, полной дезорганизованных, панических отступлений и подобных им по характеру захватов и наступлений.

Крестьянство в гражданской борьбе.

Южно-уральское крестьянство в борьбе 1918 года проявило себя иными чертами, чем рабочая масса. Южно-уральское крестьянство имело всегда крайнюю ненависть к барству и стремилось к захвату земель. Эти факторы были возбуждителями крестьянской воли. Однако, политическая воля крестьянства была путаная, колеблющаяся, изменчивая. В условиях 1918 года на нее разлагающим образом воздействовали следующие факторы: 1) усталость от войны, 2) боязнь коммунистических и социалистических экспериментов, 3) неясность цели и результатов борьбы и 4) массовая инертность деревни.

Крестьянство вначале, под влиянием продовольственных реквизиций, с недоверием относилось к большевикам и дало в красные отряды лишь свою „голытьбу, которой терять нечего“. Красные отряды стали обрастать середняцкой крестьянской массой лишь по изменении советского курса в крестьянском вопросе и по испытании крестьянами белогвардейского режима.

Неустойчивость крестьянской природы резкими штрихами выявилась в поведении крестьянских масс во время борьбы, в их боях и действиях. В сравнении с прошлым 1905 годом эти крестьянские действия являют большой прогресс в политическом и военно-техническом развитии крестьянства. У крестьянских масс наблюдается известная боевая техника, понимание роли военно-технических знаний, стремление использовать унтер-офицеров и офицеров, понимание военных целей и задач борьбы, некоторые представления о формах и способах, известные боевые навыки. Конечно, объясняется все это тем, что солдатская школа в мировой войне, через которую прошло большинство крестьянства, привила определенные порядки и навыки, вместе с демобилизацией старой русской армии растворившиеся по всему крестьянскому миру. Именно психологическим отзвуком мировой войны являются все эти многочисленные „штабы“ и „комендатуры“, создававшиеся самопроизвольно

в деревнях, „окопы“, преграждавшие везды и выезды деревень, мобилизации по возрастам, проводившиеся на сходах и съездах и ряд других форм и явлений, присущих военной системе.

Но, с другой стороны крестьянство в своей борьбе сохранило старые дикие инстинкты, проявление своей темноты — погромы, пожары, насилия, грабежи. В известной доле эти явления, имевшиеся в действиях советских отрядов, объясняются наличием крестьянского состава.

При детальном рассмотрении особенностей крестьянской борьбы бросается в первую очередь известная стадность крестьянских частей, культ личности, неравномерность боевой активности (то яростные атаки, то панические бегства), примитивность военной организованности и тяготение к нерегулярным отрядным формам.

Боевые особенности Уральских отрядов.

Как проявили себя Уральские рабоче-крестьянские отряды в гражданской борьбе?

Для объективного подхода нужно привести несколько мнений по этому вопросу.

Характеризуя первый момент борьбы, следующее говорит участник боев под Екатеринбургом Онуфриев:

„Вооруженные силы, на которые Советская власть могла в то время опереться, состояли в большей части из молодых, неопытных и плохо вооруженных добровольцев, с ничтожным процентом фронтовиков. Коекакой состав в этих партизанских отрядах, благодаря принципам выборности, состоял большей частью из людей случайных, неопытных, часто высшей марки авантюристов, которые пошли на фронт отнюдь не из-за идейных побуждений. Нельзя конечно отрицать, что были отдельные светлые личности. Их особенно было много в отрядах, носивших партийный характер“.

Описывая позднейший момент борьбы, тот же автор аттестует бойцов в другом духе: „Добровольцы Урала были превосходным военным материалом; большинство из них были участниками различных фронтов — все здоровые, бод-

рые, закаленные в боях. С ними мы не знали, что такое дезертирство и как можно попасть в плен или сдаться врагу“ („Два года гражданской войны на Урале“).

В первом случае Онуфриев несомненно говорил о первоначальном моменте борьбы и боевого строительства, когда рабоче-крестьянские части были полны ломпен-пролетарского авантюристского элемента. Во втором случае описывается тот основной добровольческий костяк защитников революции и Советской власти, который подобрался в процессе борьбы.

Другой критик—Георгиевский, говорит следующее:

„Дрались уральские боевики героически, но по большей части терпели поражения в сражениях с чехо-словаками. Спрашивается, почему это было так? В чем причина? Причин было много. Между прочим, одна из причин заключалась в следующем: боевики обладали революционным духом, приученные предыдущей борьбой к выполнению частных, не требующих продолжительного времени, задач, они не расставались с мыслью о скором возвращении из похода домой; затяжная борьба, продолжительное сидение в окопах им были непривычны, революционный дух требовал решительных действий, а таких не было,—отсюда быстро являлись апатия, усталость, и боевая энергия падала, сказывалось отсутствие общей боевой подготовленности, неумение обращаться и сохранять оружие, незнание строевой службы. Главное же зло заключалось в отсутствии объединяющего командования. Разбитые на отдельные отряды, численностью от 20 человек до 400, с самостоятельным начальником, часто и комиссаром, они стремились к автономному выполнению операций, к партизанским действиям и не вполне подчинялись распоряжениям Высших Штабов. Большую роль играла также недостаточность и неподготовленность командного состава. Происходило это потому, что самые принципы формирования Б. О. Н. В. не допускали в их ряды, за редкими исключениями, людей, знающих свое дело, бывших офицеров.

Точно также влияло на малую успешность действий и отсутствие войск специального технического назначения,

если же они и были местами, то распределялись неправильно, не учитывался опыт минувшей войны, не было достаточно кавалерии, артиллерии, частей связи и т. д.“

Выводы Георгиевского, в известной мере, правильные, еще раз наглядно подтверждают наличие глубокой связи этих отрицательных черт Южно-Уральского пролетариата с особенностями его прошлого развития. Отсталость промышленного развития Южно-Уральских рабочих,—а отсюда наличие у них особенностей крестьянской психики и земледельческой идеологии именно сказались, в конечном счете отмеченными Георгиевским—непривычностью к затяжной борьбе, неравномерностью революционного напряжения, отсутствием коллективной спаянности, анархичностью действий и т. д.

Аналогичными чертами южно-уральскую борьбу характеризует и Берзин, оценивая Миасскую операцию 2 июня. Конечно, нельзя не признать, что военно-техническая подготовка боевиков была слаба, а опыта совершенно не имелось. Это было естественно, так как рабочие были мобилизованы от станка, а крестьянская молодежь—от сохи. Хорошего командного состава не было, так как не имела его партия, жившая до сего времени подпольной политической жизнью и не имевшая ничего общего с военным делом.

Офицерства не было в революционных Уральских рядах, исключая одиночек, *да и не могло быть, ибо оно было активной и основной силой врагов революции*; ибо оно на второй же день октябрьской революции из всех гарнизонов Южного Урала (Уфы, Самары, Челябинска, Троицка и т. д.) ушло к Дутову и подняло знамя восстания или укрылось в крестьянско-мещанской массе, переживая момент. Одиночки же, какие имелись, играли видную роль в организации отрядов, хотя и были в политическом отношении большею частью слабоваты.

Отсюда военно-техническая подготовка отрядов была необычайно слаба.

При изучении хроник отрядов поражает большое число случайных ранений, имевших место во всех видах боевой обстановки (в палатке, в лесу, на заставе, в каюте парохода, в барже, в обозе, в походном строю, в цепи, во время

занятий, в стрельбе и т. д.). Это, очевидно, обуславливалось неумением обращаться с оружием, массовой необученностью, — это является признаком сырого необученного пополнения, образовавшего отряды.

Но случаями неумения обращаться с оружием, необученностью и малой подготовленностью в военном отношении не менее была богата и противоположная сторона. Очень плохо владел на первых порах винтовкой рабочий — еще хуже гимназисты и купеческие сынки, составившие первые добровольческие батальоны буржуазии. То, что Берзин указывает, как пришлось под Миассом расставлять бойцов по полю сражения и учить их основным приемам — это же наблюдалось в сражении под Бугульмой и на стороне белых; подобных явлений было, очевидно, много с обеих сторон, и они ничего не доказывают, так как в условиях начала неожиданной борьбы все хваталось за те средства, какие имелись под руками и оборонялись теми силами, какие находились в этот момент.

Наоборот, пролетарская сторона имела, пожалуй, известный перевес в том, что в ее рядах, при отсутствии офицерства, было больше солдат-фронтовиков с опытом минувшей войны — к тому же рабочие вообще были более способны к выносливости и выдержке. Однако, действительно верно, что в момент открытия гражданской войны количество активных и обученных бойцов на обеих сторонах было незначительно и поскольку приходилось еще при этом для мобилизуемых сочувствующих масс выделять известный организационный кадр военных руководителей, пролетариат стоял несомненно много ниже своих противников.

Какие же в общем выводы дает пройденный исторический путь и опыт гражданской борьбы уральского пролетариата?

Главные из них исчерпываются следующими положениями:

1. Наличие непосредственно уясняемой ярко-выраженной экономической обусловленности операций и этапов борьбы.

2. Зависимость тактических и организационных форм от экономики и людского материала.

3. Последовательность военного совершенствования пролетарских боевых сил.

4. Пролетариат—лучший материал для создания современной армии.

5. Важность организующего и руководящего центра.

6. Значение командного кадра в создании вооруженных сил.

7. Творческая роль самодеятельности масс.

8. Решающее значение активности и наступательности.

Уральский пролетариат горьким опытом осознал эти истины. В будущей революционной борьбе они должны явиться исходным базисом военно-творческой работы.

Исторические документы.

I. Устав боевых организаций народного вооружения.

(Назначение Б. О. Н. В., сущность работы и тактики).

1. Б. О. есть та сила, на которую только должна и может действительно опереться революционная демократия в осуществлении и проведении в жизнь законов крестьян и рабочих.

Б. О. есть тот кулак, с помощью которого пролетариат добьет крепостников-помещиков и обезвредит воинствующую буржуазию.

Б. О. есть один из необходимейших органов государства рабочих и крестьян, через который все эксплуатируемые массы народные должны быть перестроены в боевой порядок эксплуататоров.

Б. О. в своем развитии ассимилируют (поглощают) жизненно необходимые функции полиции и постоянной армии, отрубая функции противонародные.

Б. О. проводит в жизнь—конкретизирует (воплощает идеи программы социалистических партий перехода от полиции и постоянной армии к народному вооружению, от бюрократии (чиновничества) к демократическому обслуживанию всех функций государства.

Б. О. является одной из жизненных ячеек государственного устройства, наилучше обеспечивающего, как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности.

2. Б. О. непосредственно осуществляют на местах проведение в жизнь законов, декретов и распоряжений, как центрального (совет комиссаров), так и местного (совет р. с. и к. д.) правительства.

Б. О. организует на местах всех граждан обоего пола с 16 до 35 лет в ячейки для проведения в жизнь законов революционной демократии самим народом.

Б. О. выделяет из себя дружины для непосредственного боя с отрядами вооруженной буржуазии.

3. Б. О. есть активнейшая часть революционной демократии и, базируясь на самых широких массах пролетариата и беднейшего крестьянства, в своих действиях всегда верна действиям передового борца масс.

Выдвигаясь на аванпосты пролетарской борьбы, Б. О. стройной и гибкой организацией ложатся широкой базой на массы и никогда в своих действиях не оторваны от масс, а, напротив, питаемы лучшими силами и сгущенными силами народной воли к творению новых форм жизни.

1. Б. О.—носительница идей целесообразнейшей борьбы масс, максимум организованности, дисциплины и техники.

II. Б. О. в своей внутренней жизни—автономные организации.

III. Б. О. есть исполнительный орган советов Р. С. и К. Д.

IV. Совет Б. О. и Исполнительный Комитет Р. С. и К. Д. взаимно представлены для правильного освещения политических или специальных вопросов.

V. Дружинниками могут быть граждане обоего пола с 18 лет.

VI. Прием в народное вооружение для обучения владеть оружием производится через сельские, заводские комитеты или профессиональные союзы.

VII. Прием в боевые организации народного вооружения (для населения повседневной боевой работы) производится боевыми центрами за поручательством партий, входящих в Советы Р. С. и К. Д.

VIII. Боевые организации (первая и вторая дружины) народного вооружения строятся так:

1. При Советах Р. С. и К. Д. организуется группа партийных товарищей, знакомых с боевым делом; в процессе

работы к ним центром этой группы подбираются все партийные товарищи, действительно могущие быть организаторами-инструкторами; и все время, копируя опытных и отстраняя менее опытных, образуется первая дружина боевой организации; в первую дружину входят все выборные на боевые должности: первая дружина есть руководящий орган боевых организаций по специальным вопросам.

2. Вторая дружина Б. О. набирается по личным связям из числа партийных товарищей, по своим личным качествам способных к преодолению тяжести боевого дела. Дружинники второй дружины находятся во всякое время в боевой готовности.

Вторая дружина проходит полный курс гражданского и боевого обучения, проводит в жизнь строжайшую революционную демократическую дисциплину, несет повседневную работу вооруженных граждан, исполняя народно-необходимые функции полиции и постоянной армии.

IX. Каждый дружинник первой и второй дружины всегда имеет двух близких товарищей дружинников поручителями.

X. Для проведения в жизнь закона о страховании, дружинники, потерявшие трудоспособность в бою или на боевой работе и семьи пострадавших и убитых, получают пенсию от советов Р. С. и К. Д.

XI. В случае снятия с работы боевики имеют право от советов Р. С. и К. Д. на суточное довольствие.

XII. Никаких внешних отличий, заметных для других граждан, дружинники носить не могут.

XIII. Дружинники первой и второй дружины по своей инициативе всегда и везде вмешиваются, видя нарушение нашего закона гражданами, и в серьезных случаях каждый раз сообщают об этом центрам.

XIV. За оружие, патроны и т. п. имущество дружинники ответственны материально и дисциплинарно и поручительством.

XV. Входя во вторую дружину, товарищ вверяет себя товарищам первой и второй дружины в лице выборного товарища начальника отряда, совета Б. О., товарищеского суда и общего собрания.

XVI. Выход из дружины возможен только после исполнения возложенных поручений при наличии заместителей и при заблаговременном заявлении о выходе (не менее двух недель).

XVII. За оставление поста, не дождавшись смены, за невыход к бою и уклонение от боя так же, как за нетрезвое состояние, наивысшее наказание.

XVIII. Начальники товарищи ответственны перед дружинами за боевую готовность отрядов и за каждого из его отряда за обучение, за дисциплину, за имущество.

XIX. Начальники ведут запись работы каждого товарища его отряда; обсуждают проступки товарищей наедине с провинившимися или перед отрядом или на общем собрании и в Совете и предадут суду недисциплинированных товарищей.

XX. Во время боя товарищиверяют свою жизнь полностью товарищу начальнику.

XXI. Во главе боевой организации (первой и второй дружины) боевой совет, демократический выбранный на общем собрании дружин.

XXII. В. О. делится по специальностям на разведчиков, стрелков, гренадеров, пулеметчиков, сапер и т. д.; дружины и отряды делаются на десятки, сотни, тысячи. Во главе отрядов выборные начальники с заместителями.

XXIII. Третья дружина (резерв боевых организаций) народного вооружения.

Все рабочие и крестьяне, подчиняющиеся дисциплине Советов Р. С. и К. Д.—организуются демократическими центрами (советами Р. С. и К. Д., заводскими комитетами, профессиональными союзами, сельскими комитетами и т. п.) в десятки и ведут боевую подготовку под руководством товарищей первой дружины, приглашая последних через боевые центры к себе в определенное время. Оружие имеют только для обучения. Из этих товарищей пополняется вторая дружина и формируются отряды в случае надобности.

Неубежденный и малодушный не должны быть дружинниками; гражданин, берущийся за оружие для защиты только своей личности, не должен быть дружинником; гра-

жданин, склонный быть нетрезвым, не должен быть дружинником.

Ветугая в дружину, товарищ должен отчетливо понять свое назначение.

Товарищ должен отчетливо понять свое место и место боевой организации в организме нашего государства, к созданию которого мы приступаем.

XXIV. Народное вооружение.

Вся демократия, поддающаяся организационному влиянию, является базой для первых трех дружин и в этом смысле, будучи организована в ячейки, является четвертой дружиной относительно первых трех.

Каждые 10—100 граждан обоего пола от 16 до 55 лет, примерно должны соединиться для несения различных функций государства: самообрана, продовольствие, санитария и вообще проведение в жизнь строительства новой жизни, являясь той массовой организацией народа, через которую формируется воля революционной демократии и которая осуществляет наши законы. Организованные граждане, опираясь на вооруженную силу товарищей (на первые три дружины), постепенно берут в свои руки все функции нового государства, исполняя равномерно распределенные общественные обязанности и этим делая излишним существование чиновничества и полиции (теперешней милиции). Изодня в день граждане, ведущие таким образом работу по строительству своей жизни, подготавливаются сами и создают общественную организацию, где каждый принимает непосредственное активное участие в производстве, в распределении продуктов производства, в создании своего закона и в проведении его в жизнь.

(Устав выработан первым съездом боевых организаций Уфимской губернии 12 декабря 1917 года).

Губернский Центр боевых Организаций Народного вооружения.

II. Первая инструкция для стрелка народного вооружения.

1. Получив винтовку, самому просить товарищей научить ее смазывать (разбирать, собирать).

Смазывать ствол и затвор каждый раз после стрельбы и придя с холоду (когда отпотееет).

2. Каждый день, не менее двух раз, начиная с пяти минут и дойдя до 20—30 минут, целиться.

Поставить 1) ступни параллельно, расставив ноги на $\frac{3}{4}$ аршина и 2) опираясь ровно на обе ноги, 3) немного наклониться вперед, 4) винтовку положить на левую руку как на упор и 5) перпендикулярно — вставить в правое плечо, 6) сильно прижав приклад, 7) правой кистью охватить шейку приклада, 8) второй сустав наложить на собачку, 9) голову наклонить вперед, 10) через прорезь прицела взять „ровную мушку“ по прямой линии сверху вниз, поднимая винтовку дулом вверх и 11) все время нажимать на собачку и на шейку приклада всеми пальцами так, чтобы курок сам собой спустился (щелкнул) как раз в тот момент, когда „ровная мушка“ подойдет под цель.

3. Сделав (или получив готовые) пятнадцать учебных патронов, каждый день по несколько раз быстро схватывайте винтовку, прижимайтесь к косяку, прячьтесь за стол или ложитесь на пол за что-нибудь и учитесь быстро заряжать винтовку; не торопаясь, целитесь; после щелканья курка, через секунду (эта секунда, чтобы следить глазами за результатом выстрела) выбрасывайте стрелянную гильзу и заряжайте быстро.

Научитесь заряжать, не глядя на патроны и винтовку, а следя глазами за противником.

4. Научитесь употреблять прицел, и, идя по улице, полю и лесу, приучите себя определять расстояния от вас до определенных предметов.

5. Никаких „ружейных приемов“, никакой „шагистики“ вам знать не нужно.

6. Вы должны научиться стрелять и привыкнуть к винтовке настолько, чтобы она вас не обременяла.

7. Стрелять научиться скоро и дешево не тот, кто будет много раз стрелять, а тот, кто ежедневно около часу занимается упорно „прикладкой“, т.е. целится, заряжает, разряжает учебными патронами.

На стрельбу идите не учиться стрелять, а проверять себя: правильно ли вы занимаетесь прицелкой.

В первый раз выпустите один патрон, во второй три и в следующие по пяти; раз в неделю стрелять, а затем раз в месяц достаточно, чтобы себя проверять, но при условии ежедневно упорно целиться.

8. Надо отчетливо понять три основных свойства современного нарезного оружия:

- 1) скорострельность,
- 2) дальность,
- 3) настильность.

(Пуля стелется по земле, а не взлетает сперва вверх, а потом падает вниз, как было раньше).

9. Сомкнутых строев никаких недопустимо.

10. Передвигаться нужно при походе небольшими группами (3—5 человек) на расстоянии не менее 15 шагов группа от группы, а наступать надо друг от друга не ближе, как шагов на 5—7 и до 50 в зависимости открытое место или закрытое (город, лес, горы).

11. Единственный строй—это одношереножный во время учения, чтобы приобрести „дисциплину строя“.

12. Ясно понять, что, передвигаясь, нужно помнить дальность, скорострельность и настильность современного оружия; надо быть всегда невидимым, пользуясь всеми неровностями и закрытиями.

13. Впереди, сбоку и сзади, всегда идут небольшие группы товарищей для предупреждения о неприятеле (дозоры).

14. Для охраны выставлять всегда не менее двух часовых на один пост и так, чтобы они видели все, но чтобы их никто не видел.

15. Крепко усвоить, что с поста до смены, что бы с вами ни случилось, уходить нельзя, так как общее дело выше, ценнее отдельного члена; бросая пост, губишь может быть многих товарищей, а это значит можешь оказаться предателем.

16. Никаких паролей при смене употреблять не нужно, надо всегда сменяться через лично известных товарищей.

17. Уходя домой, говорите товарищам, где вас найти; уходя из дому не в обычное место,—то же самое.

18. Идя в бой и находясь в цепи, каждый стрелок должен знать боевую задачу своего десятка, своей сотни и своего отряда так же, как и всегда помнить общую цель и смысл борьбы своего класса и своей партии и ими руководствоваться во время боя.

19. При ведении боя в незнакомой местности держаться всегда вдвоем, втроем с близкими товарищами.

20. Недопустимо и позорно шутить оружием и целиться друг в друга.

21. Никогда не стрелять, чтобы пугать и поднять этим свое настроение; целитесь и стреляйте только тогда, когда надо убить.

22. Испробовав все средства морально дезорганизовать противника (переговоры, воззвания), стреляйте на выбор по руководителям противника.

23. Винтовку хранить так, чтобы противник никогда не мог ей воспользоваться: патроны отдельно, затвор, завернув в масляную тряпку, отдельно, чтобы противник не имел годной винтовки, а другие не баловались.

Уфимский губернский центр боевых организаций народного вооружения.

Январь 1918 года.

III. Инструкция первой и второй Губернским дружинам боевых организаций народного вооружения.

На основании постановлений трех Губернских Съездов и Губернского Совета Б. О. Н. В.

1. Первая (Губернский Совет) и вторая (инструктора) губерnsкие дружины и первые и вторые местные дружины боевых организаций народного вооружения являются основными мобилизационными ячейками Красной Армии губернии.

2. Первая и вторая дружины передвигаются по губернии и за пределы губернии по распоряжению губернского со-

вета согласно с руководящими органами губернии или центров.

3. На местах остаются всегда мобилизационный штаб с достаточным числом инструкторов.

4. Из третьих дружин при надобности формируются отряды на определенные выступления.

5. Мобилизация производится по трем разрядам: I — от 18 до 27 лет; II — от 27 до 35 лет; III — от 35 до 55 лет.

6. Срок несения обязанностей дружинника не менее 6-ти месяцев.

7. Пока не будут выработаны размеры пайка натурой всем неработоспособным членам семьи и самому дружиннику — семья получает в случае отъезда дружинника его средний местный заработок, а он сам 7 руб. суточных.

8. Боевые организации, являющиеся в нашей губернии ядром Красной Армии, есть та сила, на которую только должна и может действительно опереться революционная демократия в осуществлении и проведении в жизнь законов крестьян и рабочих.

9. Боевые организации один из необходимейших органов государства рабочих и крестьян и с помощью б. о. все эксплуатируемые народные массы должны быть организованы так, чтобы пойти в последний бой против эксплуататоров.

10. Боевые организации, не дожидаясь ни от кого указаний, сами должны проводить в жизнь пункты социалистических программ об уничтожении полиции и постоянной армии и замены их народным вооружением, т.-е. мы должны взять на себя всю для народа полезную работу армии и полиции и беспощадно бороться против вредных для народа работ полиции и чиновников и добиваться, чтобы все полезное из их работ делалось выборными от крестьян и рабочих.

11. Мы призваны быть на страже Рабоче-Крестьянского правительства советов, мы непосредственно имеем дело с населением и вводим законы, декреты и распоряжения Совета Народных Комиссаров центрального и местных Советов.

12. Дружинники всегда и везде следят за исполнением гражданами нашего закона и при нарушении его немедленно вмешиваются, чтобы заставить исполнить закон Рабочих и Крестьян и о всех серьезных случаях каждый раз доводят до сведения товарищей руководителей.

13. Поэтому наши организации должны быть самыми лучшими, все всегда должны быть на своем месте и каждый при своем деле без суеты, толкотни и разговоров, каждый дружинник должен понять, что без дружбы (без дисциплины) ничего сделать нельзя и все силы напрягать поддерживать слабого товарища, дружбу не нарушать и понять, что нарушение дружбы в пользу буржуазии и нам во вред, дружинник должен понять, что он боевик, т.е. не просто человек, а мастер во-едино соединившийся с оружием и все силы свои должен направить, чтобы оружие к нему, а он к оружию пришлились, как раз по мерке — и занимаясь не покладая рук, быть грозной силой для контр-революции.

14. Дружинники должны пройти полный курс, как гражданского, так и боевого дела. Должен сам добиваться, понять как идет жизнь и как надо ее строить для счастья пролетариев-трудящихся. Должен сам все спросить и выспросить, сам должен всему научиться, а не ждать чтобы понукали к занятию и в рот клали — „освобождение рабочих есть дело самих рабочих“.

15. Неубежденный и малодушный не должны быть дружинниками; гражданин, берущийся за оружие для защиты только своей личности, не должен быть дружинником; гражданин склонный быть нетрезвым, не должен быть дружинником.

Вступая в дружину, товарищ должен отчетливо понять свое назначение.

Товарищ должен отчетливо понять свое место и место боевой организации в организме нашего государства, к созданию которого мы приступаем.

16. Дружинники 1-й губернской дружины делают при тревожном положении доклады ежедневно в свои отряды в г. Уфе по несколько раз в неделю всегда и раз в месяц ездят для докладов на места.

17. Товарищи начальники отвечают за боевую готовность своих отрядов и каждого его дружинника, за дружбу (дисциплину), за обучение и за имущество.

18. Товарищи начальники ведут запись работы каждого товарища в своей тетрадке и в тетрадке дружинника, которую последний всегда имеет при себе (сколько раз стрелял из винтовки и сколько попал, из пулемета, как бросал бомбы, как стоял на карауле, как делал разведку и т. п.).

19. Товарищи начальники выговаривают провинившимся сперва наедине и растолковывают что значит дружба и почему провинность идет против дружбы, потому если у товарища совести мало перед его десятком, чтобы видела, что начальник один не хочет быть в ответе за него и товарищи должны вместе с начальником его приехать, а затем и при отряде и на общем собрании, а если он бесовестный—начальник должен его предать суду.

20. Игры в карты и в другой азарт есть преступление против дружбы, потому что от этого всякие чувства скверные развиваются в нас, вносят ссору—и карается это строжайшим образом.

21. С поста до смены, чтобы не случилось, уйти нельзя, надо крепко понять, что общее дело выше каждого из нас, бросая пост может быть губишь многих товарищей, значит дружинник идет против дружбы, а может и просто окажешься предателем и виновником в гибели товарищей.

22. Говори всегда только то, что нужно, а не то, что можно.

23. Нетрезвый может пойти на скандал и произвести шум где не надо—сыграет на руку контр-революции: у нетрезвого не все дома и язык слабо подвешен, выболтать может, что угодно—значит может предать; нетрезвый характер покажет товарища, обидит, свару затеет—все против дружбы, наивысшее наказание за нетрезвость от нас.

24. Когда говоришь, что нибудь важное, оглядись нет ли посторонних—тяжко будет если предашь ненароком.

25. Никого из посторонних никогда не пускай к себе—почем ты знаешь, зачем он пришел.

26. Семействам и своим можно посещать дружинников только от 2 до 5 часов (с 14 до 17) и принимать гостей можно только в приемной или клубе дружинном.

Никто, кроме дружинников, а особенно жены и семейства, в ночное время в помещениях находиться не могут, а женщины недопустимы.

27. Неаккуратно выходишь на занятия — ты будешь меньше знать — будешь слаб в борьбе с буржуем; опаздываешь на смену, идешь против уставшего брата — разрушаешь дружбу; выдумываешь предлог не выйти к бою — ты предаешь брата, помогаешь буржую; уклоняешься от боя, бежишь с поля битвы — о чем ты думал раньше, зачем не по себе взял дело — проклянут тебя дети твои.

28. В тревожное время мы работой не считаемся и работаем столько, сколько нужно и сколько хватает сил и каждый дружинник сам из дружбы заботиться обо всех, а не из под палки идет на смену товарища.

29. Отряды, не находящиеся в этот день в карауле, отдохнувши необходимое время, усиленно ведут занятия стрельбой боевыми патронами, бомбами, пулеметами, занимаются прицелкой, рассыльным строем.

30. Все дружинники 1-ой губернской дружины, совета, штаба обязаны немедленно найти время ежедневно заниматься прикладной винтовкой, пулеметом особенно.

31. В отрядах и в Уфимской местной б. о. немедленно удвоить число учеников пулеметчиков и ежедневно давать им несколько часов специально для занятий и стрельбы пулеметами, освобождая их для этого от караулов.

32. Основа боевого дела — все всегда готовы к бою. Неуклонно проводить в жизнь — как можно меньше товарищей в караулах, как можно больше в сборе на занятиях, на отдыхе, на готове.

33. Уменьшить число постов, оставляя действительно самые необходимые.

34. На посты ставить обязательно по двое.

35. Оружие только для того, чтобы убивать.

36. Недопустимо и позорно шутить оружием и целиться друг в друга для забавы.

37. Никогда не стрелять, чтобы пугать; не стрелять особенно ночью, чтобы пугать других и поднять этим свою храбрость; цельтесь только в того, кого надо убить и стреляйте только тогда, когда вам ясно, что надо убить.

38. Стреляйте всегда на выбор по начальникам, по руководителям и по тем, которые несут у противника службу связи, разведку, а потом уже по другим.

39. Всегда взем ходить с винтовкой или в крайнем случае с револьвером — без оружия никогда никуда не ходить.

40. Всегда иметь при себе патроны.

41. Товарищам дружинникам из губернии всегда по своим делам в свободное время ходить по городу группами и всегда с оружием.

42. За оружие, патроны и всякое имущество дружинники отвечают материально — должны уплатить стоимость утерянного или испорченного, подлежат наказанию и за каждого отвечают их товарищи поручители.

43. Каждый дружинник всегда имеет двух близких товарищей поручителями.

44. Получив винтовку, сам попроси товарищей научить тебя ее смазывать, разбирать, собирать; смазывать ствол и затвор каждый раз после стрельбы и придя, с холоду — когда отпотеет. Начальники десятков и отрядов, два раза в месяц, проверяют при полной разборке состояние винтовок, количество патронов и всего имущества и передают суду ленивых или небрежных.

45. Стрелять научится скоро и дешево не тот, кто будет много раз стрелять, а тот кто ежедневно около часу занимается упорно „прикладкой“, т. е. целится, заряжает, разряжает учебными патронами.

46. Научитесь заряжать не глядя на патроны и винтовку — во время заряжания нужно все время смотреть только за противником.

47. Научитесь употреблять прицел; идя по улице, по полю, по лесу, на горе, приучите себя измерять глазами расстояния до определенных предметов и проверять потом шагами.

48. Каждый день, не менее двух раз в день, целитесь с руки, каждый раз начиная с пяти минут и кончая 20—30 минутами, под конец не беря к ноге.

49. Вы должны привыкнуть к винтовке настолько, чтобы не только она вас не обременяла, а наоборот, чтобы без винтовки вам было неловко, непривычно.

50. Передвигаться нужно при походе небольшими группами (3—5 человек) на расстоянии не менее 15 шагов группа от группы, а наступать надо друг от друга не ближе, как шагов на 5—7 и до 50, в зависимости открытое место или закрытое (город, лес, горы).

51. Идя в бой и находясь в цепи, каждый стрелок должен знать боевую задачу своего десятка, своей сотни и своего отряда, так же, как и всегда помнить общую цель и смысл борьбы своего класса и своей партии и ими руководствоваться во время боя.

52. Заряжая и разряжая нужно неукоснительно помнить о дружбе и товарищах и направлять ствол оружия на вольном воздухе вверх или круто в землю, а в помещении вверх во внешнюю стену—никаких оправданий за убийство товарища по небрежности.

53. В каждом отделе иметь разведчиков, которые должны от местных разведчиков (в Уфе от уфимских) получить разъяснение по всем пунктам инструкций для разведчика и знать все, что где находится.

54. В каждом отряде иметь план и карту и каждому дружиннику познакомиться с планом и картой, и городом, и местностью в натуре (в Уфе со всем, что нужно знать).

55. Разведку местности всегда в первый раз производить днем, а потом уже при темноте, а не наоборот.

56. Расстояния всегда обозначать и мерой длины и времени, необходимым проехать и пройти.

57. Расстояния между определенными предметами на местности, где может быть бой, знать заблаговременно, а не мерить в последний момент.

58. Знать заранее прямые и обходные дороги, также как проходные дворы и число выходов у домов.

59. Знать заранее узкие проходы, мосты, спуски и места удобные для фугасов и мин.

60. Знать заранее горы, элеваторы, вышки, чердаки, могущие быть использованными для дальнего кругозора или постановки пулеметов, расстояния от них до определенных предметов.

61. Боеспособность зависит от чистоты, чистого воздуха, пищи, а главное от того, что человек всегда деятелен.

Сырой воды нельзя пить, так как в больших селениях она загрязнена и в частности ужасной болезнью—тифом брюшным.

От вшей бывает сыпной тиф.

От чужого или грязного полотенца заражаются глаза.

Стричь волосы—к волосам прилипают всякие микробы.

Подстригать ногти—под ними хорошо жить микробам.

Чистить зубы щеточкой ежедневно.

Ходить в баню аккуратно.

Обмывать ноги.

На пол не плевать.

Окурков не бросать.

61. Курить только там, где указано, так как против дружбы заставлять некурящих дышать вашим дымом и скверным воздухом.

При входе со двора вытирать ноги.

Одежду и обувь высушивать тотчас по приходе.

Посуду мыть тотчас после еды.

Хлеб и пищу всегда держать закрытыми.

Есть только в столовой.

В сапогах на кровать не ложиться.

Когда товарищи отдыхают, не петь, громко не говорить, не стучать и ходить на цыпочках для дружбы, чтобы товарищу отдохнуть и быть боеспособным.

Грязного белья в общежитии не держать.

62. Особенно заботиться о ногах—стричь ногти, мыть, всегда держать в тепле—высушивать портянки и носки.

63. Постановления местных организаций обязательны в губернских отрядах только после утверждения первой губернской дружиной.

64. Исходя из того, что народное вооружение в высшей степени новое дело и может правильно развиваться только при активном участии всех товарищей дружинников, всем боевым организациям предлагается систематически протоколировать весь свой опыт и сообщать в центр.

65. Отчетливо усвоить каждому дружиннику, что кроме нас никого нет, кто бы должен был заботиться о нас. Никто никому ничего не должен. Мы должны делать все сами организационным путем.

Требующим только от других к себе забот и неспособным заботиться о себе и помогать другим лучше не быть дружинником—они не туда попали.

Мы призваны творить волю нас пославших и все должны делать сами для себя и для всех, изыскивая сами все средства и пути сделать лучше и устроить жизнь хорошую и для себя и для других.

Начальник Уфимского Губернского Штаба Красной
Армии и боевых организаций Э. С. Кадомцев.

14 марта 1918 года.

Хроника событий.

1917 г.

5-го марта. Образование в Уфе Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

25—27 апреля. 4-я Партийная Конференция РСДРП на Урале.

12-го сентября. Погром и беспорядки в Уфе.

26-го октября. Провозглашение Советской Власти в Уфе.

6-го декабря. Отправка из Уфы 1-й части на борьбу с Дутовым.

7-го декабря. Установление Советской власти в Челябинске.

8-го декабря. Восстание Дутова в Оренбурге.

12-го декабря. 1-й съезд боевых организаций народного вооружения в г. Уфе.

25—26 декабря. Организация и отправка первых рабочих отрядов из Аша Балашовского и Миниарского заводов на борьбу с Дутовым.

1918 г. н.с.

Январь.

2-го. Обезоружение забайкальских казаков на ст. Уфа.

3-го. Постановление Уфимского Ревкома о мобилизации рабочего населения на борьбу с Дутовым.

13-го. Занятие красными ст. Сырт. Поражение частей Дутова.

12-го. II-й Съезд боевых организаций народного вооружения.

19-го. Занятие Оренбурга.

М а р т.

12-го. III-й Съезд боевых организаций народного движения.

24-го. Издано положение о татаро-башкирской Советской Республике.

26-го. Верхне-Уральск занят рабочим отрядом Чевырева.

А п р е л ь.

12-го. 4-й Съезд боевых организаций народного движения.

28-го. Разгром Дутовских отрядов в районе Верхне-Уральска и горы Магнитной.

М а и.

5-го. Захват казачьим отрядом г. Оренбурга.

17—19-го. Мятеж максималистов в Самаре.

26-го. Выступление чехо-словаков в Челябинске и Омске.

20—25-го. Месягутовское восстание.

30-го. Выступление чехо-словаков в Пензе и Сызрани.

30-го. Открытие 3-го Губернского съезда Советов в г. Уфе.

И ю н ь.

1—3-го. Губернский съезд народного вооружения. Объявление Уфимской губернии на военном положении.

1—2-го. Первые бои под Миассом.

2-го. Бой под Безенчуком.

4-го. Бой под ст. Липяги.

6-го. Открытие в Уфе съезда батраков и крестьянской бедноты.

7-го. Мобилизация и перевод на казарменное положение Уфимской партии коммунистов-большевиков.

- 8-го. Сдача Самары чехо-словакам.
12—15-го. Ново-троицкое крестьянское движение.
19-го. Сызрань занята вновь чехо-словаками.
15—20-го. Восстание в Саткинском заводе.

И ю л ь.

- 1-го. Бой у ст. Каргала отряда Каширина, Блюхера с казачьими частями.
3-го. Эвакуация красными Уфы.
4-го. Занятие казаками Оренбурга.
5-го. Занятия чехами г. Уфы.
8-го. Занятие чехо-словаками Златоуста.
— Занятие чехами г. Троицка.
11-го. Измена Главнокомандующего Муравьева и смерть его в Симбирске.
16-го. Казаки занимают Белорецк.
25-го. Занятие чехами Екатеринбургa.
26-го. Занятие чехами Самбирска.

А в г у с т.

- 5-го. Бой под Бугульмой.
5-го. Вторичное очищение красными Белорецкого завода.
6-го. Занятие чехо-словаками Казани.
9-го. Бой под Дюртюлями.
12-го. Бой у села Петровского, близ Стерлитамака.
19-го. Бой у села Ирныкши отряда Блюхера.
20-го. Начало восстания в Ижевском заводе.
22-го. Бой у Вердиной Поляны передовых частей Блюхера, Каширина.
29—30-го. Бой на линии Самарско-Златоустовской жел. дороги у ст. Иглино-Тавтиманово и села Новотроицкое.

С е н т я б р ь.

- 3-го. Бой на реке Уфимке отряда Каширина.
10-го. Взятие Казани советскими войсками.

12-го. Занятие советскими войсками Симбирска.

26-го. Соединение рабочей армии Южного-Урала под командой Блюхера и Каширина с советскими частями под Кунгуром.

О к т я б р ь.

4-го. Под Орском разбиты казачьи отряды. Сызрань занята красными войсками.

Н о я б р ь.

6-го. Ижевск занят красными войсками.

Перечень упоминаемых участников Южно-Уральских событий 1917—18 г.г.

1. Арцыбушев—старый большевик, организатор Б. О.
2. Блюхер—командующий уральскими отрядами.
3. Белицкий—член Высшей Военной Инспекции.
4. Блохин—начальник обороны города Уфы, командарм 2.
5. Берзин—окружный Сибирский военный комиссар.
6. Буринов—комрот отряда Чевырева.
7. Бочкарев—организатор Б. О. Златоустовского района.
8. Башкатов—Стерлитамакский уездвоенком.
9. Войцеховский—командующий Челябинской чехо-словацкой группой.
10. Голощекин—Екатеринбургский окружной военный комиссар.
11. Гай—участник Самарских событий.
12. Галкин—старый большевик.
13. Головно—командир Полтавского красного полка.
14. Гайда—командующий Сибирской чешской группой.
15. Глинский командир—из отряда Блюхера-Каширина.
16. Гилин—начальник Пермского отряда.
17. Гавриленко—начальник Самарского отряда.
18. Гузанов—помощник командующего Уральско-Оренбургским фронтом.
19. Дутов—полковник (атаман) Оренбургского войска.
20. Дальберг—командир Архангельского отряда.
21. Зиновьев—командующий Туркестанскими отрядами, позднее командарм Турк.-армии.
22. Зенцов—старый большевик, организатор Б. О.
23. Жиров—комбат из Уфимского отряда.

24. Ковшов—командир Златоустовского отряда Б. О.
25. Кадомцевы—Эразм, Михаил, Иван—организаторы Б. О.
26. Наширины Николай и Иван—командиры Верхнеуральских казачьих отрядов.
27. Калмынов—командир Богоявленского отряда.
28. Князев—командир Уфимского отряда.
29. Купчунас—командир Бирского полка.
30. Косолапов—командир тяжелой батареи Уфимского отряда.
31. Кобозев—командующий Туркестанскими отрядами.
32. Карташов—командир из отряда Блюхера-Каширина.
33. Кононов—командир из отряда Блюхера-Каширина.
34. Лямин—Мензелинский военрук.
35. Малышев—командующий Златоустовским фронтом.
36. Павлицев—командир Белорецкого отряда.
37. Подвойский—Наркомвоен.
38. Пашковский—начальник штаба Уфимского отряда.
39. Пальвадре—командир эстонского полка.
40. Русяев—начальник штаба Троицкого отряда.
41. Сычев—командир коммунистического батальона Уфимского отряда.
42. Старинов—комрот Чевыревского отряда.
43. Сангурский—начальник штаба Зиновьева.
44. Точиский—старый большевик, организатор Белорецкого района.
45. Тарасов—начальник Златоустовских отрядов.
46. Трайнин—участник Самарских событий.
47. Томин—командир Троицкого отряда.
48. Шведов—командир легкой батареи Уфимского отряда.
49. Опарин—боевик из Богоявленского отряда, вел ответственную работу в Б. О.
50. Якугов—большевик, дружинник Уфимской организации 1906 года.
51. Ямбулатов—комиссар мусульманской дружины в боях под Миасами.

Общий перечень и критика источников.

Эпоха бурной борьбы Южного Урала в 1917—18 году, в силу своего неорганизованного характера, не сохранила о себе непосредственных документов и архивных материалов, на основе коих можно было бы составить точное и фактически достоверное описание событий. Все, что мы сейчас имеем по этому вопросу, — это случайно уцелевшие разрозненные копии распоряжений и протоколов; по существу единственным, хотя и не весьма надежным материалом, ныне являются памятные заметки и воспоминания различных деятелей и участников борьбы. Очевидно, в силу указанного недостатка, наша молодая историография гражданской войны до сего времени почти не затрагивала вопросов Уральских событий 1918 года. Отдельные мелкие статьи и заметки, появлявшиеся случайно в печати, имеют характер воспоминаний и с военно-научной точки зрения представляют весьма малую ценность.

Все просмотренные материалы и литературные источники разбиваются на следующие группы:

1. Непосредственные документы.
2. Печатные и рукописные материалы, в виде статей, докладов, газет и т. д.
3. Статистическо-экономические источники.
4. Общие труды и руководящие пособия.

Первая категория источников, кроме своего чисто фактического значения, является особо важной, ибо позволяет применить научно-исследовательский метод в изучении событий и явлений. Однако, количество подобных материалов весьма незначительно.

Вторая категория источников — статьи и воспоминания участников — страдает субъективизмом и неточностью изложения фактов во времени и пространстве.

Что касается третьего вида — источников статистическо-экономического порядка — главным затруднением является отсутствие обработанных и систематизированных цифровых данных желательного рода. Вопросы промышленности, классового расслоения и ряд других в очень слабой степени проработаны статистикой дореволюционного периода. Отсюда — трудность подбора необходимых цифровых данных и неизбежность использования разнообразных сборников и материалов. Труды общего характера использованы для выяснения общих особенностей революционного процесса, а также для обработки подсобных вопросов.

В дополнение к этому, ввиду неясности многих моментов и фактов Южно-Уральской действительности, произведен личный опрос целого ряда видных участников Уральских событий и, после проверки, использованы их указания и информация. (Список этих лиц приводится ниже).

Статистическо-экономические источники.

- 1) „География России“ под ред. Семенова-Тяньшаньского. Том IX—Приуралье.
- 2) Арский. „Урал“. (Брошюра).
- 3) Доброхотов. „Урал“. (Сборник).
- 4) Миронова. „География Уфимской губ.“.
- 5) Журнал „Народное Хозяйство“ за 1919 г., № 8.
- 6) Ленин. „Аграрный вопрос в России к концу XIX века“.
- 7) Экономическое расслоение крестьянства в 1917—19 г.г. Изд. Ц. С. У.
- 8) Красильников. „Экономическое положение Уфимского Края“.

Труды общего характера.

- 1) Степанов. „История Парижской коммуны 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции.“
- 2) Спиридович. „Партия с.-р. и ее предшественники“.
- 3) Спиридович. „История СДРП“.
- 4) Лядов. „25 лет РКП“.
- 5) Гриневецкий. „Послевоенные перспективы русской промышленности“.
- 6) Майский. „Демократическая контр-революция“.
- 7) Бухарин. „Классовая борьба и революция в России“.
- 8) Российская Коммунистическая Партия Большевиков в революциях ее съездов и конференций (1898—1921 г.г.).
- 9) К прекращению гражданской войны внутри демократии. (Сборник группы „Народ“).
- 10) Святицкий. „К истории Учредительного Собрания“.

Непосредственные документы и источники.

- 1) Материалы С. М. Белицкого „О боевых действиях под Екатеринбургом“.
- 2) Материалы Подвойского. Статья „от Самары до Воронежа“ (о Высшей Военной Инспекции). Статья Берзина „О работе Высшей Военной Инспекции“.
- 3) Исторические документы Баш. Истпарта.
- 4) Документы Русяева по истории Южно-Уральского похода.
- 5) Журнал боевых действий Богоявленского полка 30 дивизии.
- 6) Документы Уфимского отряда о Бугульминской операции.
- 7) Газета „Уфимский Рабочий“ за 1905—7 г.г. Орган РСДРП (не полностью).
- 8) Газета „Вперед“ за 1917—18 г.г. Орган РКП.
- 9) Уфимская газета „Земля и Воля“ 1917—18 г.г. Орган с.-р.
- 10) Приказы по боевым организациям и Уфимскому Губернскому Комиссариату № 2, 3, 5, 6 и 7.

Печатные и рукописные материалы.

- 1) Губин. „Чехо-словацкое движение“. (Рукопись ВНО).
- 2) Шарапов. „Оборона г. Орска в 1918 г.“. (Рук. ВНО).
- 3) Юлин. „Орцы в 1917—18 г.г.“. (Рук. Ист. Ком.).
- 4) Онуфриев. „Мои воспоминания из гражданской войны на Урале“.
- 5) Георгиевский. „Очерки из истории Красной Гвардии“.
- 6) Лесевичий. „Борьба за Оренбург“. (Воен. истор. сборник ВНО № 4).
- 7) Октябрьский сборник Уфимского Истпарта за 1920 г.
- 8) Берзин. „Этапы строительства Красной Армии“.
- 9) Четыре месяца учредительщины. „Самарский сборник 1920 г.“.
- 10) „Взрыв изнутри“ (рукопись ВНО). Сборник статей.
- 11) Материалы и отчеты процесса эсеров 1922 г.

- 12) Что сделано Высшей Воен. Инсп. по восстановлению фронта в критические дни 1918 г.
- 13) „Красная Быль“. Сборник Самарского Истпарта № 1 и 2.
- 14) „Революционное прошлое“. Сборник № 1 Баш. Истпарта.
- 15) Вийков. „Из былого Урала“. Сборник Баш. Истпарта.
- 16) Лямин. „Боевые организации народного вооружения“.
- 17) („Красная Армия“ № 2).
- 18) Клессанда. „История чехо-словацкого войска в России“.
- 19) Анулов. „Боевые организации народного движения Южн. Урала“. („Красная Армия“ № 17).
- 20) Эльцин. „Октябрьские дни в Уфе“. (Пролетарская Революция № 10 23 г.).
- 21) Рабочая революция на Урале.—Екатеринбургский сборник под ред. Выкова и Никифорова.
- 22) Гусев. „Уроки гражданской войны“.

Перечень опрошенных лиц.

1. Блюхер, В. К.—Командующий Екатеринбургскими отрядами.
2. Белицкий, С. М.—Член Высшей Военной Инспекции.
3. Борщевский, А. Г.—Комиссар Московского полка.
4. Витрищан, М. Г.—активная руководительница уфимских левых эсеров.
5. Артем Веселый—участник первого похода на Дутова.
6. Голощекин, Ф.—Екатеринбургский Областной Военный Комиссар.
7. Гай—участник Самарских боев.
8. Жиров, И. Т.—Участник боев отряда Чевырева.
9. Дубянский—участник Самарских боев.
10. Егошин, В. И.—Член Уфимского городского Совета.
11. Евлампьев, А. Д.—Военный Комиссар Уфимской губернии.
12. Иоффе, С.—Член Высшей Военной Инспекции.
13. Кривов, Г.—старый большевик, уфимец.
14. Надомцев, Э. С.—организатор Б. О.

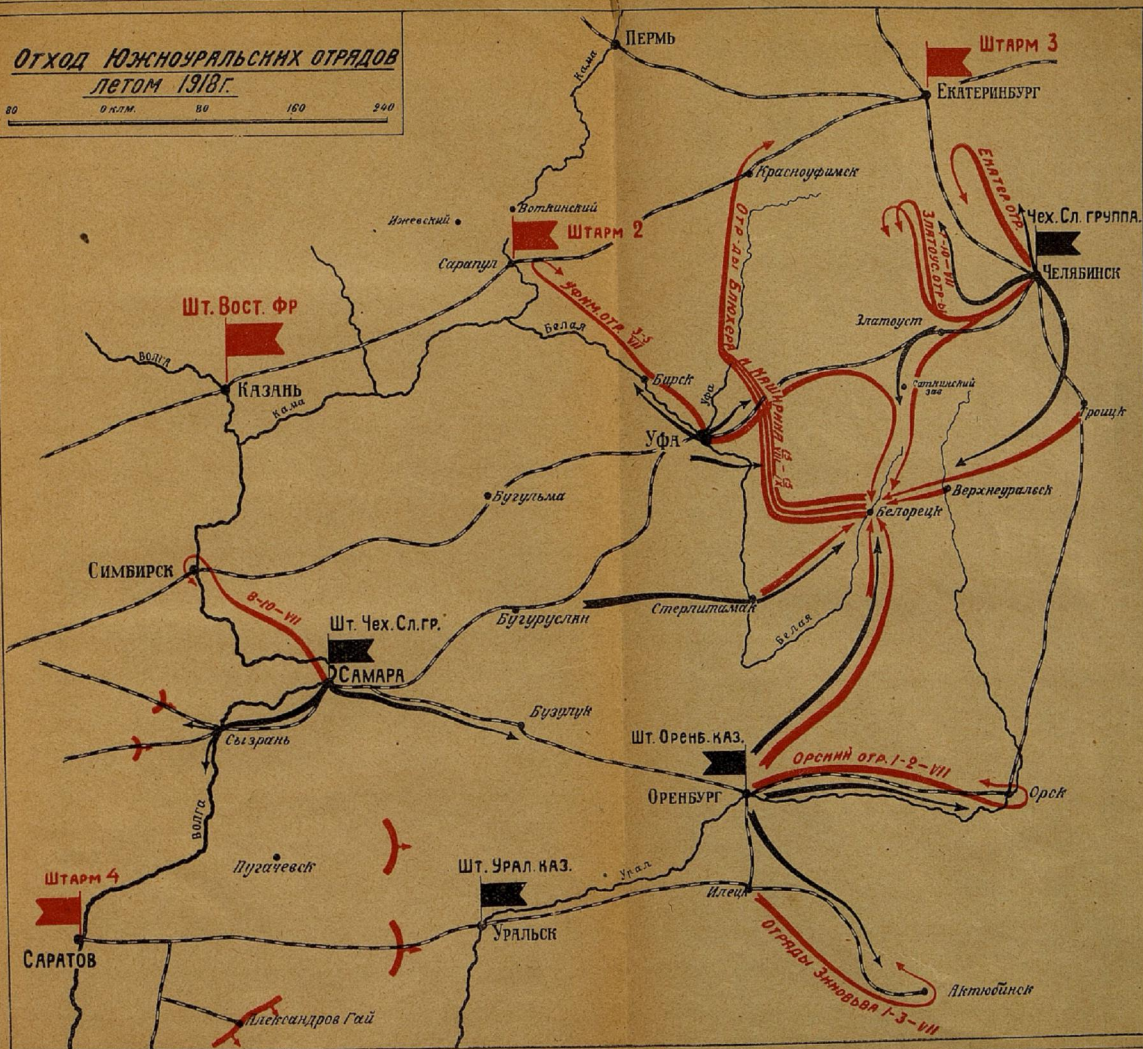
15. Коваль-Бурдин — левый эсер, организатор Златоустовского района.
  16. Крымов, Г. — активный рабстник Уфимского губернского Военного Комиссариата.
  17. Крюков-Ангорский — генштабист, товарищ М. Кадомцева (по Орловскому Централу).
  18. Калмыков, М. — активный деятель боевых организаций, командир Богоявленской боевой дружины.
  19. Мелков, Н. И. — лидер уфимских левых эсеров („дед“).
  20. Лямин — Мензелинский уездный военрук.
  21. Подвойский, Н. И. — Наркомвоен, Председатель Высшей Военной Инспекции.
  22. Русяев — Начальник штаба Троицкого отряда.
  23. Томин, Н. Д. — Начальник Троицкого отряда.
  24. Туманов, И. Ф. — Член Президиума боевых организаций.
  25. Сафаров — участник походов Уфа — Сарапул.
  26. Степучев — Начальник отряда Златоустовской группы.
  27. Орловский — генштабист, участник борьбы под Екатеринбургом в 1918 году.
  28. Ямбулатов — Комиссар мусульманской дружины в боях под Златоустом.
  29. Шаратов — Начальник штаба Орского отряда.
  30. Шведов — командир легкой батареи в бою под Бугульмой.
  31. Шик — лидер уфимских меньшевиков в 1918 году.
  32. Чевырев, А. М. — Начальник Уфимского рабочего отряда.
  33. Эльцин, Б. М. — Председатель Уфимского Совнаркома весной 1918 года.
-

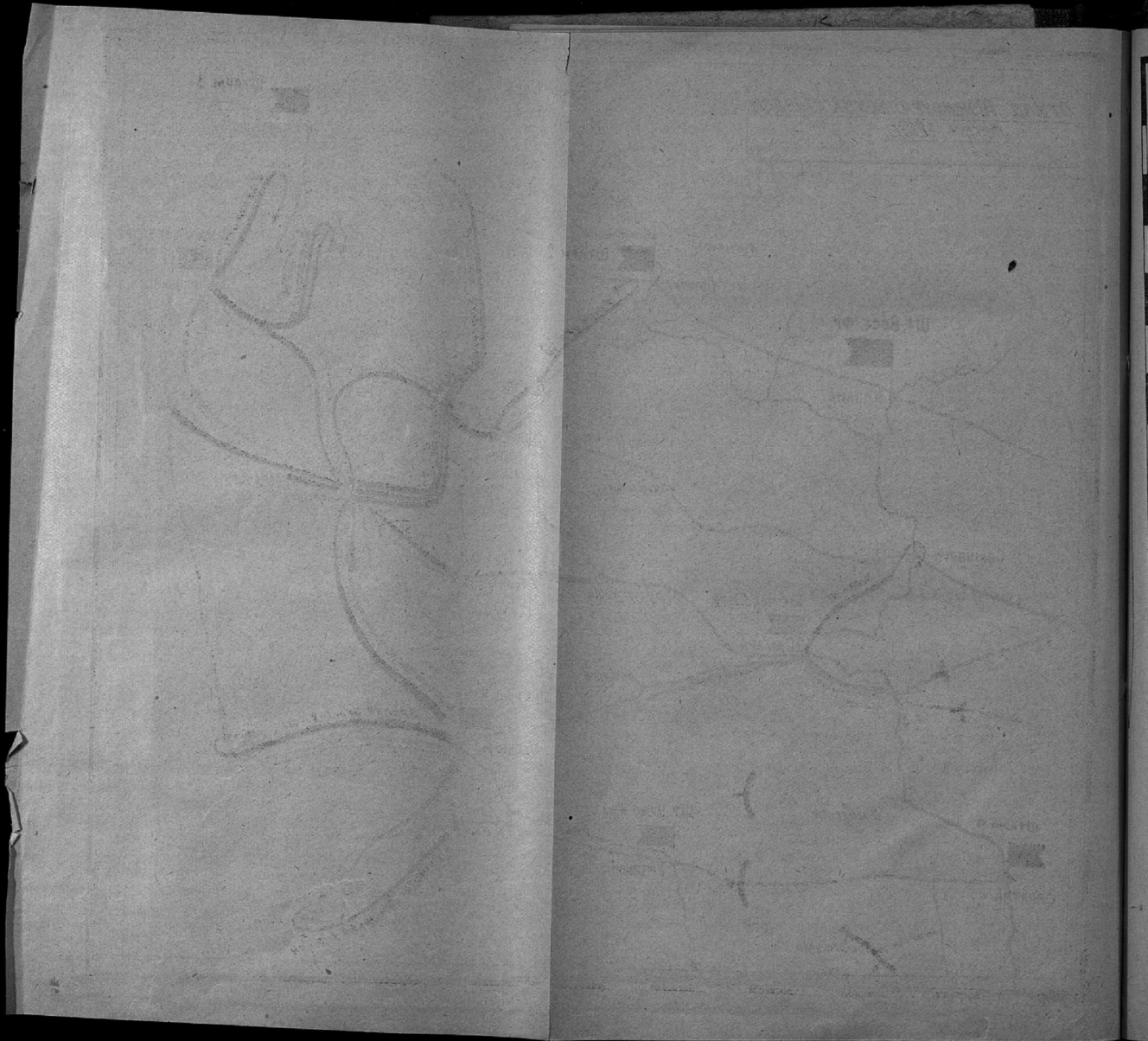
THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM THE FIRST SETTLEMENT
TO THE PRESENT TIME
BY NATHANIEL BENTLEY
VOLUME I
PUBLISHED BY
J. B. BROWN, 15 NASSAU ST.
1857

**Отход Южноуральских отрядов
летом 1918г.**

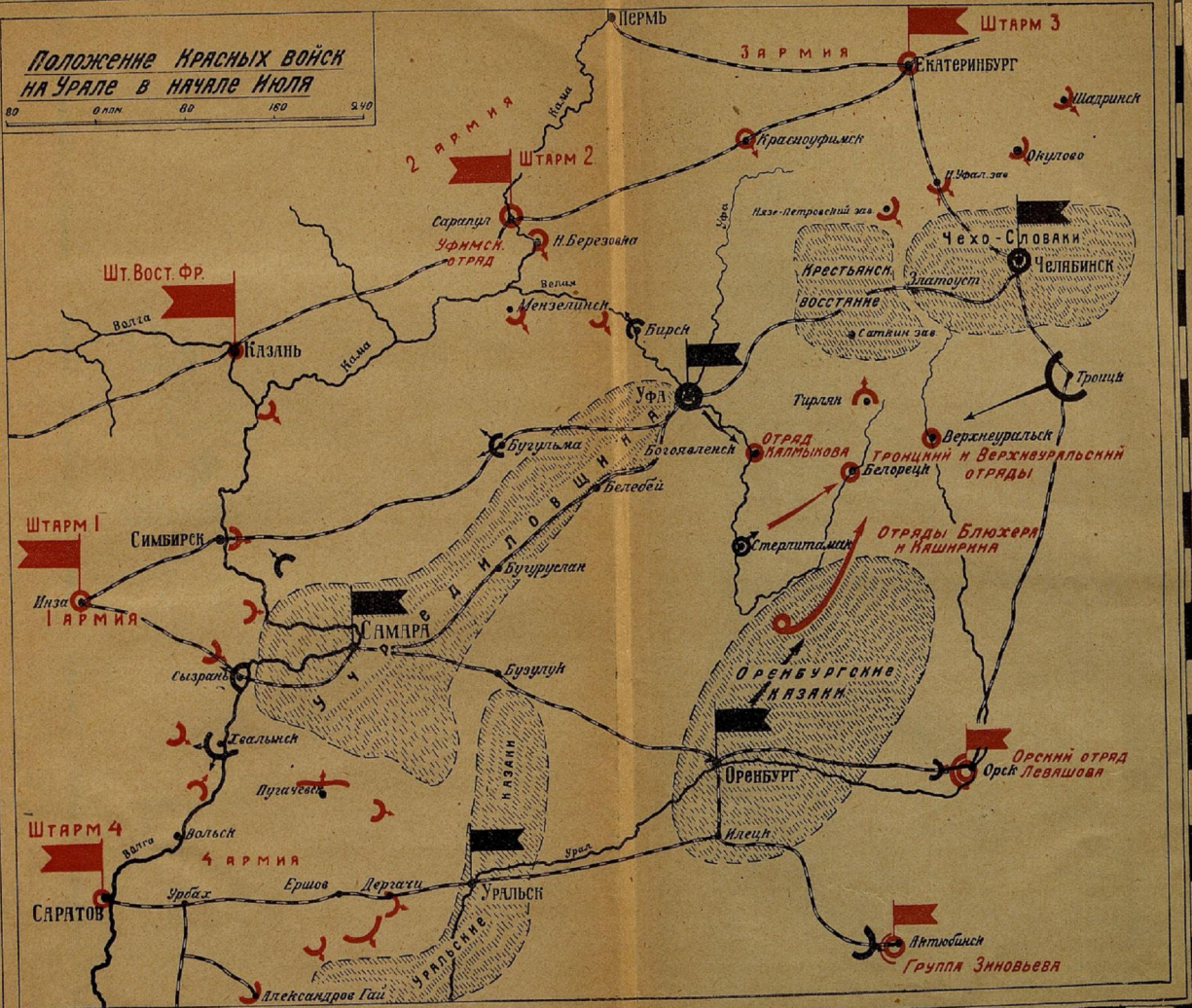
80 0 км. 80 160 240

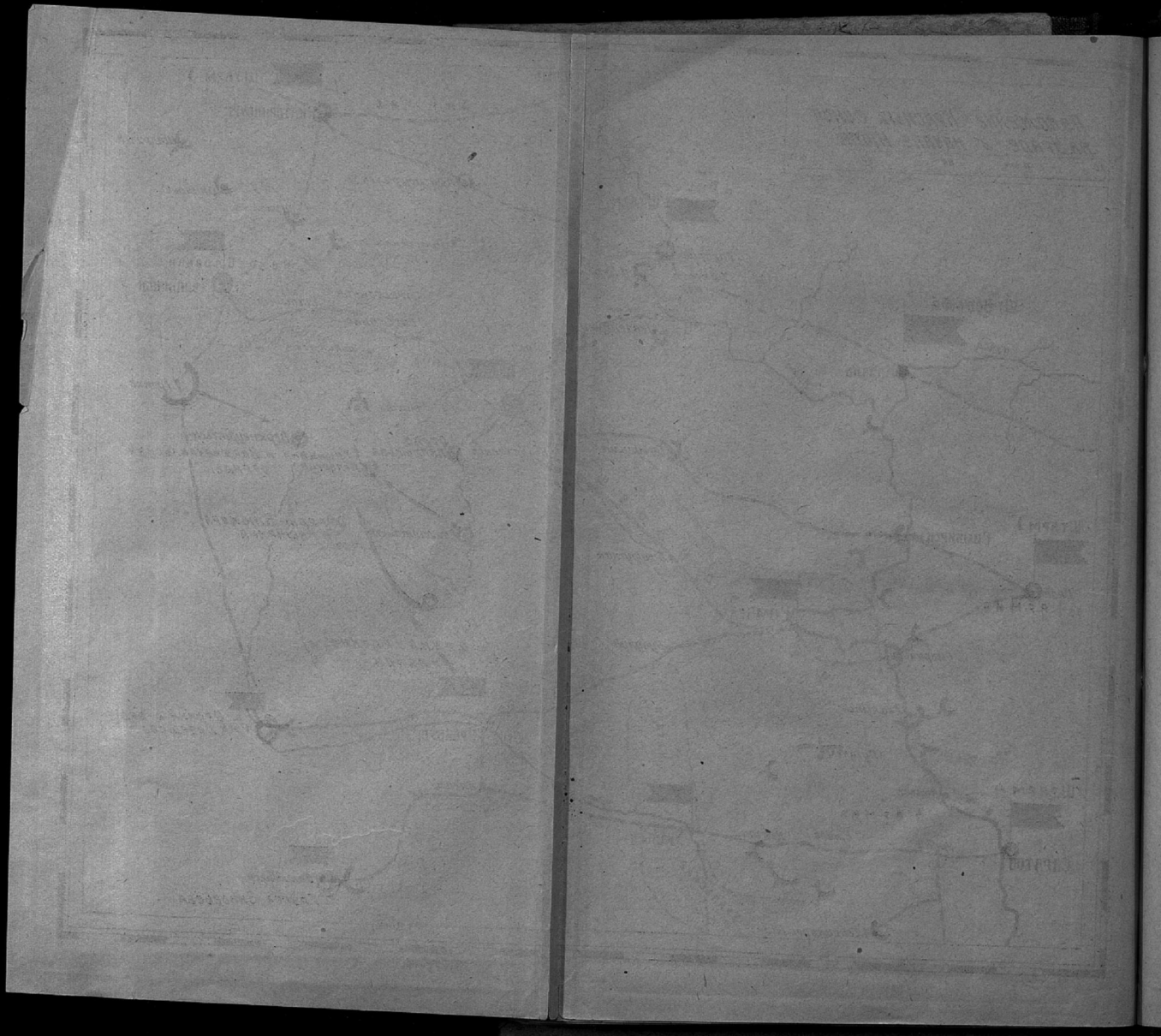

**Положение Красных войск
на Урале в начале июля**

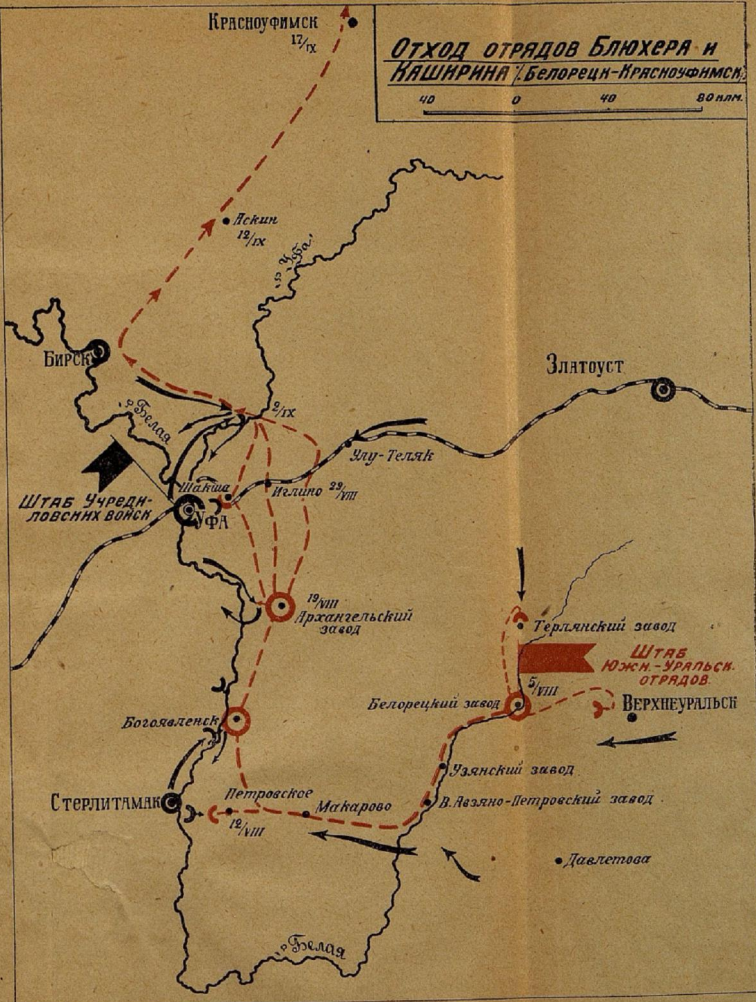
0 30 60 90 120 150 180 210 240 270 300 330 360

**Отход отрядов Блюхера и
Кяширина / Белорецк-Красноуфимск**

40 0 40 80 км.

Office of the Engineer
HARRISON ROAD DISTRICT

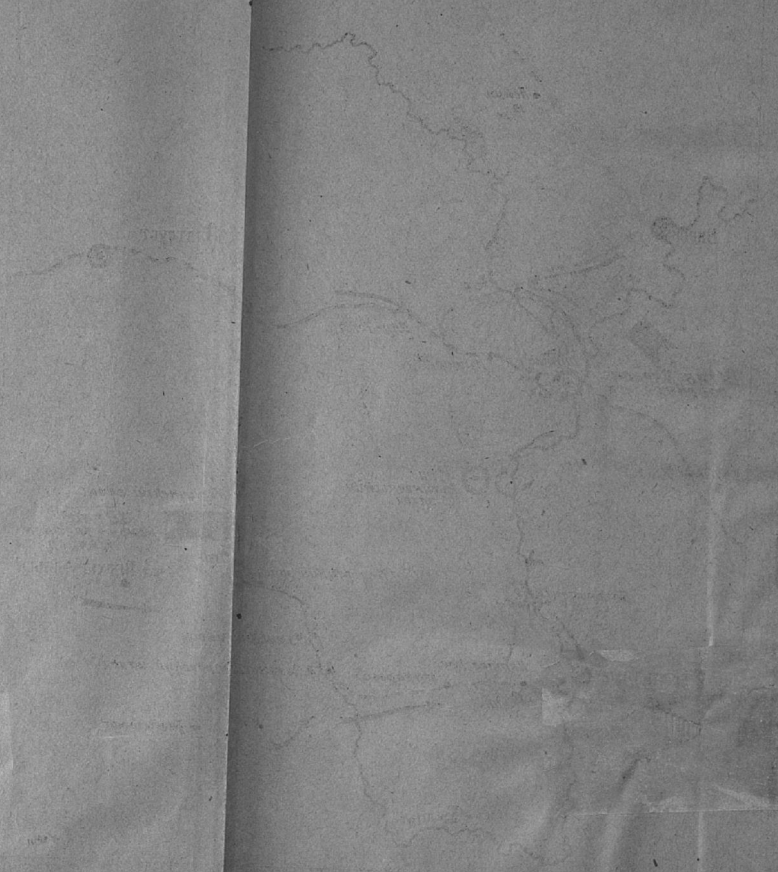
PLAN

100

100

PLAN OF

100

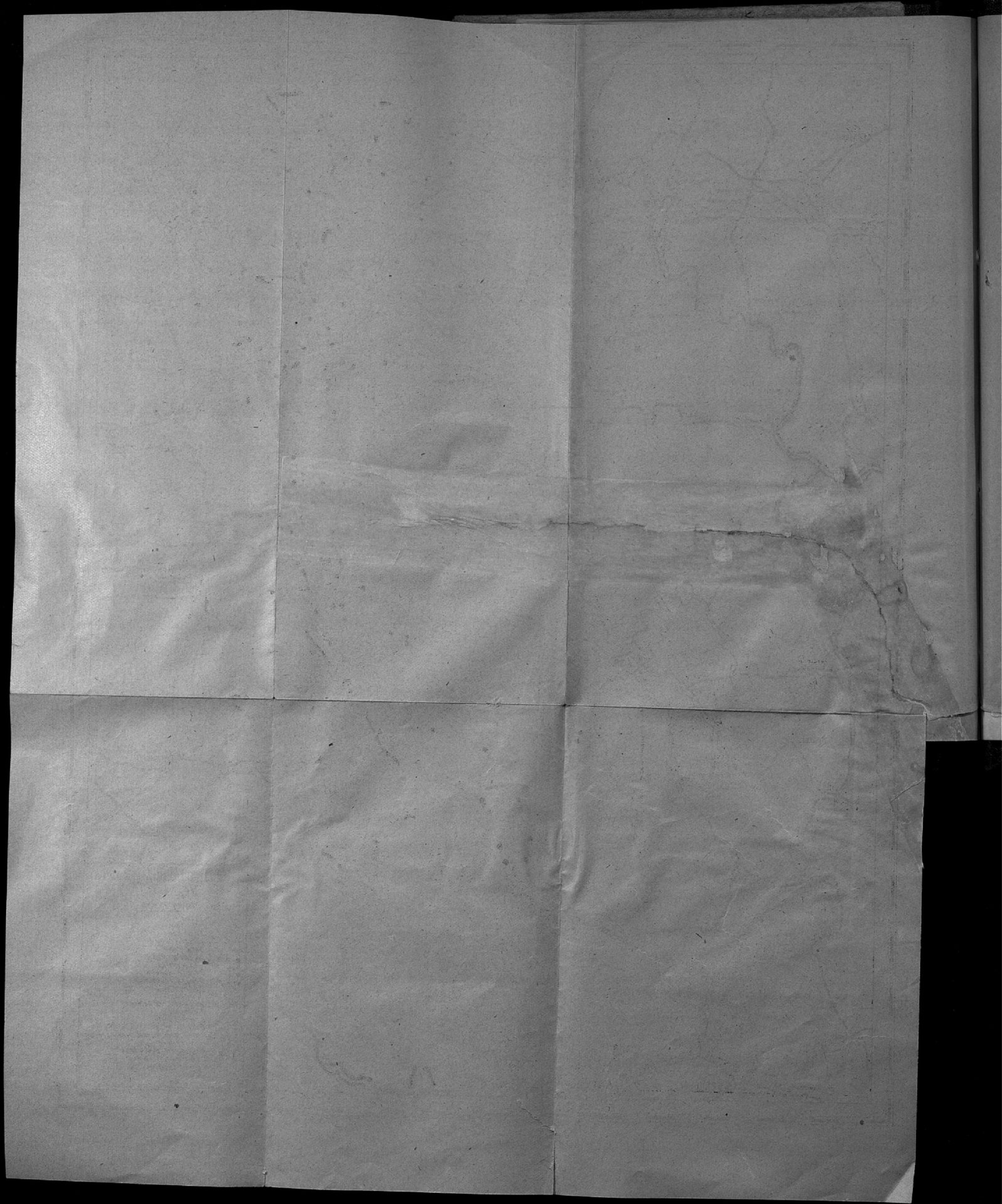

**ПРОМЫШЛЕННАЯ КАРТА
Урала**
Условные знаки

- ▲ завод
- Желездор
- Грани дола
- Губерн. гран.
- Звезда гран.
- Железн. руд.
- Медных руд.
- Золота и серебра.
- Золота и платины.
- Платины.
- Марганца руд.
- Хромист. железняка.
- Графита.
- Наменн. угля.
- Бурого угля.
- Минер. драгоц. кам. и рамаста мат.
- Магнезита.
- Никеля и кобальта.
- Серы и серн. колчед.
- Серьбря-свинц. руд.
- Соли.
- Д. м. т.

МЕСТОРОЖДЕНИЯ

O-25 kon.

